ПСИХОЛОГИ В ГРОЗНОМ **СПАСАЮТ ДУШИ** ЧЕЧЕНСКИХ ДЕТЕЙ Стр.56

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 5 НОЯБРЯ 1996

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek®

Жизнь удалась!

Стр. 34-43

Пять лет поражений и побед
Выбранные места из книги
Егора Гайдара
Стр.22

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 5 ноября 1996 **Итоги** № 26

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Уверенный финиш Клинтона.
Победа президента США Билла Клинтона над соперником-республиканцем Бобом Доулом стала очевидна задолго до 5 ноября. Специально для «Итогов» заключительный этап предвыборной кампании комментируют журналисты ведущих американских изданий. **Стр.34 – 43**

Случай с г-ном Березовским может быть, очевидно, объяснен лишь переплетением политических и предпринимательских интересов, сложным сочетанием хладнокровного расчета и безрассудного азарта. Судьба математика, управленца, торговца автомобилями, медиа-магната и увлеченного комбинатора дает теперь новый удивительный виток. Он, видимо, убежденный диалектик.
С Березовским не соскучишься. **Стр.11**

Пожалуй, только местные жители еще в силах разобраться в перипетиях войны в Афганистане, которая была священной. Она по-прежнему ведется под религиозными знаменами, однако каждая сторона воюет теперь только за свои святыни. Здесь идут **две войны за одну веру.** **Стр.46**

На обложке фото **SIPA/SEL**

Итоги

Еженедельный журнал
№ 26, 5 ноября 1996 года
Издатель ЗАО «Журнал «Итоги»
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Ответственный секретарь Андрей Збарский
Заместитель ответственного секретаря Виталий Колбасюк
Выпускающие редакторы Владимир Орлов, Ирина Фрейдлин
Отдел дизайна Алексей Афанасьев, Ирина Борисова, Петр Бородин, Галина Грозная **(ведущий дизайнер)**, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов, Ирина Ирхина, Алиса Петрова
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Маргарита Хемлин **(редактор)**, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Рубен Бекназар-Юзбашев **(редактор)**, Евгений Пахомов, Дмитрий Погоржельский **(корпункт в Бонне)**, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Елена Кузнецова, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Обстоятельства»)
Андрей Быстрицкий **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен, Денис Драгунский, Борис Жуков, Елена Каменская **(редактор)**, Игорь Рябов, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Марианна Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**, Андрей Толстой
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бурт, Лариса Долбина, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Костылева, Анна Лощихина, Ольга Никушкина, Анна Старостина, Мария Стаценко, Елена Черкасова
Водитель Михаил Егоров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

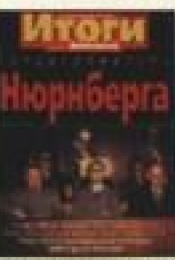
Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобехия **(директор)**, телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Ирина Келина **(директор)**, Ольга Лытаева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения:
Александр Магатаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой «Инком-Пресс», телефон (095) 195. 2149, факс (095) 195.0060
Телефон для справок по вопросам распространения (095) 753.4103
Фотослужба газеты «Сегодня» Алексей Дитякин **(директор)**
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Василий Черный **(директор)**,
Павел Балаченков, Марина Балабанова, Роман Балашов, Андрей Борщевский, Лев Галустов, Олег Детинин, Вера Долматовская, Андрей Дугин, Илья Дьяков, Анатолий Капчинский, Андрей Корзун, Жанна Махмутова, Александр Мелешкин, Владимир Остапцев, Валентин Писаревский, Ирина Рацек, Татьяна Савина, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж

Номер подписан в печать 31 октября 1996 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 55 000 экз.

О неточностях

Хочу высказать несколько соображений относительно статьи Дениса Драгунского «Забытый юбилей» в №23 журнала «Итоги». Исторический экскурс в XI век, предпринятый автором статьи, представляется мне неубедительным. Любеческий (1097 год), как и последующий Витичевский (1100 год) съезды князей имели своей целью не закрепление удельной раздробленности Руси, а прежде всего личное примирение враждовавших друг с другом членов правящей династии Рюриковичей, что во многом и было сделано.

Неверен и тезис о том, что после Любеча никто из удельных князей не помышлял о киевском престоле. Титул великого князя киевского продолжал оставаться вожделенным для многих претендентов еще на протяжении более полувека, пока политический центр Руси не переместился объективно во Владимиро-Суздальское княжество (при Андрее Боголюбском, взявшем Киев в 1169 году, но отказавшемся править в нем). И почти непрерывные династические войны после смерти Мономаха между старшими Мономаховичами (Мстислав I, Ярополк II, Вячеслав I, Изяслав II), с одной стороны, и Ольговичами (Всеволод II, Игорь II) совместно с младшим Мономаховичем (Юрий Долгорукий), с другой стороны, в 1125—1157 годах подтверждают это.

Кстати, не могу не отметить и прямую историческую неточность, допущенную в статье, где говорится, что «к концу XI века «княжеская номенклатура» утратила единство. Среди Ярославичей выделились Ольговичи, а также старшие и младшие Мономаховичи». Дело в том, что в конце XI века ни старшие, ни младшие Мономаховичи, ни Ольговичи «выделиться» еще не могли, так как Владимир Мономах был киевским князем лишь в 1113—1125 годы, и термин «Мономаховичи» может относиться только к периоду после 1125 года. Также и Ольговичи идут от Олега Святославича, кузена Мономаха, и Всеволод II Ольгович, например, родился только в 1104 году.

Всегда с интересом читал и читаю статьи Дениса Драгунского, в том числе ранее — и в других изданиях. Тем более обидно за такие «проколы».

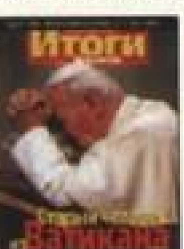
С уважением Евгений Цирульников, Москва

Об Эквадоре

С интересом прочел опубликованную в № 23 сего года статью «Президент Эквадора веселит публику». По непроизвольной ошибке в этой статье главный порт Эквадора город Гуаякиль назван «Лос Иракундос». Хочу прояснить этот момент с целью исправления указанной ошибки. «Лос Иракундос» — это название музыкального ансамбля. Пользуясь случаем, сообщаю вам, что эквадорский порт Гуаякиль насчитывает около двух миллионов жителей и по своему географическому положению и инфраструктуре считается одним из самых важных на тихоокеанском побережье. Основная часть экспорта и импорта страны осуществляется через этот город, основанный в XVII веке.

С уважением Хуан Саласар Сансиси, посол Эквадора в Российской Федерации

Об ошибках

В текст опубликованного в № 25 «Итогов» интервью секретаря Совета обороны РФ Ю.М.Батурина «Если формула не красива — она не верна...» вкралась ошибка, которая скорее всего не прошла мимо внимания специалистов и людей, интересующихся вопросами военного строительства. В опубликованном тексте говорится, что «... мы можем говорить о нынешней численности военнослужащих МО России два с половиной миллиона человек». На деле этой цифре приблизительно отвечает численность **военнослужащих и служащих** МО России.

Представляется, что это уточнение носит весьма важный характер, и мы просили бы вас информировать читателей «Итогов» об истинном положении дел.

Выражаю надежду на продолжение плодотворного сотрудничества с вашим еженедельником.

С уважением В.Н.Клименко, руководитель аппарата Совета обороны РФ.

Уважаемые читатели!

Мы будем рады узнать ваше мнение о наших публикациях, облике журнала.

Адрес редакции: 125871 Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а.
Телефон: **(095) 753-33-04**
E-mail ITOGI@TOD. NEWSBOX. MSK. SU

Напоминаем, что подписка на журнал **«Итоги»** на территории Российской Федерации принимается повсеместно без ограничений.

Наш подписной индекс 75587

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой **«Инком-Пресс»**.
Телефон: **(095) 195-21-49**, Факс: **(095)195-00-60.**
Телефон для справок по вопросам распространения:
(095) 753-41-03.

Уличные бои в Пакистане

Несмотря на то, что правительство Беназир Бхутто освободило из-под ареста лидера религиозной партии «Джамаат-и-ислами» Кази Хуссейн Ахмада, в Пакистане не прекращаются протесты фундаменталистов. Положение правительства осложняется и тем, что, отпустив Кази Ахмада и двух его соратников, пакистанское руководство фактически расписалось в собственном бессилии справиться с массовыми беспорядками в стране. Лидеры исламской оппозиции вышли на свободу, когда угроза марша миллиона сторонников «Джамаат-и-ислами» на Исламабад стала реальностью.

Кипр намерен остаться оффшорной зоной

Как заявил министр иностранных дел Кипра Алекос Михаилидис, на переговорах по поводу вступления страны в Евросоюз Кипр будет последовательно отстаивать свое право остаться оффшорной зоной. Объясняется это чисто экономическими интересами: с 1975 года, когда средиземноморский остров получил свой статус, на нем было зарегистрировано более 25 тысяч иностранных оффшорных компаний, и этот бизнес стал для страны вторым по доходности после туризма. Заявка на вступление в Евросоюз была подана в 1990 году и, возможно, будет удовлетворена в 1998-м. Но есть опасение, что европейские политики признают оффшорный статус Кипра не соответствующим правилам ЕС. Однако Алекос Михаилидис настроен оптимистично: подобным проблемам для Ирландии и Люксембурга уже было найдено решение.

Министр обороны Франции — агент КГБ?

О покойнике — или хорошо, или ничего. Журнал «Экспресс» не пожелал следовать этой заповеди, опубликовав сведения о том, что Шарль Эрню, возглавлявший министерство обороны Франции с 1981 по 1985 год, был агентом ряда разведок. Завербовали его еще в 1953 году болгары. Причем Андре (под этим именем он фигурировал в картотеке сексотов) сотрудничал отнюдь не из идеологических соображений, а из финансовых: до 1956 года он получал в месяц около 2750 франков (550 $).

В 1961 году Андре становится агентом румынской «Секуритате» под именем Дину и используется для политической разведки. Именно тогда Шарль Эрню вместе с Франсуа Миттераном создает соцпартию. В 1963 году перспективный политик Эрню переходит в прямое подчинение ведомства на Лубянке. Но документов о его службе на КГБ пока не обнаружено. Впрочем, через два года после кончины министра в 1990 году представитель «Секуритате» привез в Париж все материалы о вербовке Шарля Эрню. Шеф французской контрразведки доложил об этом Миттерану, который распорядился поставить на досье гриф «совершенно секретно», объяснив, что «не следует переписывать историю».

Выяснилось также, что и британские спецслужбы передали недавно своим французским коллегам список 300 высокопоставленных чиновников МИД Франции, сотрудничавших с восточноевропейскими разведками. Но и в отношении дипломатов-шпионов никакой реакции не последовало. Причины подобного «либерализма» и пытается выяснить французская пресса.

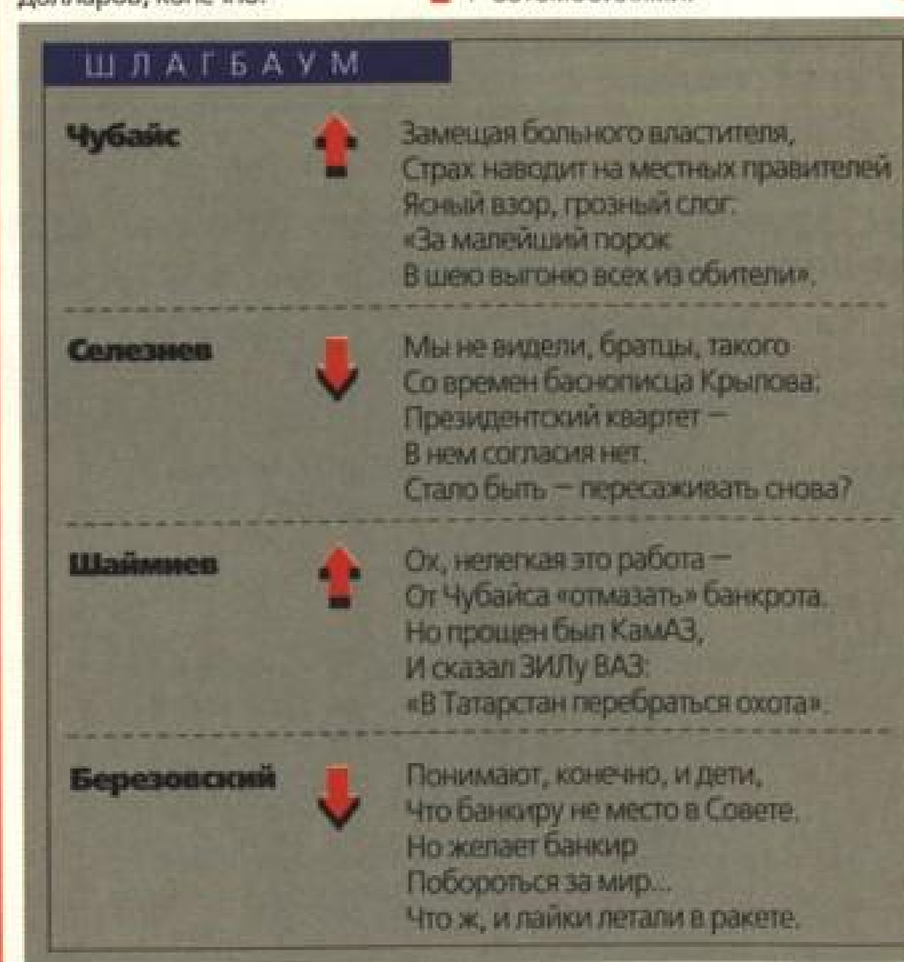
История с игрушками

Самый популярный мультик прошлого года «История игрушек» наконец появился на видеокассетах. По этому поводу видеодилеры, уже получившие заказ на 20 миллионов кассет, проводят красочную рекламную кампанию. Пока Америка радуется очередному приходу диснеевских зверюшек в детские комнаты, российские видеопираты радуются в связи с закончившейся кампанией по продаже «тряпочных», псевдолазерных и псевдопервых копий «Истории игрушек», которая продолжалась почти год. Точные данные пиратских прибылей неизвестны, но приблизительные исчисляются в миллиардах. Не долларов, конечно.

Лондонской «Дороге в ад» исполнилось 10 лет

Лондонской кольцевой автодороге — M25, — увековеченной в песне Криса Ри как «Дорога в ад», исполняется 10 лет. Эта 185-километровая — самая длинная в мире — кольцевая дорога обошлась правительству Маргарет Тэтчер в 1,6 млрд. долларов. Однако затраты стоили того: в часы пик дорога пропускает по 700 000 автомобилей.

Со времени своей постройки и до наших дней дорога подвергается непрерывной критике со стороны природозащитных организаций, так как ее высокая пропускная способность побудила лондонцев отказаться от общественного транспорта и больше пользоваться личными автомобилями.

ШЛАГБАУМ

Чубайс	↑	Замещая больного властителя, Страх наводит на местных правителей Ясный взор, грозный слог: «За малейший порок В шею выгоню всех из обители».
Селезнев	↓	Мы не видели, братцы, такого Со времен баснописца Крылова: Президентский квартет — В нем согласия нет. Стало быть — пересаживать снова?
Шаймиев	↑	Ох, нелегкая это работа — От Чубайса «отмазать» банкрота. Но прощен был КамАЗ, И сказал ЗИЛу ВАЗ: «В Татарстан перебраться охота».
Березовский	↓	Понимают, конечно, и дети, Что банкиру не место в Совете. Но желает банкир Побороться за мир... Что ж, и лайки летали в ракете.

Избиение жен — пережиток капитализма

Более тридцати тысяч писем от женщин, подвергшихся избиению со стороны собственных мужей, было получено Всекитайской федерацией женщин в 1995 году, что более чем в тридцать раз превышает количество жалоб, поступавших в предыдущие годы. По мнению одного пекинского еженедельника, такой разгул домашнего насилия — следствие социальных язв, занесенных в страну с Запада рыночными реформами. В целом же проблема преступности в Китае сегодня стоит очень остро. Борьбе с ней, которая развернулась под девизом «Сильный удар», посвящена выставка, открывшаяся на прошлой неделе в пекинском Военном музее.

Древнейшая религия

Древнейшей религией, по мнению австралийских и британских антропологов, можно считать верования, исповедуемые австралийскими аборигенами. К таким выводам пришла группа ученых, проводившая подробное исследование наскальной живописи аборигенов на севере Австралии. Речь, в частности, идет о таком часто встречающемся сюжете, как «Радужный змей». Согласно поверьям аборигенов, которые воспроизводят этот сюжет уже на протяжении 6 тысяч лет, некогда Земля была пустынна и бесплодна, и лишь «Радужный змей» однажды пропахал ее, создал реки, горы и долины. Сравнение 107 известных наскальных изображений «змея» по 137 характеристикам позволило ученым предположить, что речь идет о вполне сложившемся культе, который насчитывает по меньшей мере 6000 лет. До сих пор самыми старыми религиями считались индуизм и иудаизм, зародившиеся соответственно 3,5 и 4 тысячи лет тому назад.

В Греции отметили День Нет

На прошлой неделе в Греции отмечалась 56-я годовщина нападения фашистской Италии на эту страну во время второй мировой войны. 28 октября греческий народ сказал «нет» фашизму, поэтому национальный праздник называется «OXI». Каждый год в этот день в Афинах проводят военный парад, поминают погибших, многие выходят на рыбацких лодках в Эгейское море.

Импортная водка через аукцион

В Москве прошел семинар «Рынок алкогольных напитков и его регулирование в России», организованный ВАО «Союзплодимпорт» и Конфедерацией европейских производителей крепких спиртных напитков. Центральной темой обсуждения стал вопрос о кризисном положении отечественной ликеро-водочной промышленности. Мощности предприятий используются сегодня всего на 25—30 процентов. С 1 января 1997 года вступит в силу постановление правительства о квотировании импорта пищевого этилового спирта и водки (размер годовой квоты составит соответственно 1 млн. и 10 млн. декалитров). Квоты будут распределяться между импортерами на основе аукционных продаж через российские товарные биржи. Первый аукцион состоится уже в следующем месяце.

Девочки для парламента

Подпольный публичный дом в непосредственной близости от здания парламента в Риме ликвидировали итальянские полицейские. Взятая под стражу 62-летняя мадам на допросе сказала: «Клиенты получали у меня лишь первосортный товар». Дама тактично скрыла имена посетителей и лишь многозначительно заметила, что наибольший наплыв бывал между двумя и четырьмя часами дня. А именно в это время члены парламента уходят на обеденный перерыв.

Шакал не доволен книгой о себе

Ильич Рамирес Санчес по кличке Карлос-Шакал, террорист венесуэльского происхождения, выпускник Университета дружбы народов имени Лумумбы, с 1994 года сидящий в следственном изоляторе Парижа, потребовал через своих адвокатов изъятия тиража книги французского журналиста Бернарда Виоле «Карлос. Секретная сеть международного терроризма», недавно вышедшей в издательстве SEUIL. Кроме того, Ильич — Карлос-Шакал — требует от издательства 350 тысяч франков в качестве компенсации ему морального ущерба, так как книга «приписывает ему участие в некоторых событиях, которые никогда не были доказаны».

Марсель Марсо уже 50 лет на сцене

Сегодня может показаться, что слово «мим» — это монограмма великого артиста Марселя Марсо, и произошло оно вовсе не от слова «мимика». К концу XX века искусство пантомимы воплотилось для нас в худой гуттаперчевой фигуре в черном трико с черными штрихами глаз и рта на белом лице-маске. Марсель Марсо начинал в театре Жана-Луи Барро в Париже, но вскоре сам стал театром — театром одного мима. Подражателей ему несть числа, повторить его никто не смог. Его искусство пронизало мир. И нет ничего удивительного в том, что награду за 50 лет своего служения сцене он получает и в Венесуэле.

Дурной пример заразителен

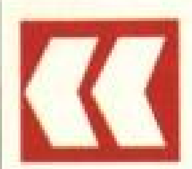
Применение силы, как правило, свидетельствует о невозможности разрешить проблему другим способом: не смогли справиться со стихией рынка — создали ВЧК. Тогда для борьбы с ростом преступности надо вводить по крайней мере чрезвычайное положение. Согласно данным опроса, проводившегося в июне 1996 года по общенациональной репрезентативной выборке (опрошено около 1700 респондентов), около 70% считают приемлемым привлечение армейских подразделений для захвата преступников, 43% одобряют введение комендантского часа в городах и местностях с высоким уровнем преступности. На вопрос, может ли рост преступности служить основанием для применения силы и ограничения индивидуальных свобод, 40% ответили утвердительно и 37% — отрицательно.

По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР—ТАСС, AFP, ЭКСТРА-ПРЕСС
ФОТО REUTER, AP, AFP, SIGMA

«На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться»

Виктор Черномырдин

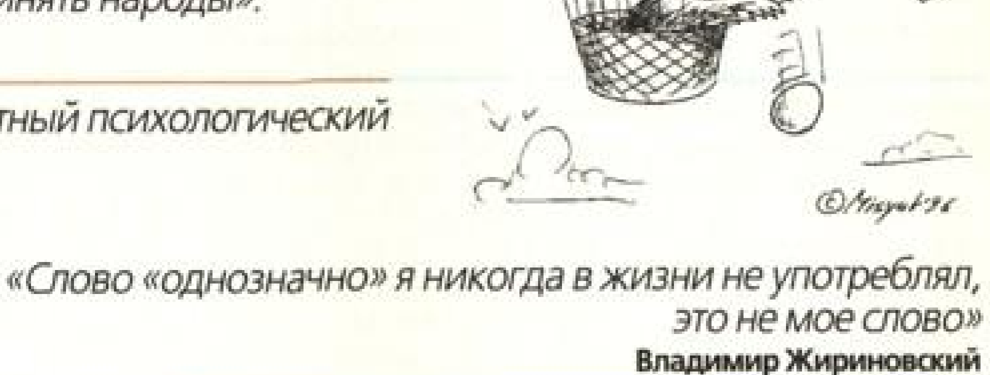

«Подделали фотографию. Там невооруженным глазом видно, что это монтаж. Я какую-то голую женщину обнимаю, просто гадость, разжигание национальной розни».
Александр Руцкой

«Я был очень рад увидеть Бориса Николаевича Борисом Николаевичем Ельциным».
Леонид Кучма

«Россия не вела и не будет вести преступных войн, ибо ее священный долг, ее миссия в том, чтобы добровольно объединять народы».
Анатолий Куликов

«В Российской Федерации уже создан благоприятный психологический кризис для проведения денежной реформы».
Сергей Дубинин (в изложении агентства Интерфакс)

«Слово «однозначно» я никогда в жизни не употреблял, это не мое слово»
Владимир Жириновский

«Это еще больше Россию оттолкнет от инвестиционной привлекательности».
Минтимер Шаймиев о возможном банкротстве КамАЗа

«У нас в России зависимых республик, краев, областей вовсе нет».
Иван Рыбкин о возможной независимости Чечни

«Я тот самый одиночка, которому в волнительных ситуациях трудно пробиться в силу регламента».
Андрей Козырев

О «Совете четырех» при президенте:
«Градус политической жизни несколько повысился. Эта конструкция должна сыграть роль хинина, который успокоит лихорадку».
Георгий Сатаров

«Олимпийский комитет остался вне этой черной критики и сохранил свое целомудрие, может быть, не по собственной вине».
Виталий Смирнов,
председатель Олимпийского комитета России

«Любимый отдых – охота. Всегда есть возможность походить, погулять, затаиться, ждать».

Вопрос: *«Успеваете ли Вы заметить красивых женщин?»*
«Успеваю. Но только заметить. Ничего больше. О чем горько сожалею».
Виктор Черномырдин

«Наверное, нужно было это давно пора сделать».
Геннадий Селезнев

Слушала и записывала
Рита Богданова

Распятые на золотом кресте

Сергей Иванов

РОВНО 100 ЛЕТ НАЗАД

ПРАВИЛЬНО ЭТО БЫЛО ИЛИ НЕТ, НО только всю свою президентскую кампанию 1896 года республиканец Уильям Макинли провел в буквальном смысле с крыльца собственного дома: к нему в городок Кантон в Огайо съезжались люди, а он выходил к ним и излагал свои взгляды. Там перебывало 750 тысяч человек.

Напротив, его соперник демократ Брайен из Небраски исколесил 18 тысяч миль и произнес более шестисот речей. Собственно, за красноречие его и утвердили кандидатом — вся трудовая Америка наизусть твердила его знаменитые слова, обращенные к финансистам Восточного побережья: «Вы не надвинете на чело труда ваш терновый венец, вы не распнете человечество на вашем золотом кресте!» Казалось бы, победа Брайена была предрешена: ведь все бедные стояли за него, а бедных всегда больше, чем богатых.

Что касается Макинли, то он никогда не гонялся за популярностью. Закончив гражданскую войну двадцатидвухлетним майором с орденами за храбрость, он и в Конгрессе вел себя до безрассудства храбро: достаточно вспомнить хотя бы его знаменитый Тариф Макинли 1890 года, в результате которого цены подскочили, экономика чуть воспряла, а сам он с треском вылетел из председательского кресла в Налоговом комитете Конгресса, а потом и вовсе не был переизбран.

Мог ли столь безоглядный политик рассчитывать на победу? Мог — за него работали деньги. Демократы потратили на кампанию Брайена 650 тысяч долларов, республиканцы на Макинли — в десять раз больше. Один лишь чикагский партийный комитет разослал 150 миллионов агитационных брошюр. Именно тогда Америка поняла силу политической рекламы. Кроме того, республиканцы массовыми тиражами печатали листовки на всех языках иммигрантских общин. В сторону Макинли постепенно склонялись симпатии крупных городов Востока, фермеров Среднего Запада, католиков, немецких лютеран пограничных штатов. Но бедные все равно были против него.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-96: СЕНСАЦИОННАЯ ПОБЕДА РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

До последнего момента никто не брался предсказать результат выборов. Были открыты букмекерские конторы, где люди бились об заклад: однако если в Нью-Йорке ставили 3,12 против 1 за Макинли, то в Вашингтоне все было наоборот. Там казалось невероятным, что долгое правление демократов так вдруг и закончится. Но по крайней мере одно было ясно: двухпартийная система в Североамериканских Соединенных Штатах после двадцатилетнего кризиса опять наполнялась политическим смыслом.

В 1896 году «первый вторник после первого понедельника» падал на 3 ноября. Этот день принес победу Макинли. За него проголосовал 51 процент избирателей, за Брайена — 46,7. Соотношение выборщиков было 271 против 176. Победив, Макинли немедленно приступил к экономическим реформам. Уже на следующий год был принят фундаментальный Акт Дингли о Тарифе — начавшийся затем экономический бум обеспечил Макинли переизбрание на второй срок в 1900 году, когда он снова победил того же пламенного борца за инфляцию Брайена, и с еще большим перевесом: 292 выборщика против 155. После этой победы босс республиканцев Мариханна писал Макинли: «Теперь твоя обязанность перед страной — просто прожить еще четыре года». Президент не выполнил эту обязанность: через полгода после инаугурации он поехал в Буффало на открытие Всеамериканской выставки и там, находясь среди приветствующей толпы, был смертельно ранен безработным Леоном Челгочем, которому протянул руку для рукопожатия. ■

Псевдомемуар

Евгений Попов

ДУМЫ

ВВИДУ ОГРОМНОГО КОЛИЧЕСТВА нищих, блатных, авантюристов и жуликов, обнаруживаемых в самых разных слоях нашего постпосткоммунистического общества, я (временно) вынужден прийти к выводу, что художественная литература в смысле «разумного, доброго, вечного» как-то немножко стушевалась, если не сказать больше.

То ли дело раньше, в суровые годы застоя, когда вся страна (за исключением некоторых на самом верху и в самом низу) буквально изнывала под игом злодеев-коммунистов, в магазинах продавали рыбу-хек, а дети клянчили жвачку у иностранцев.

Тогда, например, а именно в 1982 году, моему другу поэту Юрию Кублановскому Управление КГБ по Москве и Московской области сделало недвусмысленное, но двойное предложение: или на Восток — исправляться физическим трудом на свежем лагерном воздухе, или на Запад — пропадать вдали от Родины, ее березок и партийных комитетов.

Поэт, естественно, выбрал Запад, и вот он уже в городе Вене, и вот он мне уже оттуда звонит в Теплый Стан Москвы, где я тогда проживал.

— Привет! Ты меня по «Свободе» слышал? — напрямик спросил он, и я обомлел — три дня назад мы с ним толковали о том, что русско-советские, оказавшись на Западе, быстро забывают реалии нашей вялотекущей жизни. Быстро, но не настолько же? Поэтому я ответил дипломатично:

— У меня батарейки в приемнике сели.

— Понятно! — оценил Ю. Кублановский степень моей искренности. — Значит, глушат?

— Нет, ради тебя прекратили... — по известным причинам меня совсем не интересовала предложенная им тема, и я попросил: — Ты лучше опиши, что сейчас видишь из телефонной будки.

— А я вижу киоск с напитками, жвачкой, сигаретами, чипсами и другими товарами. Рядом с киоском сидит нищий в джинсовом костюме и играет на аккордеоне.

Как быстро бежит время! Поэт Кублановский одним из первых (и последних, кстати, потому что мало кто из вынужденных эмигрантов 60-х последовал его примеру) возвратился на родину, издал много книг, стал уважаемым членом нашего постпосткоммунистического общества, работает в журнале «Новый мир».

А я недавно вышел на уголок, что напротив бывшей гостиницы «Советская» («Соколовский хор у «Яра» был когда-то знаменит»), и там увидел пять киосков с напитками, жвачкой, сигаретами, чипсами и другими товарами. Рядом сидели двое нищих в джинсовых костюмах, один из них играл на аккордеоне, а другой, правда, на аккордеоне не играл, зато пил из банки баночное пиво «Бавария».

— Почему бы вам не употребить, на худой конец, пиво «Жигулевское», если уж вы как-никак нищий? — обратился я к нему.

— Красиво жить не запретишь, — ответил он мне древней советской фразой, и тут-то меня и осенило, что художественная литература в смысле «разумного, доброго, вечного» как-то немножко стушевалась, если не сказать больше. Опиши я эту историю в прозе, меня обвинят в натужном сочинительстве и отсутствии «ясных нравственных критериев», потому что никаких нравственных, равно как и безнравственных выводов из этой истории сделать невозможно.

Вот отчего я и вынужден писать этот «псевдомемуар». ■

Поместье в Кении

Александр Рыклин

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

НАЧАЛАСЬ НОВАЯ ЭПОХА. УЛИЦЫ заполнились «мерседесами», рестораны — бандитами, пригороды — особняками. Народные массы занервничали, готовясь сбиться в стаю. В «мерседесах» решили, что хорошо бы их всех стаей отправить в Турцию. За товаром. Мужчин, женщин, стариков и детей погрузили в самолеты и перевезли на берега Босфора.

Так мой приятель Сергей заработал свои первые деньги.

Потом он открывал и закрывал фирмы, организовывал совместные предприятия, возил контрабанду, давал взятки налоговым инспекторам, воевал с бандитами — жил, как и все рядовые российские предприниматели начала девяностых годов двадцатого столетия. И вдруг затосковал. Такое случается с нашим человеком. Большинство пускается в запой. Сергей запил умеренно, скупил два ларька видеокассет, заперся в квартире и целыми днями смотрел кино. Недели через две-три очередь дошла до фильма «Из Африки» с Мерил Стрип в главной роли.

Он прочитал о Кении все, что смог найти, пересмотрел множество научных фильмов, съездил на конференцию по проблемам Восточной Африки в Молдавию, взялся за суахили. Потом купил себе зеленые штаны, пробковый шлем, продал дело, развелся с женой и исчез.

Он окликнул меня на Тверской возле магазина «Подарки» холодным весенним утром девяностого шестого года. Передо мной стоял загорелый до черноты иностранец. Я узнал Сергея моментально. Но поверить не мог. Когда-то он был лет на пять меня старше, теперь — определенно моложе.

Сергей купил поместье в Кении на берегу Индийского океана. В доме из двенадцати комнат до шестьдесят второго года жила финская семья. Потом финны уехали, двери опечатали, окна заколотили.

Вместе с государственным служащим из Найроби они оторвали доски и сломали печати. Потом Сергей увидел, что за происходящим наблюдает толпа истощенных негров из близлежащей деревушки, расположенной на земле, теперь принадлежащей новому русскому хозяину. Сергей решил, что его провели, как ребенка.

«Где, — Сергей схватил за грудки перепуганного служащего, — где, я тебя спрашиваю, в контракте сказано, что я должен кормить ораву аборигенов? Они же в последний раз жрали при бывших хозяевах тридцать лет назад! Может, эти дикари и чухонцев слопали, когда у тех деньги кончились!»

Сергей кричал по-русски, начисто забыв азы суахили. Служащий из Найроби впервые в жизни слышал русскую речь, и вряд ли она ему понравилась. Он жалобно лепетал на плохом немецком и тыкал черным пальцем то в листы контракта, то в сторону деревни. Наконец, отчаявшись что-либо объяснить обезумевшему покупателю, он подозвал пожилого негра, который держался в стороне от толпы. То ли вождь, то ли главный шаман. Вождь подошел, поклонился с улыбкой и бодро зачастил по-фински. Сергей схватился за голову, прыгнул в джип и укатил в Найроби.

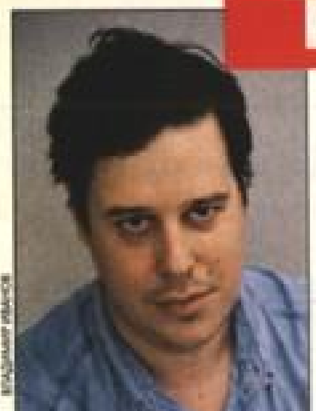
Там ему наконец-то объяснили, что за восемьдесят семь тысяч долларов им куплен дом, несколько десятков гектаров земли с деревней и плантацией агав, триста метров белого песчаного пляжа и кусок Индийского океана. Треть по условиям договора он заплатил сразу. Остальные шестьдесят — в рассрочку на пять лет. То есть получилось по тысяче долларов в месяц. Сергей успокоился.

Аборигены не только кормили себя сами, но и приносили доход хозяину. Из листьев агав они делали сизаль — грубое волокно для самых прочных в мире канатов. Плантация могла давать до двадцати тысяч чистой прибыли в год. Этих денег вполне хватало, чтобы гасить долг. Когда Сергей понял, что дом, плантация, деревня, пляж и Индийский океан достались ему меньше чем за тридцать тысяч долларов, он стал сентиментальным и начал строить школу.

Под окнами особняка растут гигантские пальмы, со второго этажа открывается вид на окрестные холмы. Однажды утром стадо жирафов прошествовало мимо. Сергей научился бить рыбу острогой на мелководье, ездить на джипе по пересеченной местности, стрелять из карабина. В Москву он прилетел второй раз за три года.

— Ладно, старик, я побежал, послезавтра возвращаюсь домой, дел по горло. Какой-то ты бледный. Смотри, заплохеет совсем — приезжай.

Скорее всего я никогда не поеду в Кению. Но теперь я знаю: в любой момент можно бросить все к чертовой матери и оказаться на берегу Индийского океана, где негры говорят по-фински. ■

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

Керосиновая фора

Политики из окружения президента нынче боятся ссориться в открытую, но и уступать друг другу не хотят даже в мелочах

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ ПОД АРХАНГЕЛЬСКОМ, А ТОЧНЕЕ В СЕВЕРОДВИНСКЕ, должно было состояться грандиозное мероприятие — закладка атомной подводной лодки «Юрий Долгорукий». Шансы стать вдвойне знаменательным оно имело потому, что почтить торжество своим присутствием намеревались люди, которые еще вчера считались заклятыми врагами: Анатолий Чубайс и Юрий Лужков. Первый должен был прибыть из Санкт-Петербурга, второй — из Москвы.

Метеорологи и авиаторы обеих столиц, используя доводы здравого смысла, попытались объяснить высоким чиновникам, что бушующий в Архангельске штормовой ветер и низкая облачность делают приземление, а значит и присутствие московских начальников на празднике, невозможным. Бесполезно. Возможно, в иной ситуации от полета и отказались бы. Но тут каждый боялся, что другой рискнет и прилетит, а потом будет злорадствовать и упрекать соперника в трусости.

К полудню, когда самолеты достигли Архангельска, погода не изменилась. Пилоты и наземные службы снова стали уговаривать государственных мужей не рисковать и вернуться домой. Но ни Чубайс, ни Лужков не хотели уступать. Правда, глава президентской администрации оказался более благоразумным — он решил уступить право приземлиться первым московскому мэру. Чубайс, конечно, рисковал — Лужков с его напором мог и уломать военных летчиков посадить самолет. Но пилоты из Чкаловского явно собирались вернуться домой живыми и потому придумали даже какую-то заводскую трубу, стоящую чуть ли не на летном поле, которую самолет в тумане неминуемо чем-нибудь заденет. На помощь летчикам пришли и наземные службы, пообещавшие, что в облаках обязательно образуется «окно», через которое можно будет «нырнуть» вниз, но случится это не раньше чем через два часа (прогноз, естественно, не сбылся). Лужкова убедили, а тут еще проблемы с горючим — самолет развернулся на Москву.

Все это время Анатолий Чубайс парил невдалеке: горючего у него было достаточно (из Питера до Архангельска лететь недалеко). Такое преимущество в керосине позволило кремлевскому администратору барражировать над городом — а вдруг «окно» действительно откроется, и мэр решит вернуться — до тех пор, пока не пришло сообщение о том, что Лужков начал снижаться над Москвой. Тогда в столицу двинулся и Чубайс. Мэр же не вышел из самолета до тех пор, пока разведка не донесла: Чубайс приземлился и уехал из Внуково-2.

Примечательно, что Лужков в самолете все три часа беспрестанно печалился по поводу приглашения на торжества Чубайса. «На трибуне постою, а вот ленточку этот (видимо, Чубайс. — **«Итоги»**) пусть режет сам»,— грозился он. На что сопровождавшие его генералы согласно кивали. «А денег на лодку подкинете?» — спрашивали они, когда московский градоначальник останавливался, чтобы перевести дух. Следовали утвердительный ответ и дальнейшее ворчание.

История с полетом в Северодвинск — не единственный случай, когда тайное противостояние двух персон вышло наружу. Правда, времена прямых обвинений, когда столичный голова сравнивал тогда еще первого вице-премьера с пьяницей, который «тащит на продажу все из дому», ушли в историю. Теперь и статус Чубайса другой, и планы у самого Лужкова вышли за пределы Московской кольцевой дороги. Но самое главное — после скандала с Лебедем высокопоставленные чиновники просто боятся идти на открытые конфликты. Это запрещено.

После ухода Лебедя сложилась уникальная ситуация — федеральная власть сегодня действительно представляет собой единое целое, монолит, или, как выражается президент, «сжатый кулак». По большому счету, это вполне отвечает нуждам страны, если учесть экономические последствия президентских выборов и политическую обстановку, которая складывается в результате выборов губернаторских.

Сейчас перед Ельциным и его окружением стоит задача любой ценой найти деньги на зарплаты, пенсии и отопление. Такое впечатление, что налоговая ВЧК пока больших успехов не достигла — «потрясти» нефтяников и газовиков не получилось. Пришлось отступить и перед натиском татарского президента, вставшего на защиту своих предприятий. Тем не менее, памятуя о действиях Чубайса в бытность его председателем комиссии по неплатежам, можно предположить, что работа по выбиванию денег из неплательщиков ведется с большим размахом и, как говорят в правительстве, довольно эффективно.

Решая финансовые вопросы, Кремль параллельно приступает к реализации плана, суть которого один высокопоставленный президентский чиновник определил так: наведение порядка в государственном организме. Речь идет о поиске рычагов давления на новых глав исполнительной власти на местах (в администрации президента уверяют, что юристы знают уже способы законного увольнения избранного губернатора), а также о борьбе с региональным законотворчеством, подчас рождающим нормативные акты, противоречащие Конституции. В этой борьбе Москва пленных брать не собирается.

На прошлой неделе Анатолий Чубайс вполне серьезно высказался за предоставление дополнительных полномочий прокуратуре, которые позволят ей приостанавливать местные законы до решения суда, а также отстранять и наказывать виновных в появлении на свет «противозаконных законов». Все это требует создания четкого механизма контроля и отлаженной работы аппарата. Анатолий Чубайс многократно доказывал свое умение доводить начатое до конца любыми средствами. По свидетельству старожилов Старой площади, идущая сейчас в администрации президента реорганизация нацелена именно на реализацию жестких мер, задуманных главой департамента.

Бросается в глаза забавная деталь — все мероприятия, требующие решительных действий, возглавляет Чубайс. По большому счету ничего плохого в этом нет. Анатолий Борисович — чуть ли не единственный высокопоставленный политик, который способен заставить работать государственные механизмы. И тем не менее столь значительное усиление позиций первого президентского помощника в отсутствие мощного противовеса, коим служил Александр Лебедь, не может не беспокоить, и в первую очередь самого Бориса Ельцина.

В сегодняшней ситуации противовесом Анатолию Чубайсу может стать Юрий Лужков. Он амбициозен, но терпелив, все чаще позволяет себе высказываться по текущим проблемам внутренней и внешней политики, но предан президенту и никогда не пойдет против его воли. А если и подумывает о выходе на федеральный уровень, то, в отличие от Лебедя, не хоронит президента раньше времени. Лужков вполне может оспорить у Виктора Черномырдина (чей избирательный штаб планирует в будущем возглавить Анатолий Чубайс) право на президентское благословение и титул преемника. Так что приближение Лужкова к главе государства не сулит главе президентской администрации ничего хорошего.

Впрочем, пока у Чубайса есть преимущество не только в керосине, но и во времени. Пока он может позволить себе дразнить депутатов, производя странное назначение Бориса Березовского на пост заместителя Совета безопасности и тем самым ставя под удар замысел президента о «большой четверке».

В минувшую субботу Чубайс вновь собирался лететь в Северодвинск, туда же намеревался отправиться и Лужков: лодку как-никак заложить надо.

Красный день календаря

Подготовка к операции Ельцина вступила в решающую фазу: врачи и политики успокаивают общественность

Григорий Воскобойников

ЗДОРОВЬЕ

ОПЕРАЦИЯ НА ПРЕЗИДЕНТСКОМ СЕРДЦЕ, О которой в последнее время только и говорят, возможно, будет проведена на этой неделе. По информации из разных источников, состоится она между 5 и 10 ноября. Точную дату могут объявить на консилиуме в нынешний понедельник. А скорее всего об операции сообщат, когда она будет уже сделана.

Глядя из Хьюстона

После сентябрьского консилиума, когда врачи довольно щедро делились информацией о недугах президента и проблемах, которые должны быть решены до операции, больше месяца о здоровье президента почти никаких сведений не поступало. Только на прошлой неделе кремлевские врачи распространили скупой бюллетень, где сообщалось, что «температура стабильна на нормальных показаниях, давление стабильное». Тем временем политики, встречавшиеся в этот период с Ельциным, тоже не баловали общественность разнообразием: «президент находится в хорошей форме» и «рукопожатие у него крепкое».

Как это ни парадоксально, главным источником информации о здоровье президента стал американский профессор Майкл ДеБейки, который всю прошлую неделю щедро раздавал интервью, рассказывая о своей скорой поездке в Москву и — что самое интересное — о замечательном состоянии здоровья пациента.

Информированности профессора можно было только дивиться. В одном из бесчисленных интервью ДеБейки сообщил: все проблемы, из-за которых операция и откладывалась, решены и риск сведен к минимуму. По его словам, устранена анемия, а главное — восстановлена функция сердечной мышцы, вследствие чего фракция изгнания крови из сердечного желудочка с 20 процентов выросла до 35 и к следующей неделе достигнет уровня 40 процентов. И тогда можно будет оперировать.

В телефонном интервью «Итогам» ДеБейки особо отметил, что он основывается на «сообщениях российских врачей, как письменных, так и по телефону». И «полностью доверяет группе российских медиков, под чьим наблюдением находится президент», коих считает «превосходными врачами».

На этой неделе ДеБейки собирается лично осмотреть пациента, а также, как он сказал нашему корреспонденту, предоставить «консультации любого рода, которые могут потребоваться российским врачам», в том числе и во время операции.

ПРОФЕССОР **МАЙКЛ ДЕБЕЙКИ**

Надо сказать, что комментарии отечественных врачей куда более сдержанны, да и добиться их можно исключительно в приватных беседах. По словам российских медиков, дела президента не так хороши, как это видится из-за океана, и риск неудачного исхода операции по-прежнему велик. При этом отечественные специалисты уже давно говорят о том, что общая ситуация со здоровьем президента усугубляется проблемами с почками и печенью.

В связи с этим американский профессор в беседе с корреспондентом «Итогов» в очередной раз уверенно заявил, что почки и печень у Ельцина в норме. И вывод такой он сделал не только на основании письменных отчетов, но и при личном осмотре больного в сентябре.

Конечно, можно подозревать российских врачей в том, что они сознательно обманывали своего американского коллегу и учителя. Можно заподозрить и ДеБейки в неискренности и лукавстве, в том, что он хочет успокоить мировую общественность и помочь президенту Клинтону победить на выборах.

Однако американский президент-демократ и так идет к голосованию с солидным отрывом, а кардиохирург слишком богат и знаменит для каких-то мелких интриг.

Делать — не делать

Пока ДеБейки успокаивает мир, что операция совсем не опасна и скоро российский президент вернется в строй, в России аналогичную кампанию начал премьер Черномырдин. В интервью телекомпании НТВ на вопрос, заданный как бы между прочим, он как бы между прочим ответил, что, если бы не профессор Акчурин, который сделал ему, Черномырдину, восемь лет назад операцию шунтирования, он «не смог бы так работать все это время». При этом хорошая физическая форма Черномырдина всем известна.

Тем временем, пока премьер демонстрировал с экрана свое здоровье и вообще старался показать себя простым парнем из народа, Ельцин по требованию врачей в преддверии операции отменил все встречи. Медики на прошлой неделе провели, по словам пресс-секретаря президента, серию «тестов и функциональных проб со специальными нагрузками». В интервью «Итогам» профессор Алексей Юренев, завкафедрой кардиологии Московской медицинской академии, пояснил, что речь может идти, во-первых, о полном и тщательном обследовании всех систем организма, а также об «определении максимальных нагрузок на сердце» с использованием беговых дорожек и велоэргометра. Гадать, что конкретно делали с президентом, Юренев отказался, пояснив, что «операция на сердце это не аппендицит, тут все гораздо сложнее, а потому требуется индивидуальный подход» В любом случае если речь идет о предоперационной подготовке, то она занимает в среднем неделю-полторы. Так что дата операции — ноябрьские праздники — кажется правдоподобной.

Однако, по сведениям из Кремля и ЦКБ, требование врачей о прекращении всяческих контактов Ельцина с внешним миром (к больному приезжают лишь члены семьи и его первый помощник Чубайс) объясняется еще и тем, что в последнее время президент вел слишком активный образ жизни — много работал, много встречался с людьми. В результате врачи зафиксировали некоторое ухудшение общего состояния его здоровья, что накануне операции не может их не беспокоить.

Впрочем, все эти волнения могут оказаться лишними. В Кремле по-прежнему считают, что лучше обойтись без операции. Нужно просто создать президенту щадящий режим работы. Риск слишком велик. Публичный отказ президента лечь под нож может привести к грандиозному скандалу. Так что лучше — объявить, что операция прошла успешно.

Но никакой операции не делать. ■

С Березовским не соскучишься

Магнат по праву заслужил назначение на высокий государственный пост. Весь вопрос в том, зачем этот пост ему понадобился

Сергей Пархоменко

ТОНКОСТИ

НАЗНАЧЕНИЕ БОРИСА БЕРЕЗОВСКОГО ЗАМЕСтителем секретаря Совета безопасности спровоцировало отнюдь не только «дворцовый переполох», как квалифицировали «Известия» обстановку, сложившуюся в кремлевских кулуарах на минувшей неделе. Переполох был, пожалуй, еще заметнее в среде репортеров и обозревателей, ведущих хронику событий в Кремле, на Старой площади и Краснопресненской набережной.

Конечно, нынешняя ситуация на верхних уровнях российской политической пирамиды, вовсе не проста: причудливый набор противоречивых союзов и противоестественных конфликтов, определяющих расстановку сил, дает аналитику богатую пищу для спекуляций. Однако до сих пор развитие этой самой ситуации все же подчинялось некой логике, достаточно строгой и легко поддающейся расшифровке.

В самом деле: сначала — возникновение широкого альянса влиятельнейших финансистов и промышленников страны на старте президентской избирательной гонки; далее — формирование «альтернативного» штаба поддержки Бориса Ельцина во главе с деятелем, пользующимся доверием этого альянса; на решительном этапе кампании — перехват этим штабом инициативы у закосневшего, полувыдохшегося ельцинского «ближнего круга»; по успешном завершении битвы за Кремль — дележ властного трофея с приоритетным учетом заслуг новой команды-победительницы; на фоне всех этих эволюций и перестроений — эпопея с возвышением и низвержением генерала Лебедя; а в виде промежуточного итога — молчаливое заключение своеобразного пакта о ненападении между президентской администрацией и правительством... Разве в этой цепочке найдется хоть одно «чужое» звено, нарушающее общий рисунок прихотливого плетения?..

Появление г-на Березовского на совбезовском посту в такую последовательность абсолютно не вписывается.

Серия оперативных «телефонных конференций» с привлечением нескольких известных своей изобретательностью и язвительностью газетных аналитиков, в которой автору этих строк довелось принять участие в ночь после сенсационного назначения, не дала никаких результатов, кроме констатации всеобщего и глубочайшего недоумения. Последовавшая назавтра реакция разнокалиберных официальных лиц ситуацию совершенно не прояснила. Прежде всего потому, что оказалась заведомо предсказуемой и тривиальной постольку, поскольку в точности отражала положение этих лиц в традиционном спектре политических ориентаций.

Заявления деятелей оппозиции расположились в диапазоне от гневно-разоблачительных деклараций Зюганова до скептически-раздраженных реплик Селезнева. Отзывы более или менее лояльных нынешнему Кремлю персонажей аккуратно уложились в промежуток между демонстративным возмущением «попытками Думы вмешаться в кадровую политику президента» и произнесенными почти оправдывающимся тоном сбивчивыми пояснениями насчет «необходимости использовать в политике накопленный в бизнесе управленческий опыт». Ровно посередине, как обычно, соткался из воздуха «лидер демократической альтернативы» со своим брезгливым возмущением «вопиющей некомпетентностью власти».

Маленькие хитрости аналитики

Тем не менее затягивать паузу телевидению и газетам было нельзя: отсутствие хотя бы номинальной реакции на событие разочаровало бы заинтересованную публику, создало бы угрозу профессиональному престижу аналитиков. И комментарии не заставили ждать себя долее суток. Однако огромное большинство их оказалось объединено очевидной подменой самого предмета анализа. Заметим, что большинство коллег скорее всего шло на этот невинный трюк почти неосознанно, безотчетно.

Дело в том, что комментаторы едва ли не во всех случаях принялись с избыточной серьезностью разъяснять публике положение, вполне очевидное само по себе. Дескать, в назначении Бориса Березовского нет ничего неожиданного, поскольку он теперь является очень влиятельным лицом, «по сути давно реально участвует в большой политике» и потому имеет все основания претендовать на ответственный пост.

Засим обычно следовал подробный перечень наиболее заметных успехов и достижений г-на Березовского последнего времени. Перво-наперво упоминался натурально принадлежащий ему контроль над телеканалом ОРТ. Отмечалась его роль как одного из организаторов и генераторов идей избирательной кампании Бориса Ельцина. Уважительно оценивались предположительные размеры его личного финансового вклада в избирательный фонд кандидата-победителя. Затем обычно следовала серия то ли комплиментов, то ли упреков (в зависимости от идеологических пристрастий газеты или телеканала) по поводу исключительного комбинационного таланта, отличающего удачливого финансиста: тут и завоевание доверия Александра Коржакова в пору его высшего могущества, и своевременный разрыв с Хранителем Тела, впавшим в немилость президента, и увенчавшиеся успехом усилия, направленные на возвращение Анатолия Чубайса из опалы, и сохранение взаимопонимания с ним, уже возглавившим президентскую администрацию, и даже изобретение хитроумной интриги с обращением электорального потенциала Александра Лебедя на пользу президенту и последующей нейтрализацией опасно возросшего влияния генерала...

В общем, получалось, что г-н Березовский назначен заместителем секретаря Совета безопасности, потому что он человек важный, богатый, хитрый и со связями. Чего ж, мол, тут еще непонятного...

Ну, разумеется! Кто усомнится в том, что политическое положение Бориса Абрамовича ныне достаточно заметно и благополучно, чтобы получить, наконец, достойное его оформление в виде официального статуса высокопоставленного государственного чиновника. Более того, есть все основания полагать, что при большом желании, буде оно ясно выражено Борисом Абрамовичем, он мог бы рассчитывать на предоставление ему начальственного кресла, расположенного в российской государственной иерархии весьма высоко. Это все — не вопрос.

Зато вопрос в том, какого, собственно, черта Борис Абрамович, не приложив никаких видимых усилий, чтобы добиться этого шикарного кресла, вдруг согласился примоститься на узеньком приставном стульчике ошую Ивана Рыбкина, обладающего весьма скромным политическим влиянием и отнюдь не гарантированными перспективами.

Не ОТЧЕГО г-на Березовского назначили в Совбез, а ЗАЧЕМ г-ну Березовскому понадобилось это назначение — вот что, на самом деле остается загадкой. Загадкой, неразрешимой не только для сторонних наблюдателей, но — как выясняется в итоге бесчисленных попыток получить хоть какие-то квалифицированные разъяснения — и для кремлевских источников, никогда не жаловавшихся доселе на дефицит информации.

Безответственные фантазии

Нам ничего не остается, как погрузиться в составление своеобразного гербария из предположений, нарочито неуверенно высказанных в минувшие дни нашими информаторами из сфер, близких к правительству и президентской администрации.

Сколько-нибудь правдоподобных и членораздельно сформулированных версий наберется всего четыре.

Первая состоит в том, что г-н Березовский, одержимый азартом и упоением борьбы, уподобился гоголевскому Осипу и со словами «Что там? веревочка? Давай и веревочку! и веревочка в дороге пригодится...» схватил первую же бесхозную административную должность, которую случайно проносили мимо него. Однако такое объяснение все же представляется нам слишком примитивным и плохо увязывается с образом опытного менеджера, не первый год управляющего одновременно полудюжиной разнородных корпораций, совокупный штат которых исчисляется десятками тысяч сотрудников.

Вторая высказывается наиболее откровенными недоброжелателями г-на Березовского и сводится к подозрениям, будто тот собирается списать на переход в административно-государственные сферы свои серьезные затруднения с бизнесом. Несмотря на всю ее рискованность, подобная версия не выглядит столь уж безосновательной. Тем более если вспомнить, что широкомасштабные операции «Автомобильного всероссийского альянса» не принесли его владельцу особенного успеха, а поставленная также на широкую ногу дилерская сеть «ЛОГОВАЗа» не могла не почувствовать на себе влияния кризиса, приведшего на грань банкротства высокоудойный в прошлом АвтоВАЗ. Кроме того, по квалифицированным оценкам, не стоит преувеличивать и прибыли, которые патрону ОРТ до сих пор удавалось извлекать из мучительно перестраиваемого телевизионного монстра. Не говоря уж о «Независимой газете», журнале «Огонек» и иных печатных изданиях, прямо или косвенно финансируемых из тех же источников...

Третья трактовка оказывается прямо противоположной, поскольку предполагает тесное переплетение политических интересов с собственно коммерческими. Сторонники ее многозначительно напоминают о заявлениях самого г-на Березовского, сделанных им в первые часы после назначения: он утверждал тогда, что приобретенные им полномочия распространяются прежде всего на сферу экономической безопасности и разработку стратегии дальнейших экономических реформ. Источники «Итогов» в Кремле утверждают, что пост заместителя секретаря СБ, несмотря на всю его внешнюю скромность, гарантирует доступ к колоссальному объему конфиденциальной информации, в том числе касающейся финансовой, бюджетной и инвестиционной стратегии государства. Не меньшую ценность для его обладателя должна представлять и причастность к организации всевозможных тендеров, конкурсов и аукционов, которые в ближайшем будущем предполагается использовать для распределения особенно крупных и ответственных государственных заказов, а также выдаче лицензий на занятие некоторыми видами предпринимательской деятельности, в особенности связанными с экспортом природных ресурсов.

Наконец, четвертая, кажется, с наибольшей точностью учитывает особенности текущего политического момента. Здесь уже предлагается обратить внимание на заявления Виктора Черномырдина, упорно настаивавшего перед объективами телекамер, что назначение г-на Березовского объясняется его горячим желанием приложить свои силы к развитию мирного процесса в Чечне, лично участвовать в урегулировании конфликта и устранении его разрушительных последствий. Уверенность премьер-министра в том, что вновь назначенный кремлевский чиновник первым делом бросится в Грозный, чтобы возглавить на месте усилия федеральной власти по восстановлению разрушенного чеченского хозяйства, в первый момент выглядела несколько комично. Действительно, по своей комплекции, темпераменту и складу характера Борис Березовский не слишком напоминает Николая Егорова или, например, Александра Котенкова: трудно вообразить вчерашнего доктора математических наук облаченным в камуфляжную униформу с десантной тельняшкой, выглядывающей из лихо распахнутого ворота.

Скепсиса, однако, поубавится, если прислушаться к мнению тех кремлевских функционеров, что утверждают: на нынешнем этапе отношений с федеральным центром Чеченская Республика перестает быть исключительно местом приложения полководческих талантов, и с развитием мирных переговоров вчерашнее поле брани открывает все более заманчивые перспективы для масштабной предпринимательской инициативы. Соглашение между Москвой и Грозным, убеждены компетентные сотрудники администрации, в любом случае будет включать в себя и обширный пакет финансово-экономических договоренностей. Шансы на то, что с лидерами Ичкерии удастся договориться «за бесплатно», уже теперь близки к нулю. Весь вопрос в том, будут ли «отступные» ассигнования переданы напрямую чеченскому руководству (практически ничем не отличаясь в этом случае от репараций), или Москве предстоит финансировать очередной тур «восстановительных мероприятий», по третьему, а то и четвертому разу отстраивая разрушенные «жизненно важные народно-хозяйственные объекты».

В любом случае от столицы к северокавказскому региону предстоит проложить просторное русло, по которому скоро направятся мощные финансовые потоки. Надо ли говорить, насколько привлекательной выглядит для каждого смело мыслящего коммерсанта перспектива участия в управлении ими...

Если осознать это, станет нетрудно представить себе Бориса Абрамовича добровольно переодевшимся не только в матроску, но хоть бы и в черкеску...

Во славу диалектики

Ни одна из четырех изложенных здесь версий, конечно, не может быть оценена как самодостаточная. Базовые закономерности политики и коммерции подталкивают нас к мысли, что объяснить природу этого казуса — когда влиятельный предприниматель определяется вдруг на государственную службу — удастся, лишь принимая в расчет все описанные здесь факторы в совокупности.

Случай с г-ном Березовским может быть, очевидно, объяснен лишь комбинацией предпринимательских и политических интересов, сложным сочетанием хладнокровного расчета и безрассудного азарта. Все дело в пропорции. Трактовок, кстати, вне всякого сомнения, могло бы быть и не четыре, а сорок. Каждая из них была бы ложной в отдельности. Все вместе они справедливы.

Но в любом случае судьба математика, управленца, торговца автомобилями, медиамагната и увлеченного комбинатора Бориса Абрамовича Березовского дает теперь новый удивительный виток.

Он, видимо, убежденный диалектик. С ним не соскучишься.

Чечня без Лебедя

Отставка секретаря СБ не приведет к срыву российско-чеченского диалога. Но обстановку внутри республики она меняет невыгодным для России образом

Галина Ковальская

МИР

Очевидцы рассказывают, что первой реакцией населения Чечни на отставку Лебедя был шок. Вернее, сначала не поверили — не хотели верить. Электричества-то в Чечне нет, телевизор смотрят только счастливые владельцы движков. Остальные получают информацию изустно, от соседа к соседу. При желании неприятное сообщение можно отнести на счет недобросовестного источника. Об отставке бывшего секретаря Совбеза в первые несколько часов говорили: «Брехня, Завгаев слухи распускает». На другой день поверили — ужаснулись.

Местное сознание чеченоцентрично. Российских функционеров делят на сторонников и противников войны (точнее, на Лебедя и остальных, кто за войну). Главной интригой российской политики видится именно война в Чечне. Отставка Лебедя — победа ястребов, и никак иначе. Ведь подавляющее большинство чеченцев знать не знают — потому что напрочь не интересуются — ни про визит своего кумира в Тулу с Коржаковым под мышкой, ни про загадочный «Российский легион». За Лебедем не числят ничего, кроме Хасавюрта. Лебедя убрали — новая война на пороге. Стало быть, напрасны надежды, что до зимы успеют наладить свет и пустить воду, напрасно вставляли стекла и детей напрасно забирали домой из Дагестана и Кабарды.

Чеченские руководители (в отличие от «простых чеченцев»), конечно, не связывают мирное урегулирование исключительно с фигурой отставленного генерала. Они не забыли некоторые этапы эволюции Лебедя. Например, как после своего стремительного взлета он, дождавшись завершения выборов, благословил генералов на возобновление военных действий. В разговорах наедине и не для печати лидеры Ичкерии признавались, что не очень-то верят в миролюбие секретаря Совбеза. Но уж если Лебедю верили не до конца, то всем прочим кремлевским начальникам не верили вовсе. Поскольку чеченоцентрическое сознание присуще даже самым сильным аналитикам в чеченском руководстве, они и Рыбкина видят не совсем таким, каким остальные россияне. Ему не забыли, как в бытность свою спикером Госдумы он несколько раз старательно проваливал резолюцию, запрещавшую ведение боевых действий на территории Чеченской Республики.

Рыбкин — не самостоятельная фигура, и его назначение — сигнал, что к чеченскому урегулированию подключился сам премьер. Это лидеры сепаратистов прекрасно понимают. Но и Черномырдина в их среде относят (во всяком случае так было до самого недавнего времени) к сторонникам войны.

МИР МИРОМ, А ТАБАЧОК ВРОЗЬ

НАТАЛЬЯ МЕДВЕДЕВА

«Он был миротворцем только в Буденновске, — говорил Ахмет Закаев, яндарбиевский помощник по национальной безопасности и один из влиятельнейших полевых командиров. — А уже с осени 95-го выступал как один из главных вдохновителей военного решения».

И все же премьер первым из высших российских чиновников вслух одобрил Хасавюрт. Да и Рыбкин неустанно твердит о «преемственности курса». Словом, исполнительная власть в Москве демонстрирует стремление к диалогу, и пока это так, лидеры сепаратистов вести диалог будут. («А куда нам деваться?» — со вздохом сказал мне как-то Масхадов в ответ на вопрос, доверяет ли он Лебедю.)

Разорванный тандем

С самой первой встречи Лебедя с Масхадовым их стали воспринимать в республике как тандем. Каждый из них невольно, а чаще сознательно, помогал росту популярности другого. (В прошлом году нечто подобное происходило во время переговоров Масхадов — Романов.) Лебедь приобрел в Чечне такой авторитет, что его явная симпатия к Масхадову, и без того в республике любимому, приносила тому дополнительные очки. Помните знаменитое выступление Лебедя в Шали? Появись там Масхадов в одиночку, еще неизвестно, как пошел бы митинг — антироссийские радикалы могли бы взять верх. Сейчас внутри Чечни все очень зыбко и непрочно. На ход событий и расстановку сил может повлиять легчайшее дуновение ветра, а не то, что устранение весомого, грубого и зримого Лебедя. В любом случае его отставка укрепляет в Чечне позиции тех, кто полагает, что с Россией нельзя иметь никаких дел.

«Демилитаризация» как она есть

Чечня решает три насущнейшие взаимосвязанные задачи: восстановление хозяйства — хотя бы в том минимальном объеме, который позволит перезимовать, создание легитимной власти и «конверсия» военной жизни в мирную.

Рыбкин во время встречи с чеченскими лидерами заявил среди прочего, что выборы возможны только после «полной демилитаризации» республики. Впрочем, тут же заметил, что ничего против назначенной даты — 27 января — не имеет. Слово «демилитаризация» перекочевало в Хасавюртовское соглашение из назрановского. В Назрани во время летних переговоров этим термином заменили прошлогоднее «разоружение». Заменили по настоянию сепаратистов. Тогда они объясняли это так: «демилитаризация» предполагает, что должны разоружиться не только дудаевцы, но и так называемые властные структуры завгаевского режима. При этом в отличие от 1995 года яндарбиевцы в Назрани вели речь уже не о «сдаче оружия» российским войскам, а о складировании его на чеченской территории. Различное понимание термина «демилитаризация» стало камнем преткновения назрановских переговоров.

О какой «демилитаризации» можно вести речь сегодня? Как ни странно, примерно такой же. Только, разумеется, никакого российского контроля над этим процессом никто в Чечне не допустит. Ясно, что в ближайшем будущем Чечня не откажется от своей армии. Как минимум по двум причинам: во-первых, в Чечне еще долго будут воспринимать Москву как потенциального агрессора, во-вторых, этот институт совершенно необходим здесь как место социализации наиболее агрессивной части молодежи. Любые соглашения, которые России предстоит подписывать, должны будут учитывать это обстоятельство.

Однако ясно и то, что никакое нормальное государство не сможет жить с ТАКОЙ армией, как сейчас. Армия победителей всегда несет в себе угрозу для своего же государства. (Не случайно со времен Древнего Рима от воинов-победителей старались поскорее избавиться.) Тем более опасна армия партизанская, нерегулярная.

ЧЕЧЕНСКИМ МУЖЧИНАМ ТОЖЕ ПРИДЕТСЯ ВЗЯТЬСЯ ЗА ЛОПАТУ. СМОГУТ ЛИ?

НАТАЛЬЯ МЕДВЕДЕВА

Процесс пошел... и остановился

Кто может заставить боевиков сдать оружие и разойтись по домам? Сегодня никто, ибо в Чечне боевики и есть сила. Но чеченское руководство прекрасно понимает и опасность, исходящую от шеститысячного войска, основными занятиями которого с некоторых пор стали перманентные пиры и ликование, и невозможность сколько-нибудь серьезного давления на боевиков. До отставки Лебедя предпринимались некоторые — очень осторожные, «уговаривающие» шаги в направлении «конверсии». Несколько раз по местному телевидению выступал муфтий — тот, что воевал вместе с боевиками. Суть его речей сводилась примерно к следующему: не верьте тем, кто называет себя «героем». В горах нас было мало, сегодня же «победителей» развелось видимо-невидимо. Тот, кто по-настоящему любит свою землю, сегодня должен отложить в сторону автомат и трудиться для ее возрождения. А кто, размахивая оружием, кричит о своих подвигах — скорее всего самозванец. Резко о «новоявленных героях» высказывался и Шамиль Басаев. И тоже говорил, что пришло время доказать любовь к родине трудом по ее восстановлению. Такие проповеди несколько отрезвляли победителей и помогали вернуться к мирной жизни хотя бы тем немногим, кто этого хотел, но не смел «оставить товарищей».

Часть ополченцев забрал в милиционеры Казбек Махашев, дудаевский министр МВД, занявший тот же пост и в коалиционном правительстве. (К слову, он один из наиболее разумных и основательных политиков в Чечне.) Конечно, до нормального функционирования правоохранительных структур в республике пока дальше, чем до Луны, но само появление милиции дало возможность хоть на месте преступления кого-то ловить и наказывать от имени новорожденного государства, а не как раньше — «именем Аллаха», что сильно смахивало то ли на самосуд, то ли на представление. Хорошо уже то, что у серьезно проштрафившихся отбирают оружие.

Теперь, когда общая настороженность в отношении России усилилась, даже робкие попытки психологического и физического разоружения будут встречать более интенсивное сопротивление.

Между тем именно превращение чеченских вооруженных сил в управляемый организм ввиду невозможности «полной демилитаризации» есть главное условие продолжения мирного процесса. Способ существования чеченского ополчения в нынешнем его виде может быть только «экстенсивным», то есть грабительским. Идея «отгородиться неприступной границей», чрезвычайно популярная в России, очевидно, нереализуема. Руслан Аушев ясно высказался в том смысле, что никакой жесткой границы между Чечней и Ингушетией быть не может. Точно так же никогда не будет непроницаемой границы между Чечней и чеченцами-акинцами, проживающими в Дагестане. Опыт Шамиля Басаева и Салмана Радуева, как и весь российский постсоветский опыт, показывает, впрочем, что и в иных местах никакой «границы на замке» не получится. Вывод один: коль скоро Россия не заинтересована в новой войне, она заинтересована в формировании упорядоченных внутригосударственных структур в Чечне. Помочь этому процессу Москва вряд ли может. Остается одно: не мешать.

Яндарбиев или Масхадов?

На недавнем Конгрессе чеченского народа произошло значимое событие, почему-то не замеченное в Москве. Там впервые прозвучало предложение выдвинуть Зелимхана Яндарбиева единым кандидатом в президенты от сил чеченского сопротивления. Никаких решений по этому поводу принято не было. Пока это, очевидно, лишь пробный шар. Но вместе с тем и свидетельство изменения расклада в чеченском руководстве. Напомним: незадолго до конгресса, в день своего назначения премьер-министром Временного коалиционного правительства, Масхадов недвусмысленно заявил, что будет баллотироваться в президенты. Стало быть (учитывая, что Масхадов — человек дисциплинированный и разумный и ни за что не пойдет на раскол), на тот момент разговоров о выдвижении Яндарбиева «единым кандидатом» еще не было. Между объявлением Масхадова о намерении баллотироваться и заявлением на Конгрессе случилась отставка Лебедя.

На сегодняшний день Масхадов, несомненно, самый популярный чеченский политик. В его избрании, если бы только он выдвинулся, можно не сомневаться. Но окажись Масхадов сейчас народным избранником, в его руках сосредоточится колоссальная власть. Для тех полевых командиров, кто не хочет усиления Масхадова (а таких немало), предпочтительнее равновесный вариант: слабый президент (а Яндарбиев, практически не имеющий харизмы, сильным президентом не будет) и сильный, но формально подотчетный президенту премьер — Масхадов. В то же время немало авторитетных и влиятельных командиров готовы существовать «под Масхадовым» и вывести Яндарбиева из игры. Разумеется, Лебедь не мог бы прямо влиять на расстановку сил в чеченском руководстве, но самим фактом своего политического существования он «работал» в пользу Масхадова.

Яндарбиев-президент — для Москвы не катастрофический исход. Но, во-первых, с Масхадовым иметь дело все же проще и приятней, во-вторых (что более существенно), России во всех отношениях выгоднее получить в Чечне сильную централизованную и устойчивую власть. Только тогда может осуществиться кремлевская мечта о воцарении в Чечне порядка. Если не «конституционного», то хоть какого-нибудь.

Отставка Лебедя сама по себе не сорвет российско-чеченские переговоры. Но она неизбежно изменит внутричеченский расклад неблагоприятным для России образом. ■

Раздор в «Яблоке»

Движению, руководимому Григорием Явлинским, все же придется превратиться в партию. В противном случае оно исчезнет с политической сцены

Михаил Афанасьев

СЪЕЗД

На состоявшемся в октябре заседании центрального совета движения «Яблоко» были приняты решения, для всех сторонников демократической оппозиции не только важные, но, может, и судьбоносные. Хотя кажется — ничего нового. О поддержке хасавюртовского мира лидер фракции «Яблоко» уже объявлял не раз; то, что он находится в оппозиции президенту и правительству и «гигиенически» дистанцируется от партий, «обслуживающих» исполнительную власть, тоже всем известно, да и признание необходимости консолидации демократических сил перед лицом коммунистической экспансии новостью не назовешь. Но, как часто бывает в политике, главное содержится не в программных декларациях, а в вопросах вроде бы второстепенных, сугубо технических. На сей раз такими вопросами стали нормы представительства на предстоящем нынешней осенью съезде движения и дата его проведения.

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ:
ВО КАКИЕ ЯБЛОКИ УРОДИЛИСЬ

Под кожурой

Заседание центрального совета шло под знаком столкновения двух групп, сложившихся в совете и в движении в целом. Эти группы можно определить как «центральную» и «региональную», оговорившись, однако, что в первую входят представители некоторых региональных организаций, а вторая состоит не только из провинциалов. При этом лидеры наиболее сильной организации «Яблока» — петербургской — не состоят ни в той, ни в другой группировке и сами претендуют на особую роль в движении. Что касается Григория Явлинского, то он подчеркнуто выступает в роли арбитра.

Ядро центральной группы составляет «ЭПИ-центр», стоявший у истоков «Яблока» и до сих пор выполняющий функции не только мозгового центра, но фактически и исполнительного аппарата. Руководители региональных организаций «Яблока» по причине незначительности электорального ресурса своего региона жмутся к руководству движения — наиболее видным представителем этой группы является лидер организации «Яблоко» в Татарстане депутат Иван Грачев, а возглавляет «руководство» заместитель Явлинского в центральном совете Сергей Иваненко (оба депутата прошли в Госдуму по партийному списку).

Вторую группу составляют лидеры большинства областных организаций «Яблока», активно работавших на парламентских и президентских выборах. Лидером регионалов стал москвич, депутат Госдумы (тоже по списку) Вячеслав Игрунов, который, опираясь на региональную сеть своего Института гуманитарно-политических исследований, в тесном контакте с активистами на местах давно уже ведет работу по партийному строительству. При этом Игрунов формально не является членом ЦС — его кандидатура была забаллотирована сторонниками центральной группировки, имевшей на последнем съезде большинство. Регионалы, гордящиеся своим знанием новейших «электоральных технологий» и не без основания считающие, что именно они приносят движению голоса избирателей, весьма критически относятся к лидеру «Яблока». Явлинский серьезно подорвал доверие к себе перед вторым туром президентских выборов. Он тогда уверял членов центрального совета, что не ведет никаких переговоров о вхождении в правительство, между тем даже провинциалы знали, что какие-то переговоры все же ведутся. Главным требованием региональной группы является скорейший переход от аморфной структуры движения к жесткой партийной организации.

Именно вопрос о создании партии станет центральным пунктом повестки дня предстоящего съезда. Сегодня в движении развернулась борьба за то, кто будет руководить партийным строительством — представитель центральной группы Иван Грачев или лидер регионалов Вячеслав Игрунов. Это соперничество имеет и идеологический акцент: Грачев считается более «правым», Игрунов — «левым». Исход борьбы за руководство партстроительством во многом зависит от формулы представительства на съезде движения. Старая формула (члены парламентской фракции плюс делегаты от региональных организаций в числе, равном числу избирательных округов в данном регионе) давала преимущество организациям из крупных регионов: как сильным — из Москвы, Петербурга, Ростова, так и слабым, например из Татарстана (5 округов) и Башкортостана (6 округов). Согласно расчетам, сохранение такого порядка представительства обеспечило бы превосходство на съезде группе Иваненко — Грачева. В открытом противоборстве Игрунову и его сторонникам в ЦС удалось провести новую форму представительства: члены парламентской фракции плюс члены центрального совета плюс представители региональных организаций. Добившись нового порядка представительства и имея за спиной поддержку большинства региональных лидеров, группа Игрунова была заинтересована в скорейшем проведении съезда. Удалось ей и это — съезд назначен не на конец ноября, как предлагали Иваненко и Грачев, а на начало месяца. Таким образом Игрунов и его сторонники сделали серьезную заявку на успех в предстоящих съездовских баталиях.

Яблочный спас

Вышедшие на поверхность персональные и групповые трения отражают неудовлетворенность и тревогу тех, кто вынужден плыть в одной лодке с Григорием Явлинским. В движении идет поиск нового политического лица — пока в фигуральном, а не в персональном смысле. «Яблоко» как движение «именное» изначально создавалось под президентские выборы. После того как Явлинскому не удалось стать ни президентом, ни лидером так и не сформировавшейся «третьей силы», движение закономерно оказалось в ситуации внутреннего кризиса. Его верхушке предстоит теперь существовать в политике не в качестве команды будущего президента, а на ролях значительно более скромных. Новая ситуация объективно требует адекватной организационной формы, ясной идеологической идентификации, выверенности политического стиля и тактики. Пока у «Яблока» ничего этого нет.

Форма персонифицированного движения плохо приспособлена для нацеленной на далекую перспективу работы с демократическим, интеллигентным электоратом и ничего не говорит последнему о социально-групповых интересах, которое движение выражает. Лозунг «демократическая альтернатива» вылинял — после легитимных парламентских, президентских и региональных выборов уже нет смысла обращаться к избирателям как к «обманутым вкладчикам» российской демократии. Амбиции и ригористичнось лидера сужают поле для маневра и политического компромисса. Как ни крути, «движение за непьющего президента» нужно перестраивать в нормальную партию; капризы должны уступить место умению вести переговоры — и не просто вести, а хоть раз с кем-то о чем-то договориться. Столичное окружение Явлинского все эти вопросы волнуют весьма сильно, но особенно остро они стоят перед региональными активистами. Однако до сего времени члены движения высказывали свои претензии лидеру достаточно осторожно. Из опасения, как бы Явлинский после неудачи на президентских выборах не «хлопнул дверью». Пока что «Яблоко» — лишь цепочка мало чего говорящих букв, следующих за «Я» Григория Алексеевича, — совершенно очевидно, что объединение не пережило бы его ухода. Но и лидер, явно переоценивший свою харизму, в гораздо большей степени, чем до выборов, зависит от созданной под него политической организации. Можно предположить, что теперь он будет более внимательно прислушиваться к различным мнениям и более осторожно балансировать между сложившимися внутри движения группами.

ВЛАДИМИР ЛУКИН:
ЭХ, ЯБЛОЧКО, КУДА ТЫ КАТИШЬСЯ?..

От предстоящего съезда можно ожидать, что он даст наконец старт партийному строительству. Это означает прежде всего придание большего политического веса лидерам региональных организаций. В обновленном объединении, возможно, более весомо будут звучать голоса таких самостоятельных политических фигур, как Владимир Лукин, Михаил Задорнов, Михаил Юрьев, Елена Мизулина, Виктор Шейнис, Вячеслав Игрунов, Иван Грачев. Сложнее сказать, как будет сформулирована идеологическая платформа объединения.

В российском политическом спектре социал-демократическая составляющая отсутствует практически полностью. Неудачи бюрократических попыток создания «ручных» социал-демократических организаций не отменяют острой нужды в действенном политическом объединении, которое бы соединяло «левую», «социальную» идеологию с приверженностью праву и реформам. Так что теоретически дрейф движения «Яблоко» в сторону социальной демократии отвечал бы интересам реформ и российской государственности. Но готово ли само «Яблоко» к такой эволюции? В пользу утвердительного ответа на этот вопрос говорит, во-первых, демократическое, некоммунистическое происхождение движения, его подчеркнутый нонконформизм и наконец постоянно декларируемая забота о социальной справедливости, критика гайдаровского и негайдаровского монетаризма. В пользу отрицательного: слабость связей с профсоюзным, фермерским, студенческим и другими социально ориентированными движениями, амбициозное стремление предложить всеобъемлющую «демократическую альтернативу».

Сергей Беляев и Владимир Бабичев немножко поссорились

Из партии премьер-министра сор не выносят

СЕРГЕЙ БЕЛЯЕВ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ ДВИЖЕНИЯ НДР

Глеб Черкасов

ДОМ

Председатель думской фракции движения «Наш дом — Россия» Сергей Беляев не в ладах с председателем исполкома НДР Владимиром Бабичевым, совмещающим эту общественную нагрузку с работой руководителя аппарата правительства и обязанностями вице-премьера. Внешне конфликт никак не проявляется. И говорить о нем, возможно, не стоило бы. Но НДР — партия Виктора Черномырдина, одного из наиболее перспективных участников следующих президентских выборов.

Сергей Беляев не позволил себе ни одного резкого публичного заявления в адрес Владимира Бабичева, тот отвечает тем же. Фракция г-на Беляева не вмешивается в дела исполкома, занимающегося партийным строительством, а ведомство г-на Бабичева не пытается воздействовать на деятельность фракции. В то же время некоторые депутаты принимают самое активное участие в делах исполкома: зампредседателя фракции Владимир Рыжков является заместителем председателя исполкома. Картина внешне благостная. Но есть некоторые штрихи, портящие идиллический пейзаж.

С середины апреля Сергей Беляев и Владимир Бабичев не появлялись на людях вместе, хотя поводов для этого хватало. Лидер думской фракции НДР уже несколько месяцев не может попасть на прием к номинальному лидеру движения Виктору Черномырдину — заметим, что график встреч премьер-министра определяет именно Владимир Бабичев.

Конфликт между председателем исполкома и лидером фракции произошел еще летом прошлого года, когда председатель ГКИ Сергей Беляев встал во главе предвыборного штаба движения. Этому назначению предшествовало ожесточенное аппаратное сражение.

Руководитель аппарата правительства Владимир Бабичев считал, что командовать предвыборной кампанией НДР должен замминистра финансов Константин Буравлев. Бабичеву противостоял тогдашний председатель исполкома движения Леонард Вид, лоббировавший кандидатуру Александра Шохина. В конце концов пришли к компромиссу: кресло руководителя Федерального координационного комитета по организации и проведению избирательной кампании НДР занял г-н Беляев. Владимир Бабичев этому не обрадовался.

Тем, как Сергей Беляев вел предвыборную кампанию, никто особо доволен не был, но с самого верха прозвучало что-то вроде «коней на переправе не меняют», и к руководителю штаба не цеплялись. Г-н Бабичев также принимал посильное участие в борьбе за голоса избирателей, чем невероятно досаждал г-ну Беляеву. Однако руководитель аппарата правительства не мог сместить начальника ФКК, а тот, в свою очередь, никоим образом не мог воспрепятствовать г-ну Бабичеву регулярно докладывать премьеру о сбоях в работе избирательной машины. Сложился своеобразный баланс сил и интересов, который, к слову сказать, на пользу предвыборной кампании не пошел.

Сегодня ситуация в НДР практически не изменилась. Председатель исполкома Владимир Бабичев не может сместить Сергея Беляева с должности лидера фракции (необходима долгая и кропотливая работа с депутатами, информационная обработка политизированной общественности, поиск нужной кандидатуры, в общем, овчинка не стоит выделки), а Сергей Беляев не имеет ни единого шанса подорвать растущее могущество г-на Бабичева. Спрашивается: отчего Владимир Бабичев допустил избрание Сергея Беляева на пост председателя фракции? Ответ: г-н Беляев был на это обречен, ведь другой кандидатуры не было. Единственный соперник — Александр Шохин — предпочел должность первого вице-спикера Думы.

Год назад Сергей Беляев и Владимир Бабичев выступали, что называется, в одной весовой категории. Теперь — не то. Г-н Бабичев идет по восходящей: за последние полгода к своей должности руководителя аппарата правительства он прибавил титул вице-премьера. Он запросто входит к премьер-министру, а его влияние на дела кабинета министров часто сравнивают с влиянием Анатолия Чубайса на работу президентских структур. Контроль за парламентской фракцией г-ну Бабичеву нужен, скорее всего, просто «для порядка».

ВЛАДИМИР БАБИЧЕВ, ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР,
РУКОВОДИТЕЛЬ АППАРАТА ПРАВИТЕЛЬСТВА,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА НДР

Для Сергея Беляева должность руководителя думской фракции оказалась капканом, из которого не так просто вырваться. НДР не может всерьез влиять на принятие решений в нижней палате, единственное, что может себе позволить фракция Сергея Беляева — при необходимости тормозить конституционные законы или препятствовать преодолению президентского вето. Впрочем, и в таком случае парламентское большинство, если уж очень захочет, вполне может обойтись без г-на Беляева и его сторонников.

Сергей Беляев — единственный из лидеров фракции не претендовал на пост главы государства, и в период президентских выборов его окончательно задвинули в тень амбициозные коллеги. Подобная скромность приветствуется, но, как выяснилось, ничем, кроме этого, Беляев не отличился за время работы в парламенте. А податься из Думы и НДР ему некуда: в ГКИ Сергея Беляева не ждут.

Вероятность того, что конфликт перейдет в открытую стадию невелик: г-н Бабичев шума не любит, а г-ну Беляеву он в настоящее время тоже ни к чему — надежда занять достойное место подле премьер-министра еще не умерла. Развязка наступит перед парламентскими или президентскими выборами. ■

Краснодарские страдания

Согласно местному закону выборы губернатора на Кубани признаны несостоявшимися, поскольку в них приняли участие менее 50 процентов избирателей. Если закон изменен не будет, край может на долгие годы остаться без выборного главы администрации

Александр Рыклин

ПРОВИНЦИЯ

Ни в каком другом регионе страны предвыборная ситуация не была столь запутанной, как в Краснодарском крае. На высокую должность реально претендовали как минимум три кандидата, решительно непохожих друг на друга: Николай Егоров — невысокий, полный, с болезненным одутловатым лицом и глазами навыкат; Виктор Крохмаль — красавец-казак, косая сажень в плечах; и, наконец, Николай Кондратенко — очень ласковый пожилой мужчина с тихим голосом и обходительными манерами.

Программы же их оставляли впечатление домашней работы, списанной из одного учебника, а о различиях в политической ориентации вообще говорить не приходится — за отсутствием последней. Лишь у одного кандидата она вяло обозначена: Кондратенко — коммунист. Вообще в предвыборных речах соперники старались как можно меньше внимания уделять политике и хором заявляли о своих претензиях на самую модную теперь в России роль. Роль «крепкого хозяйственника».

А вот тактика борьбы за голоса избирателей у всех троих разная. Егоров использовал возможности своего административного положения (он уже три месяца как действующий губернатор Краснодарского края). Крохмаль, являясь директором акционерного общества «Кубаньхлебопродукт», все надежды связывал со своими деньгами. Кондратенко предвыборной агитации не вел вовсе, полагая, что это за него сделали поколения пламенных большевиков-ленинцев.

За день до выборов большинство жителей Краснодара отдавало пальму первенства Егорову: «его никаким обухом не перешибешь». Кондратенко занимал прочную вторую позицию в городах, зато в станицах опережал губернатора с приличным отрывом. Крохмаль удерживал почетное третье место, сулившее некие послевыборные перспективы.

Радетель конституционного порядка

В Краснодар Николай Дмитриевич Егоров спустился с олимпийских высот три месяца назад. Отставка его с поста главы администрации президента была предопределена ходом политического процесса в России и никакими скандалами или, тем более, сенсационными разоблачениями не сопровождалась. Кроме того, по словам самого Егорова, при расставании президент предложил ему любое место в правительстве, но Николай Дмитриевич предпочел вернуться на историческую родину, чтобы возглавить там местную администрацию.

Занимая различные высокие посты, Егоров ни на одной из них никак себя не зарекомендовал, а его роль в чеченской войне выглядит просто чудовищной. Всем памятны многочисленные кадры хроники того времени: обряженные в «камуфляж» Егоров и Грачев вершат имперскую политику в Чечне. На заднем плане вертится Ерин.

Последовательно занимавший должности министра РФ по делам национальностей, вице-премьера, представителя президента в Чеченской Республике, главы комиссии по расследованию трагедии в Буденновске, Егоров среди тех, кто ответственен за десятки тысяч убитых, за то, что Чечня лежит в руинах и фактически потеряна для России.

И тем не менее до самого последнего времени Николай Дмитриевич не мог пожаловаться на холодное к себе отношение со стороны Кремля.

Всей мощью своего административного «гения», используя широченную сеть московских связей, Егоров обрушился на Краснодарский край и прямо с колес начал проводить избирательную кампанию. Как правило, действующий руководитель имеет на выборах фору в 10–12 процентов перед другими кандидатами. Егоров постарался это преимущество максимально увеличить, используя все возможные рычаги административного давления. Здесь было все: и поездки

по краю (разумеется, за счет казны), и хвалебные статьи в районной печати, и нарушения федерального закона о выборах (транспаранты с призывами голосовать за Егорова трепыхались на ветру даже после того, как выборы прошли), и добровольная поддержка коммерческих структур. (По полученной из достоверных источников информации, Виктор Гладской — правая рука губернатора — тесно связан с местными нефтяными компаниями: «Атлас» и «Кубань-Лукойл».)

Ну и, конечно, не обошлось без обычного дешевого популизма: принародное целование старушек и детишек, спонтанные выступления на местных рынках с обещаниями в случае победы поднять жизненный уровень трудового народа на недосягаемую высоту.

За несколько дней до выборов, обнаружив, что отставание от Кондратенко растет, Егоров решается на потрясающий по своей смелости шаг. В интервью «Комсомольской правде» он заявляет буквально следующее: «...самое лучшее — назначить досрочные президентские выборы... Я в этом вижу единственный для страны выход...» Губернатор пошел на все, чтобы привлечь на свою сторону избирателей и отнять часть электората у коммунистов. «Игра на поле противника» — прием в политике не новый, но подчас весьма эффективный. Егоров ставит на кон президентскую дружбу, прекрасно понимая, что ни Ельцин, ни тем более Чубайс этого ему никогда не простят.

Сегодня Николай Дмитриевич, скорее всего, уже жалеет о безрассудном высказывании. Но поздно.

Дед Кондрат

О Николае Игнатовиче Кондратенко рассказывают такую историю. Заходит однажды дед Кондрат в продуктовый магазин и говорит продавщице:

— А завесь-ка ты мне, милая, граммов 750 лапшички.

— Дайте, пожалуйста, пакетик, Николай Игнатович, — отвечает продавщица, — а то у меня даже кулечка нет.

— Да где ж я возьму пакетик. На вот тебе кепочку, завесь в нее.

Взял дед Кондрат кепочку с лапшой и пошел домой, а народ вокруг плакал.

Коммунисты листовок по городу не разбрасывали, с броневиков не выступали и в печати своих призывов не публиковали, справедливо полагая, что о них и так все всё знают. Зачем бросать на ветер партийные деньги? Они, главным образом силами ветеранов, отлавливали студентов, расклеивающих по городу портреты Крохмаля. Убеждали их этого не делать. Если те не соглашались, то просто шли следом и портреты срывали. Разумеется, ячейки на местах проводили разъяснительную работу, доходчиво объясняя гражданам, почему им не платят пенсии и зарплаты, почему цены в магазинах несусветные, почему одни ездят в роскошных лимузинах, а другие последний хлеб без масла доедают. Но такого рода нехитрую, но очень эффективную агитацию они ведут все последние годы.

Хлеб — всему голова

Виктора Васильевича Крохмаля в его избирательном штабе любовно называют: наш мальчик. «Мальчик» на 4 года старше Егорова, однако выглядит сильно моложе. Он подтянут, деловит и немногословен, как человек, за которым стоят действительно большие деньги.

Акционерное общество «Кубаньхлебопродукт» владеет почти всеми элеваторами в Краснодарском крае и фактически формирует хлебный рынок на Кубани. Егоров в самом начале своего правления пошел было войной на хлебную империю, но даже у всесильного главы администрации из этой затеи ничего не вышло.

Сколько денег потратил на свою избирательную кампанию Крохмаль, не возьмется подсчитать никто. Он первым зарегистрировался в избиркоме, и его многочисленный и вполне профессиональный штаб сразу же принялся за работу. Город был завален буклетами, плакатами, наклейками, брелоками, шариковыми авторучками, папками с призывами голосовать за Крохмаля. Сотни молодых людей распространяли всю эту яркую и броскую продукцию. По слухам, каждый из них получал 150 000 рублей в день и, понятно, сил не жалел. Однако дело не только в деньгах. Многие из тех, кто помогал Крохмалю, искренне в него верят. Действительно, «Кубаньхлебопродукт» находится в несоизмеримо лучшем положении, чем подавляющее большинство местных предприятий. Средняя зарплата на элеваторах перевалила за миллион.

Ходил, разумеется, Крохмаль и в народ, дарил учебники школам, помогал пенсионерам, и рейтинг его плавно повышался. Он, конечно, понимал, что коммуниста ему не победить, но попасть во второй тур стремился изо всех сил. С коммунистами Виктор Васильевич не ссорился. Наоборот, судя по всему, он задолго до выборов вошел в контакт с людьми Кондратенко — выторговывал себе пост председателя правительства при новом коммунистическом губернаторе.

Накануне

26 октября, за день до выборов, погода в Краснодаре резко испортилась: подул холодный ветер, зарядил мелкий противный дождь. Как известно, погода весьма существенно влияет на явку избирателей, но в крайизбиркоме демонстрировали умеренный оптимизм — работа проделана большая, да и не бывало такого, чтобы в Краснодарском крае на выборы приходило меньше 50 процентов населения.

В штабах кипела жизнь: наблюдатели получали инструкции, члены штабов обсуждали шансы претендентов, возможности фальсификаций.

И коммунисты, и люди Крохмаля готовились к тому, что действующая власть по правилам играть не будет. Особенно большое внимание этому вопросу уделяли коммунисты, справедливо полагая, что обойти их можно только нечестным путем. Они подробно проанализировали всю процедуру, определили возможные лазейки и именно к ним приставили своих наблюдателей.

В целом все сходились на том, что 50 процентов избирателей на выборы все-таки придут. Второго тура не избежать, и, скорее всего, в нем за губернаторское кресло сцепятся Егоров с Кондратенко. (Только в штабе Крохмаля, разумеется, высказывали другую точку зрения.)

Выборы

Наутро дождь сменился снегом, который, падая на землю, тут же таял. Таяли и надежды на то, что погода в течение дня улучшится.

До двенадцати часов на избирательных участках Краснодара было довольно оживленно. Первыми прошли старики, с молоком партии впитавшие в себя привычку к дисциплине и порядку. Для них выборы остались священным ритуалом. К урнам они шли с твердой верой в то, что их голоса приведут к победе человека, который вернет все на прежнее место.

К 14 часам отставание по явке, в сравнении с президентскими выборами, достигло 10—12 процентов. В штабе Егорова заволновались. Признание выборов недействительными поставило бы главу администрации в крайне затруднительное положение: по закону новые выборы могут состояться не раньше, чем через 46 дней, а реально, с учетом процедуры выдвижения, регистрации, — месяца через два-три. Но будет ли Ельцин, а тем более Чубайс терпеть столько времени на посту губернатора человека, позволившего себе резкие высказывания в адрес центра. Очевидно, что нет. Поэтому Егорову выход во второй тур был нужен, как воздух.

В крайизбиркоме также всеми силами старались спасти ситуацию: по телевидению и радио постоянно звучали призывы, невзирая на дождь и холод, все-таки пойти и проголосовать. По домам были пущены члены избирательных комиссий с урнами. (Что является прямым нарушением закона — урну должны приносить только по просьбе избирателя, пусть и устной.) Кое-какого эффекта достичь все же удалось: с постелей поднялись последние старики, пришли люди на костылях и протезах.

И вот тут в штабе Егорова началась уже настоящая паника. Там вдруг поняли, что Кондратенко явно набирает больше половины голосов, и, если выборы состоятся, он станет губернатором уже в первом туре. Выгонит президент — не выгонит, еще бабушка надвое сказала, а проиграть выборы сейчас значило уже точно расстаться с надеждами на губернаторство. Как рассказали корреспонденту «Итогов» в штабе коммунистов, часа в четыре Евгений Иванов, руководитель егоровского штаба, звонил председателю избиркома и председателю законодательного собрания края с требованием немедленно прекратить агитацию по телевизору и отозвать ходоков с урнами. Трудно сказать, повлиял ли этот звонок на итог голосования.

Парадоксально, но в штабе коммунистов в это же самое время царили уныние и растерянность.

Недели две-три назад на сессии краевой Думы ряд депутатов выступил с инициативой: снизить явочный ценз с 50 до 25 процентов, мотивируя это, в частности, тем, что повторные выборы обойдутся казне края примерно в 15 миллиардов рублей. Коммунисты встали грудью, и поправка к закону не прошла.

Теперь они кусали локти. Если бы не привычка на все говорить нет, сегодня бы их дед Кондрат был бы уже губернатором.

Примерно к шести часам вечера стало ясно, что выборы главы администрации Краснодарского края не состоялись.

Но коммунисты так просто не сдаются.

На следующий день, до объявления окончательных итогов голосования, законодательное собрание края приняло беспрецедентное решение: опустить явочный ценз до 25 процентов и признать выборы состоявшимися. Уже назавтра, поняв абсурдность, а главное — бесперспективность этого шага, депутаты краевой Думы его отменили.

Итог

Всего проголосовало 43 процента от общего списка избирателей. Кондратенко набрал 57,1 процента голосов, Егоров — 24,7, Крохмаль — чуть больше 7.

Такой убедительной победы коммунисты не добивались ни в одном регионе России. Теперь им остается только ждать. Но, судя по всему, недолго. 29 октября Интерфакс передал: «В телефонном разговоре Ельцина с Чубайсом президент в первую очередь интересовался раскладом голосов во время выборов губернатора Краснодарского края, основными характеристиками программы Н. Кондратенко и позицией кандидата по вопросам взаимодействия с федеральным центром».

Так что не стоит кубанским коммунистам так уж убиваться. Скорее всего Ельцин просто назначит губернатором Кондратенко, поскольку гораздо удобнее иметь в Краснодарском крае назначенного губернатора, а не всенародно избранного. А что касается позиции кандидата по вопросам взаимодействия с федеральным центром, то всем известно — позиции у коммунистов часто меняются, особенно когда их назначают на высокие должности. ■

Марш губернаторов

ЦВЕТОДЕЛЕНИЕ

Уж сколько раз твердили миру, что своя рубашка ближе к телу. Да только все не впрок. Россияне и россиянки опрометчиво растратили всю свою гражданскую энергию, весь свой пыл на выборах парламентских и президентских. Когда же пришло время голосовать за местных начальников, энтузиазма уже явно не хватило. А ведь жизнь российской глубинки по-прежнему подчинена принципу «до царя — далеко, до Бога — высоко». Президент может сколько угодно выражать недовольство местными законами, столица может слать любые указы, но их применение на местах полностью зависит от регионального «головы».

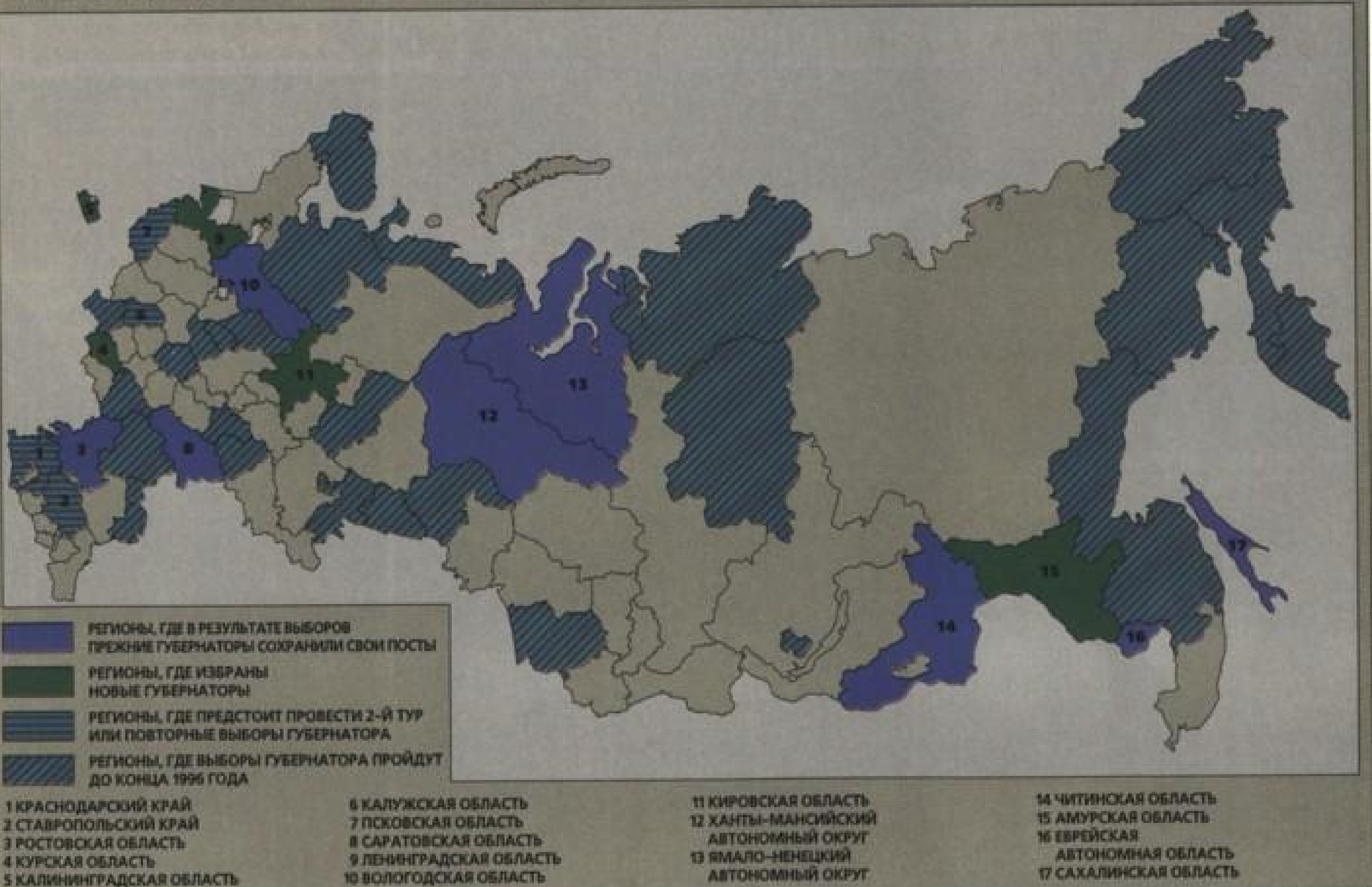
Именно поэтому центру так важно, чтобы руководящие посты в провинции заняли люди управляемые, лояльные Москве. Однако в условиях затяжного кризиса, поддерживая своего кандидата, центр рискует сыграть на руку его противникам.

Пока «партия власти» вчистую проиграла лишь в трех регионах. Причиной провала стала не поголовная любовь местных жителей к красному цвету, а, как водится, никуда не годная работа чиновников.

В Амурской области «недожали» — исход выборов в пользу коммуниста Анатолия Белоногова решили всего 189 голосов (правда, конкурент Белоногова Юрий Ляшко преисполнен решимости опротестовать итоги голосования в суде). Курск был «сдан» в результате прекрасно проведенной центром же «судебно-предвыборной» кампании Александра Руцкого (то, что сам Александр Владимирович в принципе неспособен ничего организовать, показали все предыдущие выборы). А в победе своего ставленника Василия Десятникова в Кировской области Москва была почему-то уверена настолько, что всерьез заниматься его раскруткой не посчитала нужным.

Но все это не так уж и страшно — цветовая дифференциация губернаторов теряет свою актуальность. «Красный» Руцкой всячески подчеркивает свою готовность вести диалог с нынешней властью и публично клянется, что он сегодня не такой, как вчера. А Вадима Густова (Ленинградская область), Леонида Горбенко (Калининградская область) и Александра Филиппенко (Ханты-Мансийский автономный округ) вообще поддерживали обе стороны — и «партия власти», и оппозиционный Народно-патриотический союз России. Так что отказ от деления на «красных» и «белых», о котором говорили и говорят как те, так и другие, стал, похоже, воплощаться в жизнь.

Петр Журавлев,
Дмитрий Хитаров

Гайдар и несть ему конца

Денис Драгунский

Ровно пять лет назад Егор Гайдар был назначен на должность главного экономического реформатора. Он пробыл на этом посту всего тринадцать месяцев — до декабря 1992 года. Потом он еще раз побывал вице-премьером — правда, с гораздо меньшими полномочиями — с сентября по декабрь 1993 года. Итого неполных полтора года у власти. Но гайдаровская реформа надолго, если не навсегда, определила экономическое и политическое развитие России.

То, что совершил Гайдар, столь значительно, что к этому трудно приложить обыденные критерии добра или зла. В самые решительные моменты он хватал историю за шиворот, он ее творил — и сотворил. Уздой железной Россию поднял на дыбы. Странно говорить это про Гайдара. Молодой, полноватый, по-детски хихикающий, воспитанный в благополучной интеллигентской семье. Гладкая научная карьера, никакого управленческого опыта, абсолютная неспособность к публичной политике. И тем не менее...

А может быть, именно это и позволило ему не оглядываться на социальные последствия реформ и с полным равнодушием отнестись к своей дальнейшей политической судьбе.

Коррупция, задержки зарплат и пенсий, голодные забастовки, неуплата налогов, рост влияния криминальных сил, перекачивание прибылей за рубеж и постыдные разборки на самой верхушке власти — это, конечно, ужасно. Но без гайдаровских реформ мы имели бы то же самое, только в более устрашающих масштабах. Экономическая реформа гарантировала России жизнь. Нищую, несправедливую, мафиозную — но жизнь.

Но это еще не все. В ночь октябрьского мятежа 1993 года Гайдар сумел переломить ситуацию в пользу Ельцина.

И наконец, Гайдар своей рукой написал текст Беловежских соглашений и не испугался признаться в этом.

Самые доброжелательные критики Гайдара считают, что он не ведал, что творил, поэтому-то в стране вместо либеральной экономики и полноценной демократии формируется нечто криминально-бюрократическое. Думается, что все он прекрасно ведал. Он понимал, что в разучившейся работать, заглавшейся и заворовавшейся России ничего другого в принципе получиться не может — по крайней мере в первые годы реформ. Но любой капитализм, пусть даже номенклатурный с мафиозным привкусом, все-таки лучше, жизнеспособнее, перспективнее коммунизма.

Гайдар не обещал всеобщего благоденствия. Это и не было его целью. Задача была в принципе иная — не допустить реставрации коммунистического режима в экономике, а значит, и в политике. Свою задачу он выполнил. И ушел. Он ушел, его ушли — неважно. Важно, что возврат к прошлому в принципе невозможен.

Егор Гайдар: «Беловежское соглашение от начала до конца написано моей рукой...»

Из книги «Дни поражений и побед»

Впервые идею о том, что мне придется взять на себя практическое руководство реформами, мои коллеги обсуждали еще весной 1991 года в кулуарных разговорах после международной экономической конференции в Париже. Но тогда это воспринималось скорее как шутка... В августе, за несколько дней до путча, ко мне заходил А. Головков, спрашивал, как бы я отнесся к предложению стать государственным советником Ельцина по экономике. Только что избранный президентом, он начал перестраивать под себя структуры российской исполнительной власти. Я сказал, что вопрос предельно прост: все зависит от того, что Ельцин собирается делать с экономикой. Если по общему направлению его намерения совпадают с моими убеждениями, то я готов серьезно рассмотреть это предложение. Тогда нужно встретиться с президентом и все обсудить.

Утром 19 августа для себя решил — если Ельцин обратится ко мне с таким предложением, непременно приму его. Думал, что на этом месте действительно могу быть полезен. Все-таки наш институт — самое сильное на сегодняшний день научное подразделение, занимающееся не абстрактно-теоретическими изысканиями или долгосрочным прогнозированием, а текущей хозяйственной конъюнктурой, а потому и способное достаточно точно предугадывать последствия принимаемых решений, готовить практические рекомендации по подготовке и реализации рыночных реформ.

Сентябрьская работа в Архангельском была обусловлена именно такой логикой отношений с властью. Только постепенно, к октябрю, стали накапливаться сомнения в жизнеспособности этой схемы. Ну хорошо, советы мы дадим. А делать-то кто все это будет? Кто решится сесть в пустующее пилотское кресло? Поначалу гоню от себя эту мысль. Прекрасно понимаю, насколько работа советника президента по экономике спокойней, приятней, да и безопасней поста министра финансов обанкротившегося государства. Очень хотелось бы сохранить за собой приятную привилегию — анализировать, советовать, критиковать, подправлять. И все же постепенно прихожу к убеждению: если не найдется никого, кто взял бы на себя ответственность за начало жизненно необходимых, тяжелых, социально-конфликтных радикальных реформ, придется за это браться. Да, будет нелегко, будет не хватать управленческого опыта. Даже в случае успеха непременно выкинут и вряд ли скажут «спасибо». Уж настолько-то практика постсоциалистической политэкономии для нас очевидна. И все равно невозможно смотреть, как страна катится в пропасть просто потому, что все перебрасывают, словно горячую картофелину с руки на руку, ответственность за непопулярные и конфликтные решения.

Книга Егора Гайдара «Дни поражений и побед» выйдет в свет в издательстве «Вагриус», которое любезно предоставило «Итогам» эксклюзивное право на публикацию этих фрагментов.

Вернувшись из Крыма, где был в отпуске, в Архангельское заехал отец. Я рассказал ему, как вижу экономико-политическую ситуацию, что происходит, что мы предлагаем делать. Отец согласился со мной в том, что предлагаемая стратегия начала реформ в России, видимо, единственно реальная. Когда же он понял, что, возможно, его сыну придется не только советовать все это кому-то, а самому садиться и исполнять, наверное, впервые в жизни я увидел выражение откровенного ужаса на его лице. И мне, и ему было понятно: если такой поворот состоится, вся жизнь, и не только моя, но и нашей семьи, в корне изменится. Разделится на спокойную, размеренную, интеллигентскую — до, и абсолютно неопределенную, непредсказуемую — после. Отец посмотрел на меня, сказал: «Если уверен, что нет другого выхода, делай как знаешь».

Было желание набрать воздуха, как перед дальним заплывом, оглядеться вокруг, собраться с мыслями. Поколебавшись, решил выполнить старое обещание: слетать ненадолго в Роттердам, прочесть несколько лекций по проблемам постсоциалистической экономики в Университете Эразма Роттердамского. На третий день — звонок из Москвы. Надо вылетать обратно — вызывает Ельцин.

Конец октября. Первый разговор с Борисом Николаевичем Ельциным. Кадровые вопросы не обсуждаются, речь идет об экономической ситуации. Общее впечатление: Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике, в целом отдает себе отчет в том, что происходит в стране. Понимает огромный риск, связанный с началом реформ, понимает и то, до какой степени самоубийственны пассивность и выжидание. Кажется, готов взять на себя политическую ответственность за неизбежно тяжелые реформы, хотя знает, что популярности это ему не прибавит.

Я начал разговор с того, что, на мой взгляд, ситуация тяжелая, но не безнадежная, а закончил словами о том, что, по всей видимости, ему придется самому отправить со временем в отставку первое правительство, которое начнет реформы и примет на себя ответственность за самые тяжелые решения. Он скептически улыбнулся, махнул рукой — дескать, поживем, увидим.

* * *

Потом мы общались бессчетное количество раз, сходились, расходились, ссорились, мирились. Имею довольно точное представление о его сильных и слабых сторонах. И навсегда сохранил к нему уважение за решимость, проявленную им в предельно трудной ситуации осени 91-го. Тогда он сделал то, на что так и не решился Горбачев.

У Ельцина сложный, противоречивый характер. На мой взгляд, наиболее сильное его качество — способность интуитивно чувствовать общественное настроение, учитывать его перед принятием самых ответственных решений. Нередко возникало ощущение, что он серьезно ошибается в том или ином политическом вопросе, не понимает последствий. Потом выяснялось — это мы сами не просчитываем на несколько ходов вперед.

БОРИС ЕЛЬЦИН, ЕГОР ГАЙДАР
ЕЩЕ ВМЕСТЕ...

В принципиальных вопросах он гораздо больше доверяет политическому инстинкту, чем советникам. Иногда при этом принимает абсолютно правильное решение, но иногда и серьезно ошибается. Тут, как правило, виной настроение, которое довольно часто меняется и подводит его.

Сильное качество — умение слушать людей. Убедительно звучащее личное обращение может повлиять на него гораздо больше, чем самая лучшая, прекрасно написанная бумага. Но здесь таится и опасность: тот, кто вошел к нему в доверие и умеет убеждать, имеет возможность и злоупотребить этим доверием, такое случалось не раз, в том числе и при принятии важнейших решений.

Нередко я ловил себя на мысли о схожести

Ельцина с былинным богатырем Ильей Муромцем, который то отважно громил врагов, то лежал на печи. Ельцин может быть очень решительным, собранным, но когда кажется, что задача решена, противник повержен — способен вдруг впадать в длительные периоды пассивности и депрессии. Несколько раз подобная апатия приводила к утрате важнейших, с трудом завоеванных преимуществ. Так было и в сентябре — октябре 1991 года и, может быть, еще более серьезно — в октябре — декабре 1993-го.

Характерная черта Бориса Ельцина — уважение, которое он питает к людям независимым, и презрение к рабскому поведению. Отсюда — и умение соглашаться с самыми неприятными для него аргументами, если он чувствует их состоятельность. В 1991—1992 годах я намного чаще говорил президенту «нет», чем «да», доказывал ему, почему советы, с которыми к нему приходят и которые ему кажутся убедительными, на самом деле самоубийственны. Почему нельзя делать то, о чем его просят губернаторы, бывшие министры, старые товарищи, и почему нецелесообразны те или иные кадровые перестановки и перемещения.

Абсолютно убежден: никогда не смог бы этого добиться, если бы с осени 1991 года у президента не сложилось твердого убеждения, что к власти я отношусь сугубо функционально, к ней не стремлюсь и за свое место в правительстве не держусь. Помнится, я предложил Борису Николаевичу принять мою отставку то ли во вторую, то ли в третью нашу встречу после своего назначения в состав правительства. И вот по какому поводу. Тогда Гавриил Попов очень хотел уйти с неуютной в голодном 1991 году должности московского мэра и просил назначить его министром иностранных дел и внешнеэкономических связей, объединив эти министерства. Ельцин готов был согласиться, я категорически возражал. Что касается поста министра иностранных дел, это выходило за сферу моих полномочий, но вот убежденность в том, что внешнеэкономическими отношениями, если мы хотим иметь комплексные реформы, должен руководить кто-то из членов моей команды, была абсолютно четкой. Поэтому я попросил Бориса Николаевича не проводить этого назначения, сказав, что я в противном случае не смогу взять на себя ответственность за проведение экономической политики. И он уступил. Впоследствии таких эпизодов в наших отношениях было немало.

Ельцин — человек прямой, иногда прямолинейный. Нетерпим к человеческим слабостям. По-барски может унизить. По отношению ко мне этого никогда не случалось, к другим — бывало, и я, честно говоря, испытывал при этом мучительную неловкость и за избыточно заискивающего слугу, и за барственного господина. Широкая русская душа Бориса Ельцина — не всегда на пользу государственным делам. Ему, скажем, гораздо легче дается искренняя дружба или жесткая конфронтация, чем тонкие, сложные чувства. То же и в работе: он зачастую рубит с плеча там, где необходимо терпение, тщательное изучение всех аргументов, неторопливость в решениях. В ряде случаев это оборачивалось ущербом национальным интересам.

Хорошо знавшие Бориса Николаевича лидеры зарубежных государств, особенно постсоциалистических, неоднократно пользовались этой его слабиной, выбивая односторонние несбалансированные и вряд ли обеспечивающие интересы России уступки. Особенно часто такое случалось за столом дружеских переговоров с лидерами государств СНГ. Несколько моих непростых разговоров с президентом было связано именно с этим, с моими вынужденными и достаточно жесткими публичными возражениями против принятия тех или иных обязательств. Борис Николаевич обижался, отводил меня в сторону, говорил, что я должен высказывать ему свои замечания один на один. Я старался делать именно так, но не мог сдерживаться, когда широким жестом он вдруг сводил на нет результаты наших многомесячных усилий...

ГЕННАДИЙ БУРБУЛИС (СЛЕВА), **АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ**

* * *

...В октябре 1991 года наш первый разговор пришелся мне по душе. Он показал, что президент думает о реформах всерьез, понимает необходимость срочно переходить от программ к делу, готов к этому, имеет представление о направлении предстоящих преобразований, быстро улавливает суть даже незнакомых ему сложных экономических проблем.

Хотя впрямую в разговоре с Ельциным никакие кадровые проблемы не обсуждались, зато после, в беседах с ближайшими в то время к президенту людьми — Бурбулисом, Полтораниным, Шахраем темы, связанные с формированием нового правительства, начинают проговариваться все более предметно. К этому времени Ельцин, после серий консультаций и отказа ряда видных политиков возглавить правительство, уже принял решение сделать это лично. Широко обсуждался вопрос о том, кто будет его первым заместителем, де-факто отвечающим за каждодневную работу Совета Министров. Называли две наиболее вероятные фигуры — Михаила Полторанина и Геннадия Бурбулиса. И тот, и другой, заходя к нам на 15-ю дачу, советовались, спрашивали о нашей позиции, готовности работать с ними. Позиция эта была предельно простой. Да, готовы. И с тем, и с другим, выбор за Ельциным. Но только в том случае, если, во-первых, принимается наша программа радикальных рыночных преобразований в России, и, во-вторых, наши единомышленники получают контроль над ключевыми экономическими министерствами. Несмотря на эти разговоры, по-прежнему было ощущение нереальности происходящего.

* * *

Ельцин, уже в качестве главы Совета Министров, продолжает консультироваться с нами о его составе. Если не ошибаюсь, 3 ноября из информированных источников приходит новость: принципиальные решения приняты, Явлинский со своими коллегами возвращается в российское правительство, я буду экономическим советником Ельцина.

Не убежден, что Григорий подходит для роли, которую необходимо играть в это время. Боюсь, что будет под разными предлогами уходить от неизбежного решения по либерализации цен. И все же такое чувство, как будто только что выскочил из-под колес мчавшегося на тебя поезда. Самое тяжелое все-таки достанется не нам, за нами куда более спокойная, привычная, комфортная роль советников. На следующее утро выясняется — информация была неверной, Григорий Явлинский отказался.

В этот момент для себя окончательно понимаю: по-видимому, работа в правительстве неизбежна, отсидеться в советниках, пережидать самое трудное время не удастся. Именно мне, в 1987—1990 годах, наверное, громче всех предупреждавшему о страшной опасности либерализации цен при расстроенных государственных финансах и хаосе в денежном обращении, теперь придется платить за перебитые горшки.

5 ноября. Телефонный звонок. Президент подписал указ: первый вице-премьер — Г. Бурбулис, вице-премьер, министр экономики и финансов — Е. Гайдар, вице-премьер, министр

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

труда и социальной защиты — А. Шохин. То, что это должно было случиться, я чувствовал, и все же сообщение грянуло, как гром, разом отделив все, что было в жизни до того, от неведомого будущего. Из советника я превратился в человека, принимающего решения. И теперь тяжесть ответственности за страну, за спасение ее гибнущей экономики, а значит, и за жизнь и судьбы миллионов людей, легла на мои плечи.

* * *

Правительство получило название команды реформ, но на самом деле по своему составу оно было достаточно разнородным. В нем присутствовали четыре группы людей с существенно разным опытом, навыками, мировоззрением. Первой из них была группа специалистов, профессиональных экономистов, пришедшая из науки. Кроме меня, Шохина, Чубайса в нее входили: министр внешних экономических связей Петр Авен, министр науки Борис Салтыков, министр экологии Данилов-Данильян, председатель Комитета по делам СНГ Владимир Машиц, министр сельского хозяйства Виктор Хлыстун, первый заместитель министра экономики и финансов, а позже министр экономики Андрей Нечаев.

Вторая группа — это те, кто до того работал в республиканском правительстве Силаева: министр связи Владимир Булгак, министр транспорта Виталий Ефимов и председатель «Росхлебопродукта» Леонид Чешинский.

Третья — те, кто пришли из бывших союзных министерств: министр торговли и материальных ресурсов, возглавлявший последним союзный Госснаб, Станислав Анисимов, министр путей сообщения Фадеев, первый заместитель министра экономики и финансов, чуть позже министр финансов Василий Барчук.

И, наконец, четвертая — группа министров, пришедшая из политики, из бывших депутатов Верховного Совета: Геннадий Бурбулис, Элла Памфилова и Николай Федоров.

Вопрос состоял в том, смогут ли эти люди с разным опытом работы наладить взаимодействие, действовать слаженно, как команда. Тем более что некоторые из них не имели ни малейшего опыта работы в бюрократическом аппарате. Может быть, самый яркий пример в этом плане — министр внешних экономических связей Петр Олегович Авен. Интеллигентный парень, хорошо разбирающийся в экономике, знаток русской литературы и поэзии, выпускник элитной второй математической школы экономического факультета МГУ. До назначения в правительство работал во Всесоюзном институте системных исследований, затем — в Международном институте прикладного системного анализа. Один из организаторов знаменитых международных конференций, давших возможность познакомиться, а иногда и подружиться будущим реформаторам Восточной Европы и государств СНГ. Никогда не работал чиновником, ничем, кроме своего письменного стола, не заведовал.

Надо признать, что Авен оказался неважным организатором. Ему мешало не только отсутствие опыта, но и нервы, частые перемены настроения. Все это делало его крайне уязвимым, а место главы одного из ведущих министерств было соблазнительным, с весны 1992 года многие его добивались. Вопрос о его замене Борис Николаевич Ельцин обсуждал со мной регулярно. Основной аргумент был один и тот же: «Ну, Егор Тимурович, он, может, и хороший специалист, но вы же видите — не министр». Все это так, однако отнюдь не только товарищеские чувства заставляли меня каждый раз защищать Петра Олеговича и категорически выступать против его отставки. Для меня все его недостатки перекрывал тот фундаментальный факт, что он прекрасно понимал общий замысел преобразований, и я мог не контролировать его действия по подготовке к введению конвертируемого рубля. Он мог что-то недотянуть, что-то недоделать, но в целом, я был в этом убежден, стратегическая линия будет выдержана. Как мне кажется, я не ошибся. Сегодня я твердо знаю, что никто из руководителей российских министерств не сделал для введения конвертируемости рубля больше, чем Петр Авен. А ведь этот вопрос был одним из ключевых в экономической политике.

* * *

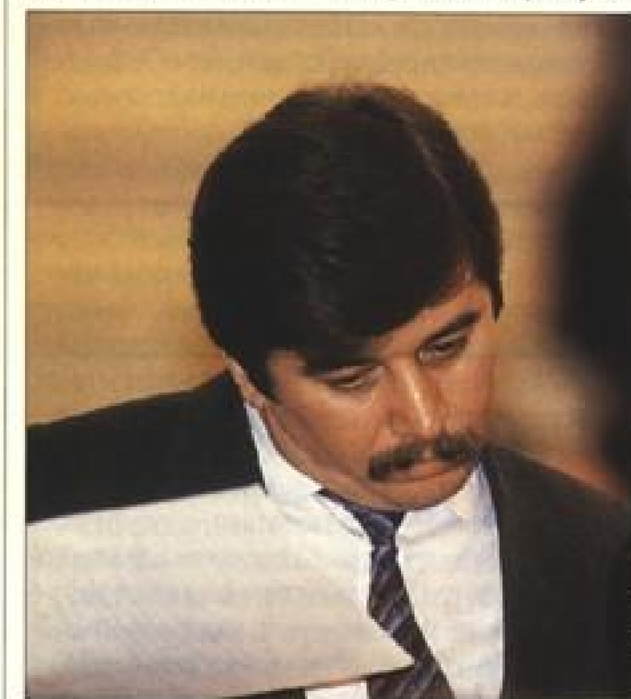
Пожалуй, главная проблема адаптации к работе в правительстве, особенно в условиях экстремального кризиса, — это радикальное изменение протяженности времени. Ученый планирует свою работу в размеренности лет, месяцев, недель. Советник измеряет время в часах и днях. Руководитель правительства вынужден оперировать временем в секундах, в лучшем случае — в минутах. Спокойно подумать несколько часов, неспешно посоветоваться — почти роскошь. В течение получаса провести важное совещание, за три минуты успеть связаться с Минфином — дать распоряжение, за две минуты пообедать, еще через одну минуту выскочить из кабинета, чтобы мчаться выступать в Верховный Совет — вот это норма, и такая круговерть беспрерывно в течение дня, с раннего утра до

«КРЕСТНЫЙ ХОД» ДЕМОКРАТОВ

поздней ночи. Этот ритм жизни неизбежно создает серьезные препятствия в общении с людьми, друзьями. Нельзя же пригласить близкого друга для хорошего разговора в два тридцать пять ночи, уделив ему семь минут. Так просто не делается. В результате круг общения неизбежно сжимается до тех, с кем видишься только по делу. Времени не хватает даже на самых близких людей. За весь 1992 год, наверно, всего раза три успел выбраться к родителям, и каждый раз уже под утро и смертельно уставший.

Особенно тяжело все происходившее переживала мама. Она — историк, доктор наук, специалист по внешней политике России на Балканах XVIII — начала XIX веков. Ей было четырнадцать лет, когда к деду, Павлу Петровичу Бажову, пришла всесоюзная слава. С тех пор всю жизнь жила в обстановке эмоционального комфорта. Не было серьезных проблем и с детьми. На родительских собраниях в моей школе мама была всего несколько раз в жизни и, как правило, слышала в основном приятные вещи. И вдруг — лавина неприятия, ненависти! В конце 1991 года ее сына костерят в огромных, бесконечных и безнадежных очередях. Стоя в очереди за хлебом, она, к своему изумлению, слышит рассказы о том, что сами-то Гайдары как сыр в масле катаются и в очередях-то, небось, не простаивают. А тут еще вдруг выясняется, что и привычный мир друзей, которые десятилетиями бывали у нее дома, разделился на тех, кто поддержал реформы сына, и тех, кто их категорически не принимает. И все это неожиданно, резко, без всякой подготовки... Понимая это, пытаюсь выкроить свободную минуту, хоть позвонить, успокоить.

СЕРГЕЙ ШАХРАЙ (СЛЕВА)
АЛЕКСАНДР ШОХИН

* * *

Беспощадная круговерть первых дней и недель. Заканчивается формирование правительства. Молодые министры энергичны, решительны, но только еще входят в ситуацию ведомств, налаживают контакт со своим аппаратом, отраслью, предприятиями. У меня с правительственным опытом тоже не богато, а реформы необходимо начинать без малейшего промедления. Идеи должны обрести вид распоряжений, постановлений, указов... Оперативные вопросы требуют немедленного решения... Поток посетителей, лавина телефонных звонков... Ощущение, что ты под струей пожарного брандспойта и обязан не только удержаться на ногах, но сохранить ясную голову и двигаться не туда, куда тебя гонят обстоятельства, а в избранном тобой направлении. И при всем том, днем и ночью, самое тревожное — хлеб.

Вся стратегическая значимость предстоящих реформ не могла заслонить фундаментального факта: к концу ноября, за семь месяцев до нового урожая, в распоряжении государства остался примерно двухмесячный запас зерна. Продовольственные госрезервы — тушенка, масло и сахар, — за счет которых кое-как латали дыры в снабжении крупных городов, на исходе. И, как это ни горько для великой страны, ее возможность выжить до нового урожая зависит от щедрости дальних и близких соседей.

С тех пор не могу спокойно слушать именно от коммунистов их ритуальные митинговые и парламентские рыдания по утраченному имперскому величию страны, которую они, после семи десятилетий своего жестокого правления, поставили перед миром с протянутой рукой.

* * *

Финансовые трудности усугублялись тем, что в 1991—1992 годах, под влиянием международных санкций против Югославии и прекращением в связи с этим экспорта по нефтепроводу «Адрия», а также из-за снижения спроса на нефть в Чехии, Польше, Словакии, Венгрии и неразберихи, которая возникла с вывозом нефти через порты Балтии и Украины, возможности традиционного экспорта российского топлива серьезно снизились.

К тому же, на протяжении последних двух лет, на фоне борьбы и противостояния Союза и России, общей дезорганизации власти, разгула коррупции, которая к тому времени уже получила широчайший размах, количество выданных разными правительственными органами квот и лицензий на вывоз нефти вышло далеко за пределы здравого смысла. Квота стала тогда как бы «философским камнем», позволявшим почти мгновенно превращать обесценивающийся рубль в доллары. Если рыночный курс обмена в конце 1991 года равнялся 170 рублям за доллар, то, раздобыв официальную квоту, за каждый доллар можно было получить всего один рубль. Таким образом, даже при немалых взятках чиновникам, эффективность квоты уже в момент ее получения составляла более десяти тысяч процентов в день. Причем, обретя эту воистину волшебную бумажку, можно было никакой нефти не покупать и не экспортировать, а тут же перепродать полученное разрешение тем, кто нефтью занимается, — и состояние в кармане.

Мы разом и решительно перекрыли этот денежный кран: выдача индивидуальных квот посредническим структурам прекращалась. Они подлежали распределению между производителями пропорционально уровню добычи. Все ранее выданные квоты и лицензии подлежали проверке и перерегистрации, для чего была создана оперативная комиссия во главе с министром топлива и энергетики Владимиром Лопухиным. Указ об этом был подписан одним из первых.

Именно этот указ еще до начала реформ, до либерализации цен, взметнул первую мощную волну ненависти к правительству. Представители влиятельнейших группировок ринулись в приемные Ельцина, Хасбулатова, к микрофонам зала заседаний Верховного Совета, в редакции газет, на радио и телевидение. Жаловались, угрожали, требовали...

На меня пытались воздействовать и иначе, так сказать, интеллигентным путем. Приходили уважаемые люди, академики, писатели, художники, знаменитые актеры. Излагали суть действительно важных и неотложных проблем: спасение науки, культуры, детское питание, помощь соотечественникам за рубежом... Но к концу разговора, раз за разом, как чертик из коробки, выскакивал из-за спины выбиватель квот. Посетитель вкрадчиво сообщал: есть фирма (предприятие, общественная организация, фонд и т.д.), которая берется решить наш вопрос. Денег не надо, деньги есть. И нефти не нужно, тоже у фирмы есть. Нужна лишь малость — квота на ее вывоз... И дальше, в зависимости от наглости предпринимателя, которому удалось втереться к уважаемому деятелю в доверие, называлась цифра от 100 тысяч до 18 миллионов тонн.

Правительство устояло. Но с трудом. За счет непопулярных, но неизбежных мер.

* * *

В замысел встречи в Беловежской Пуще президент меня не посвящал. Сказал только, что надо лететь с ним в Минск, предстоит обсуждение путей к усилению сотрудничества и координации политики России, Украины и Белоруссии.

К этому времени, после референдума о независимости Украины, от власти и авторитета Союза уже практически ничего не осталось, кроме все более опасного вакуума в управлении силовыми структурами.

Вечером, по прилете, пригласили белорусов и украинцев сесть вместе поработать над документами встречи. Собрались в домике, где поселили меня и Сергея Шахрая. С нашей стороны были Бурбулис, Козырев, Шахрай и я. От белорусов — первый вице-премьер Мясникович и министр иностранных дел Зленко. (Так у автора; на самом деле Анатолий Зленко — министр иностранных дел Украины. — **«Итоги»**.) Украинцы подошли к двери, потоптались, чего-то испугались и ушли. Именно тогда Сергей Шахрай предложил юридический механизм выхода из политического тупика — ситуации, при которой Союз как бы легально существует, хотя ничем не управляет и управлять уже не может: формулу Беловежского соглашения, роспуска СССР тремя государствами, которые в 1922 году были его учредителями.

Мне идея показалась разумной, она позволяла разрубить гордиев узел правовой неопределенности, начать отстраивать государственность стран, которые де-факто обрели независимость. Никто из присутствующих не возразил. Начали вместе работать над проектом документа, где излагалась сформулированная идея. Было очень поздно, около 12 ночи, технический персонал решили не беспокоить, я стал сам набрасывать на бумаге текст. В 4 утра закончили работу. Андрей Козырев взял бумаги, понес к машинисткам. Утром паника в технических службах. Выяснилось — Козырев не решился в 4 утра будить машинистку, засунул проект декларации под дверь, по ошибке не под ту. Но когда рано утром хватились — времени для расшифровки уже не оставалось, разобраться в моем, надо сказать, на редкость отвратительном почерке мало кому удается. Пришлось идти самому диктовать текст. Так что если кто-то захочет выяснить, на ком лежит ответственность за Беловежское соглашение, отпираться не буду — оно от начала до конца написано моей рукой.

Несмотря на все комичные недоразумения, общая атмосфера этого дня — чувство глубокой тревоги. По-моему, все участники переговоров прекрасно понимали и неизбежность предлагаемого решения, и огромную ответственность, которую берут на себя те, кому его придется принимать. Больше всех, как мне кажется, переживал, волновался С.Шушкевич. В его словах звучал лейтмотив: мы маленькая страна, примем любое согласованное решение России и Украины. Но вы-то, большие, все продумали?

Когда я принес напечатанный наконец документ, Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич в ожидании бумаги уже собрались, начали предварительный разговор. Ознакомившись с ней, довольно быстро пришли к согласованному выводу — да, это и есть выход из тупика. Согласившись в принципе, стали обсуждать, что делать дальше. Борис Ельцин связался с Нурсултаном Назарбаевым, президентом Казахстана, попросил его срочно прилететь. Было важно опереться на поддержку и этого авторитетного лидера. Нурсултан Абишевич обещал, но потом его самолет сел в Москве и он, сославшись на технические причины, сказал, что прилететь не сможет.

Напряжение нарастало. Ведь речь шла о ликвидации де-юре распавшейся де-факто ядерной сверхдержавы. Подписав документ, Б. Ельцин в присутствии Л. Кравчука и С. Шушкевича позвонил Е. Шапошникову, сказал о принятом решении, сообщил, что президенты договорились о его назначении главнокомандующим Объединенными вооруженными силами Содружества. Е. Шапошников назначение принял. Потом последовал звонок Джорджу Бушу, тот выслушал, принял информацию к сведению. Наконец звонок М. Горбачеву и тяжелый разговор с ним.

Возвращаясь самолетом в Москву в этот декабрьский вечер 1991 года, я все время думал: а мог ли Горбачев в ответ на подписанное соглашение попытаться применить силу и таким образом сохранить Советский Союз? Разумеется, окончательный ответ так и остается неизвестным. И все-таки, мне кажется, в то время такая попытка была бы абсолютно безнадежной. Авторитет Горбачева, как, впрочем, и авторитет всех союзных органов управления, стал абсолютно призрачным, а армию, которую столь часто подставляли, вряд ли можно было сдвинуть с места. Развилку, на которой, подписав союзный договор, в той или иной форме удалось бы сохранить Советский Союз, прошли в августе 1991 года. Теперь, в декабре, свершившийся факт был лишь юридически оформлен. ■

Кто ищет, тот всегда найдет

Никто, конечно, не ожидал, что известие о назначении Бориса Березовского заместителем секретаря Совета безопасности будет повсеместно встречено громом аплодисментов и залпами праздничного салюта. Однако мгновенная и крайне резкая реакция на это известие председателя Государственной думы Геннадия Селезнева поначалу удивила многих.

Для затравки обычно уравновешенный спикер заявил, что Березовский уже совершил «антироссийский информационный переворот на первом канале телевидения», а теперь еще «влезает в святая святых, в вопросы безопасности государства российского». Затем Селезнев потребовал отставки главы администрации президента Анатолия Чубайса.

Напоследок было объявлено, что пока этого не произойдет, спикер не станет принимать участие в работе так называемой большой четверки — Консультативного совета.

Впрочем, первое удивление скоро прошло. Быстрота и резкость демарша Селезнева (явно не вполне адекватные) невольно наводят на мысль о том, что спикер ждал только повода для выхода из совета. Вероятнее всего, Селезнев считает, что, заманив совместной работой с президентом, его просто обманули и подставили.

Ведь это он днем в понедельник 21 октября, вернувшись из Барвихи, первым сообщил журналистам о намерении Бориса Ельцина создать Консультативный совет в составе: спикер сената, спикер Думы, премьер и глава администрации президента. И тут же оговорился, что последний вводится в состав совета временно, пока болен сам президент. Комментарии представителей КПРФ были сдержанно доброжелательными: мол, пусть это и не Госсовет с привлечением лидеров крупнейших партий, как мы предлагали, но прогресс, так сказать, очевиден...

Но в тот же день очередной брифинг в Кремле проводил пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский. Из его слов как-то не очень следовало, что в Консультативном совете Анатолий Чубайс — фигура временная. Газетчики с телевизионщиками почему-то приняли именно версию Ястржембского. Замелькало словосочетание «регентский совет» — для коммуниста Селезнева, поторопившегося сказать свое принципиальное «да» новому органу, крайне неприятное. Было отчего почувствовать себя обманутым.

Так что назначение Березовского подвернулось спикеру весьма кстати. И тут уж он, отдадим ему должное, не оплошал и «выстрелил» оперативно и громко.

Михаил Коровкин

Жертва военного сотрудничества

На недавнем заседании Совета министров обороны СНГ разыгрался нешуточный скандал. Российская делегация на пост начальника штаба по координации военного сотрудничества предложила генерала армии Михаила Колесникова. Но министры СНГ взбрыкнули и отказались рекомендовать его для утверждения Советом глав государств. Чем продемонстрировали, что СНГ ничем не хуже Североатлантического альянса, где союзники США вовсю конфликтуют с Вашингтоном, требуя, чтобы европейский генерал возглавил Южное командование НАТО.

По официальной версии — причина демарша, устроенного министрами обороны СНГ, в том, что Колесников «лично не присутствовал на заседании». В кулуарах же говорили другое — представители Узбекистана, поддержанные большинством присутствовавших, заявили: штаб должен возглавить «представитель другого государства, а не России, гражданин которой уже занимал этот пост».

Если это было сказано всерьез, то сие должно означать коренной пересмотр подходов к военной интеграции, что маловероятно. Скорее же всего, в министрах говорила обида. Решая свои внутренние проблемы, Москва произвела быструю рокировку генералов. Виктор Самсонов, занимавший до сего времени пост, из-за которого сыр-бор и разгорелся, назначен начальником Генштаба России. Его предшественника Михаила Колесникова решено было переместить в штаб по координации военного сотрудничества. Обо всем этом союзники узнали, видимо, из газет, где о назначении Колесникова говорилось как о деле решенном. Таким образом дипломатический политес, к которому в бывших братских республиках чрезвычайно чувствительны, соблюден не был.

Другое объяснение демонстративного отказа рекомендовать генерала, возможно, заключается в том, что министры не питают к самому Колесникову нежных чувств. Занятый на своей прежней должности проблемами армии российской, он не горел желанием тратить время на общение с коллегами из стран СНГ и отнюдь не спешил выполнять их перманентные просьбы о помощи и содействии.

Ясно одно: история с генералом Колесниковым — результат неотлаженности механизма взаимодействия внутри СНГ. Что же до самого генерала, то он имеет репутацию человека, который никогда не боролся за высокие должности. Не исключено, что, столкнувшись с эсэнгэшным афронтом, он подаст рапорт об отставке. В таком случае российская армия потеряет военачальника с немалым опытом и квалификацией.

Александр Гольц

Ярлык на княжение

Казанскому князю пришлось на прошлой неделе явиться в Кремлевские палаты, чтобы просить московских бояр сохранить жизнь двум татарским гигантам: КамАЗу и «Татнефти». Минтимер Шаймиев до сих пор избегал роли просителя, стараясь подчеркивать свою независимость как главы суверенной республики. Такой взгляд на вещи руководителя Татарстана вдохновлял местных промышленников игнорировать требования федерального центра об уплате налогов. В результате КамАЗ и «Татнефть» оказались в ВЧКовском «черном списке» кандидатов в банкроты.

59-летний Шаймиев, однако, сумел вовремя сориентироваться в изменившейся обстановке. И его визит в Москву стал безусловным успехом. Стремительный набег на кабинеты Виктора Черномырдина и Анатолия Чубайса помог татарстанскому президенту вытащить обе компании из долговой ямы. Если спасти «Татнефть» было проще (ее налоговые долги компенсировались ее же вкладом в снабжение армии горюче-смазочными материалами), то с КамАЗом дела обстояли сложнее. На шее производителя грузовиков «чекисты» уже затянули петлю, грозя передать дело о банкротстве в суд. КамАЗ был освобожден буквально в последний момент в обмен на обещание в ближайшее время уплатить 50,9 миллиарда рублей дани.

После посещения Кремля Минтимер Шарипович впал в весьма добродушное расположение духа. Он доказал, что обладает значительным влиянием в московских коридорах власти. Поменяв в течение считанных дней свое заявление о том, что на суверенную республику пытаются оказать давление, на прямо противоположное, Шаймиев сумел и «незалежность» отстоять, и отношения с федералами не испортить. Думается, что этот успех утвердит бывшего первого секретаря Татарского обкома КПСС в роли неформального лидера губернаторского корпуса.

Андрей Серов

Последний еврозавр

Канцлер Гельмут Коль называет себя «политическим внуком» Конрада Аденауэра. Впрочем, на посту главы кабинета он пересидел «дедушку»

Дмитрий Погоржельский

Однажды журналисты назвали Коля «Бисмарком в свитере». Он парировал: во-первых, у Бисмарка не было свитера, а я ношу вязаную кофту на пуговицах. Во-вторых, ваш намек на объединение Германии совершенно неуместен.

Знаменитая черная кофта, которая была на Коле во время его исторической встречи с Михаилом Горбачевым в июле 1990 года в Архызе, на Северном Кавказе, теперь находится в боннском Доме истории. Рядом в той же музейной витрине — пуловер советского президента. Наши потомки будут смотреть на эти экспонаты, как мы — на одежды королей и властителей, некогда вершивших судьбами мира. Тогда, летом 90-го, Москва сняла свое прежнее требование, чтобы объединенная Германия не была членом НАТО.

«Для меня исполнилась мечта, когда... спустя десятилетия горького раздела наше отечество без слез и крови вновь обрело единство в свободе», — пишет Коль в только что вышедшей книге «Я хотел единства Германии».

Политик, воплотивший в реальность, казалось, несбыточную мечту немцев о единстве, не прибегая при этом ни к огню, ни к мечу, Гельмут Коль мечтает завершить интеграцию Европы. «Единство Германии и европейское единение — две стороны одной медали», — любит он повторять слова Аденауэра.

«Милость позднего рождения»

Пасмурным утром 3 апреля 1930 года в городе Людвигсхафен в семье финансового чиновника Йоганна Каспара Коля и домохозяйки Цецилии Шнур родился третий ребенок — вслед за сестрой Хильдегард и братом Вальтером. Семья не испытывала нужды, жила в добротном доме, построенном отцом Цецилии.

По собственному признанию Коля, он был «средним учеником» в школе и гимназии и не испытывал радости от занятий. Тем не менее Длинного — так одноклашники прозвали Гельмута за почти двухметровый рост — постоянно избирали старостой класса. Он не боялся спорить с учителями, ревностно следил за поддержанием товарищеского духа, чтобы камрады давали списывать друг другу. К первому прозвищу позднее добавилось и другое — Организатор. Со временем Гельмут Коль доказал его справедливость.

Когда Коль сегодня позволяет себе откровенно говорить о своих посредственных успехах в школе и гимназии, чувствуется, как он упивается нынешним положением, которого добился исключительно благодаря упорству и воле. Вообще-то в юности он хотел стать крестьянином, как и дед, разводить кур, индюшек, кроликов, пахать землю. Что ж, «пахать» несостоявшемуся крестьянину приходится вовсю.

В год, когда Гельмуту исполнилось 14 лет, накануне Рождества пришло извещение: на фронте погиб Вальтер. Ему было всего 18. Близко знающие канцлера утверждают, что и по сей день он не может вспоминать о брате без душевной боли. Впрочем, и те, кто не знает его близко, признают, что ненависть к нацистам, привитая отцом, трагедия войны, гибель брата, послевоенная разруха и полуголодное в ту пору существование родного Людвигсхафена наложили свой отпечаток на его политические взгляды.

Спустя много лет, выступая в Иерусалиме перед депутатами израильского кнессета, он произнес фразу о «милости позднего рождения». В год 50-летия окончания войны он пояснил: «Милость эта отнюдь не означает права уклоняться от совместной ответственности за всю свершенную от имени немцев несправедливость. Как раз наоборот: из ужаса прошлого мы должны сделать для себя и будущих поколений вывод, что обязаны отстаивать как высшую ценность достоинство человека и его права».

Во многом отсюда и его «одержимость стремлением к миру», утверждают исследователи «феномена Коля».

Учителя

Интерес к политике еще в гимназии пробудил у него преподаватель математики, научивший Гельмута воспринимать политику как точную науку.

Однако его первыми настоящими политическими наставниками стали другие — организатор и первый председатель Христианско-демократического союза (ХДС) земли Пфальц Йоханнес Финк, прелат Мартин Вальзер и издатель Йозеф Штауб. В небольшом кругу единомышленников за сосисками и прочими традиционными для Пфальца мясными блюдами (Гельмут с малолетства любил поесть) часами обсуждались проблемы социализма и католицизма, либерализма и консерватизма.

Когда Коль вступил в только что созданный «Союз Европа», который ставил целью прежде всего примирение с Францией, у него еще не было четкого политического кредо. Но понятия «свобода» и «Европа» стали для него неразрывными.

Французские оккупационные власти тут же запретили союз. Парадокс — прошел всего год, и Париж сделал Бонну историческое предложение о примирении и согласии. Аденауэр принял его, понимая, что без включения Германии в союзы не избежать трагического повторения ошибок прошлого. Именно с тех пор — при всех приливах и отливах и при любых германских правительствах — союз Бонна и Парижа стал ключевым элементом и, как любят повторять, «локомотивом» европейской интеграции. «Политический внук» унаследовал от Аденауэра убежденность в необходимости прочного альянса двух стран и сделал все от него зависящее ради его укрепления.

На юного Коля, выросшего в семье добропорядочных, но не ортодоксальных католиков, оказали влияние и религиозные взгляды его наставников. Они исповедовали экуменизм, призывая быть толерантными к другим религиям, инакомыслию. Позже семья Колей спокойно отнеслась к решению Гельмута

1930 — РОДИЛСЯ В ГОРОДЕ ЛЮДВИГСХАФЕНЕ
1946 — ВСТУПАЕТ В ХДС И ПОЛУЧАЕТ БИЛЕТ № 00246
1953 — ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ ХДС ЗЕМЛИ ПФАЛЬЦ
1959 — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОКРУЖНОГО СОЮЗА ХДС В ЛЮДВИГСХАФЕНЕ
1961 — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ В ЛАНДТАГЕ
1963 — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФРАКЦИИ ХДС ПФАЛЬЦА
1969 — ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЗЕМЛИ РЕЙНЛАНД-ПФАЛЬЦ
1973 — НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ СЪЕЗДЕ ХДС СТАНОВИТСЯ ВО ГЛАВЕ ПАРТИИ
1982 — ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ БУНДЕСТАГОМ ВОТУМА НЕДОВЕРИЯ ГЕЛЬМУТУ ШМИДТУ ИЗБИРАЕТСЯ КАНЦЛЕРОМ И ФОРМИРУЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО ХДС/ХСС/СВДП
1983 — ВЫБОРЫ В БУНДЕСТАГ, НА КОТОРЫХ ХДС/ХСС ПОЛУЧАЕТ 48,8 ПРОЦЕНТА ГОЛОСОВ. ПАРЛАМЕНТ ВНОВЬ УТВЕРЖДАЕТ КОЛЯ В ДОЛЖНОСТИ КАНЦЛЕРА
1989 — В НОЯБРЕ ВЫДВИНУЛ ПЛАН ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ ИЗ 10 ПУНКТОВ
1990 — 3 ОКТЯБРЯ ОТМЕЧАЕТ В БЕРЛИНЕ ДЕНЬ НЕМЕЦКОГО ЕДИНСТВА
1990 — В ДЕКАБРЕ НА ПЕРВЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В ЕДИНОЙ ГЕРМАНИИ ПОБЕЖДАЕТ КОАЛИЦИЯ ХДС/ХСС И СВДП
1991 — 17 ЯНВАРЯ БУНДЕСТАГ ИЗБИРАЕТ ПЕРВЫМ КАНЦЛЕРОМ ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ ГЕЛЬМУТА КОЛЯ
1992 — ОТ ИМЕНИ ГЕРМАНИИ КОЛЬ ПОДПИСЫВАЕТ МААСТРИХТСКИЙ ДОГОВОР
1994 — В ОКТЯБРЕ ХДС С МИНИМАЛЬНЫМ ПЕРЕВЕСОМ ПОБЕЖДАЕТ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ
1996 — 21 ОКТЯБРЯ В 12-Й РАЗ КОЛЯ ИЗБИРАЮТ НА ПОСТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАРТИИ (95 ПРОЦЕНТОВ ДЕЛЕГАТОВ ОТДАЮТ ЗА НЕГО СВОИ ГОЛОСА)

взять в жены лютеранку Ханнелоре Реннер, бежавшую вместе с родителями из советской зоны оккупации.

В 16 лет Гельмут Коль вступил в только что образованный ХДС. Родители были не в восторге от решения сына, считая, что ему нужно больше времени уделять учебе. К тому же, на себе испытавшие горький опыт нацизма, они с большой настороженностью относились к любой партийной политике. Но Гельмут, чтивший отца и мать, на сей раз не прислушался к ним. Он заявил, что хочет сделать себе имя в политике — чего бы это ему ни стоило. В ту пору амбиции провинциального гимназиста казались смешными и вздорными.

Восхождение

Путь в большую политику начался для Гельмута Коля в 1961 году. Он был избран заместителем председателя фракции ХДС в земельном парламенте, хотя и с большим трудом. До вершины было еще очень далеко, молодому политику с неизменной в ту пору трубкой в зубах еще предстояло проделать обязательный «бычий круг» — прохождение по всем ступеням партийной и административной лестницы.

Но именно так и закалялся его характер политика. Загнанный в угол, припертый к стенке своими противниками, Коль не раз затем демонстрировал способность быстро собираться с силами и переходить в наступление. И выигрывать решающие сражения подчас неожиданно для всех.

Настойчивость начинающего политика, дерзость в отстаивании своего мнения перед авторитетами удивляла многих. Осенью 1966 года, когда ХДС оказался перед дилеммой — вступать или нет в «большую коалицию» с оппозиционными социал-демократами, Коль возразил против этой «свадьбы слонов». Он, как и Аденауэр, считал, что участие СДПГ в правительстве — пускай даже временное — может привести к утрате власти ХДС. Эти слова оказались пророческими.

На Коля все чаще обращали внимание старшие товарищи по партии, но никому и в голову не приходило, что он может играть первые роли. А он, точно рассчитав соотношение сил, вскоре стал премьер-министром Рейнланд-Пфальца.

Стиль его руководства напоминает стиль Конрада Аденауэра — требовательный, нацеленный на эффективность. Коль не терпит, если кто-то из коллег по кабинету манкирует заседаниями правительства. Не любит, если во время заседания возникают споры — он тут же их гасит, считая, что все должно быть обговорено и подготовлено заранее.

Едва встав во главе земельного правительства, он тут же потребовал, чтобы ему предлагали четкие альтернативы — долгие дискуссии по мелочам ему не по нраву. «Что ты приходишь ко мне с этой чушью, которую несут твои специалисты? У тебя есть мнение или нет? Запомни — мы тут не управляем, а правим. Улавливаешь разницу?» — так не раз отчитывал он многих министров.

Конечно же, самый молодой политик в истории Германии, достигший таких вершин, хотел «изменить мир». Поэтому Коль часами обсуждал серьезные стратегические проблемы. Тут он не жалел времени, вдавался в мельчайшие детали и выслушивал мнение коллег. Такие заседания в кругу своих проходили, как правило, в винном подвале канцелярии земельного правительства в Майнце.

Как-то весной 1968 года Гельмут Коль вместе с гостями допоздна засиделся в этом подвале. Когда почти все разошлись, заметно отяжелевший от любимых пфальцских вин Коль поднялся уходить. Уже на пороге, держась за косяк двери, он обернулся к оставшимся за столом журналистам и произнес: «Вот увидите, я буду канцлером Федеративной Республики Германия».

Можно было бы, конечно, решить, что он «перебрал». Но на самом деле за этим заявлением стояло тщеславие, которое, как твердо убежден нынешний канцлер, необходимо политику. «Я не думаю, что можно долго существовать непризнанным, если, конечно, ты не рожден аскетом. Я к таковым не отношусь», — сказал он о себе много лет спустя.

Положение мало кому известного политического деятеля из провинции его не устраивало. И он, опять-таки невзирая на авторитеты, открыто настаивает на проведении реформ в ХДС, убеждает в необходимости интеллектуального обновления партии. Конрад Аденауэр уже в могиле, Людвиг Эрхард сошел с политической сцены. Канцлер Курт Георг Кизингер еще правит «большой коалицией». Но ясно, что долго она не продержится. Бурные события в Германии весны 68-го года — молодежные движения, поиски новой модели общества и новых лидеров, встряхнувшие всю Европу, изменили ситуацию не только в стане консерваторов, но и во всей стране.

Христианские демократы стали позволять себе более смелые внутрипартийные дискуссии. Легендарный предвыборный лозунг ХДС «Никаких экспериментов!», столь привлекательный в конце 50-х годов и принесший им победу на выборах, уже не срабатывает. Хотя именно консерваторы добились стабильности и процветания послевоенной Германии.

К концу 60-х годов социал-демократы лучше смогли уловить веяния времени, отбросили в сторону идеологические догмы прошлых десятилетий и завоевали на свою сторону средний класс. На первые роли в партии вышли выдающиеся политики, которые впоследствии станут канцлерами — Вилли Брандт и Гельмут Шмидт.

Коль, однажды сравнивший политика с охотничьей собакой, у которой должны быть развиты прежде всего тонкий нюх и инстинкт погони за зверем, нутром почуял, что как раз теперь необходимы «эксперименты». Но на его пути стояли старшие товарищи по партии — Райнер Барцель, Альфред Дреггер и неистовый баварец, лидер ХСС Франц Йозеф Штраус.

Коль понимал: если и встанет вопрос о передаче власти — а в послевоенной Германии она переходила из рук в руки не в результате выборов, но после закулисных партийных переговоров, — то он еще слишком молод, чтобы претендовать на нее. Его время не пришло. И он ждал, с трудом сдерживая нетерпение, которое некоторые считают его самой большой слабостью.

Звездный час, который растянулся на многие годы, пробил для него в 1982 году, когда либералы изменили социал-демократам и перебежали к христианским демократам. Причиной тому стали проблемы как внутри, так и внешнеполитические. В СДПГ царил самый настоящий раскол по поводу «довооружения» НАТО в противовес советским ракетам СС-20, на чем настоял Гельмут Шмидт. В партии либералов под руководством вице-канцлера и министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера тоже далеко не все были в

восторге от этого решения. Но сопротивляться планам США Бонн не мог.

Новый глава кабинета, избранный в бундестаге после объявления вотума недоверия социал-либеральному правительству, настоял на проведении досрочных парламентских выборов. Он привел к победе новую коалицию и остается канцлером по сей день — теперь уже дольше всех своих предшественников в новейшей германской истории.

Едва ли найдется в Германии политик, которого столько раз критиковали и пинали противники, которому столько раз предрекали уход с политического Олимпа.

Те, кто утверждает, что он не обладает ни харизмой, ни выдающимися интеллектуальными способностями, наверное, правы. А он и не претендует ни на то, ни на другое. Все это ему заменяют редкостный властный инстинкт, поразительное политическое чутье и несомненный талант организатора.

Почему он не уходит

Один из моих германских коллег насчитал минимум 11 причин, по которым 66-летнему Колю пора отправляться на покой. Хотя уже больше года канцлер получает пенсию, он и не помышляет об уходе. В начале 1994 года все опросы общественного мнения говорили против Коля, его популярность катастрофически упала. Поговаривали о «сумерках канцлера». Но он снова, в который уже раз в своей жизни, доказал, что именно в трудных ситуациях, припертый к стенке, опасен для противников. После победы на выборах в бундестаг в 1994 году многие ждали, что в 1996-м Коль наконец-то назовет своего преемника и передаст ему пост. Все ожидания и расчеты не оправдались.

Можно, конечно, упрекать Коля в том, что он не воспитал себе достойного преемника. Но можно и биться об заклад, что на выборах 1998 года он снова станет единым кандидатом от ХДС/ХСС/СвДП, чтобы и в новое тысячелетие Германия вошла с объединившим ее канцлером — Гельмутом Колем.

Быстрое объединение Германии, ставшее неожиданностью практически для всех мировых политиков (говорят, о знаменитом плане Коля из 10 пунктов не знал даже его министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер), войдет в историю как главное свершение этого политика. Вряд ли это сумел бы сделать кто-либо другой — тут нужен был авторитет именно Гельмута Коля. Несмотря на противодействие Миттерана и Тэтчер, он сумел убедить не только Горбачева, но и Буша в том, что сопротивление процессу объединения бессмысленно. Причем Буш не поверил даже своим разведчикам, сообщившим ему, что объединенная Германия выйдет из НАТО. Но поверил Гельмуту Колю.

Для Вечного канцлера (пожалуй, это самое последнее прозвище Коля) после объединения страны смыслом политической деятельности стало завершение интеграции Европы. Именно ей он подчиняет внешнюю и внутреннюю политику страны, которая еще не полностью переварила социальные последствия объединения, проводит крайне непопулярную налоговую реформу, чтобы Германия могла соответствовать критериям Маастрихтского договора.

Объединенная Колем Германия сегодня стала локомотивом объединения Европы. Не случайно в глазах многих европейцев он стал чуть ли не гарантом процесса европейского единения, символом стабильности в период бурных перемен на континенте. Иначе чем объяснить такую популярность немецкого канцлера у французов? Когда один из журналистов назвал его «последним еврозавром», трудно сказать, чего в этом было больше — насмешки или скрытого признания.

Силой своего авторитета ему удается гасить любые попытки затормозить интеграцию. А их в последнее время предпринимается немало — и в Германии, и за ее пределами. Особенно после ухода из политики, а вскоре и из жизни Франсуа Миттерана, с которым Коля связывала искренняя и тесная дружба.

Дружба с политиками, как считает канцлер, играет большую роль в межгосударственных отношениях, и он ею дорожит. «Друг Борис» — одно из ярких подтверждений общего правила. При этом «друзей по жизни» у канцлера немного — нет времени. Едва хватает времени и на семью. О частной жизни Гельмута Коля известно мало — он не позволяет журналистам в нее вторгаться.

Если сравнение с Бисмарком не устраивает Коля, то кто из политиков для него образец? По его собственному признанию, кроме Аденауэра, это, конечно же, автор «экономического чуда» Людвиг Эрхард, бывший президент США Гарри Трумэн и Папа Римский Иоанн XXIII. Почему именно он? Потому что остался в памяти католиков как один из крупнейших реформаторов.

Почитатель философа Карла Поппера, Гельмут Коль любит повторять его афоризм: «История — не судьба, ее можно творить». ■

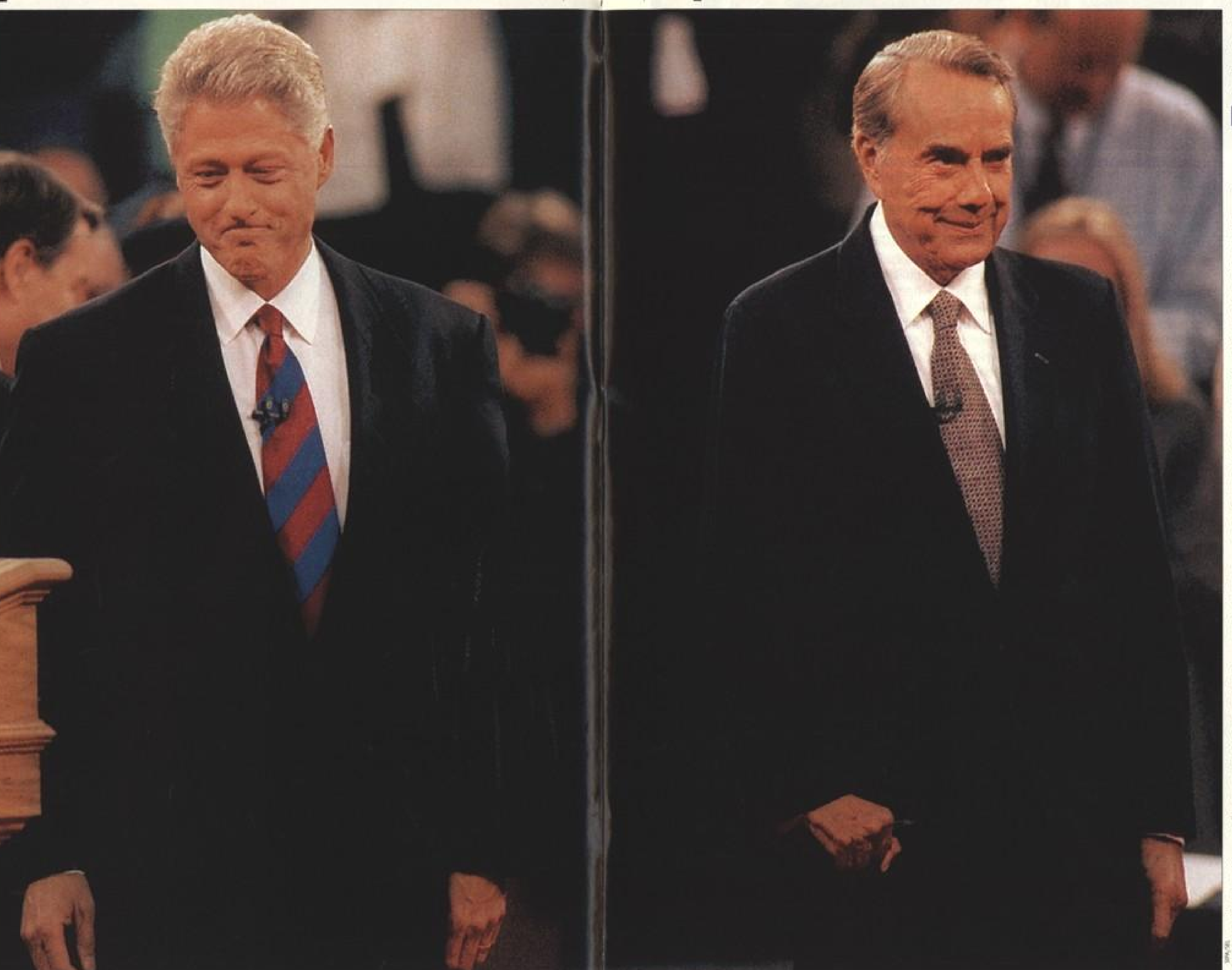
Уверенный финиш Клинтона

Этот номер «Итогов» подписан в печать за несколько дней до «первого вторника после первого понедельника ноября». Однако победа президента Соединенных Штатов Америки Билла Клинтона над соперником-республиканцем Бобом Доулом была очевидна задолго до дня выборов. В течение последних недель опросы общественного мнения показывали, что лидер оторвался от претендента не менее чем на 20 процентов. Успех действующего главы американской администрации объясняется нынешним экономическим благополучием американцев, а также в немалой степени тем, что в умении вести предвыборную борьбу Клинтон не знает себе равных. Ему не смогли помешать ни многочисленные скандалы, связанные с неприглядными историями интимного характера, ни подозрения в причастности к финансовым махинациям в бытность арканзасским губернатором, ни подоспевший под самый конец президентской гонки иск республиканцев о получении незаконных пожертвований на его предвыборную кампанию.

Его соперник Боб Доул, человек достойный и добропорядочный (хотя и про него желтой прессе в конце концов удалось раскопать какую-никакую любовную интригу двадцатипятилетней давности), счел все происходящее ужасной несправедливостью и в последние дни октября, потеряв самообладание, стал обвинять в собственных неудачах журналистов и избирателей. Чем только усугубил свое положение.

Махнув рукой на своего главного кандидата, республиканцы сосредоточили последние усилия на выборах в Конгресс и Сенат. В один день с президентом переизбираются все 435 конгрессменов и одна треть сенаторов. Если республиканцам не удастся сохранить большинство, завоеванное ими в обеих палатах на выборах 1994 года, то в руках демократов окажется и законодательная, и исполнительная власть.

Маша Липман

Несколько слов о выгодах центризма

Михаил Ямпольский

СТРАТЕГИЯ

Даже на завершающем этапе избирательной кампании страсти отнюдь не накалились. Общий интерес к выборам упал и у публики, и в прессе. Последние опросы общественного мнения демонстрировали столь сильный отрыв Клинтона от Доула, что неожиданности были практически исключены. Все наиболее интересные дискуссии и комментарии сместились на периферию. В центре, в свете софитов, остались главные актеры, нудно твердящие хорошо вызубренный урок. Создавалось ощущение, что им практически нечего сказать. Доул повторял обещание снизить налоги на 15 процентов и сбалансировать бюджет, но в это никто не верил. Чудес не бывает. Клинтон утомительно просил избирателей разрешить ему построить «мост в XXI столетие» и сулил вывести из-под налогов расходы на образование и врачей. «Мост» этот всем уже порядочно надоел. На фоне достаточно интересных комментариев, которые позволяли себе политические деятели и аналитики, выступления кандидатов выглядели особенно однообразно и примитивно.

Перед выборами Клинтон не мог ни на гран отклониться от заученной роли. Это и понятно. Отрыв его был так велик, что главной заповедью претендента №1 стало — не навреди себе самому. Чем меньше каких бы то ни было деклараций, тем спокойнее.

Связано это прежде всего с тем, что президент должен получить более половины голосов избирателей, а потому обязан угодить большинству населения такой разнородной страны, как Соединенные Штаты. Чтобы представительствовать за всех, нравиться всем, лучше вообще обходить стороной наиболее острые проблемы. Отсюда и уныние выступлений, отсюда «мост», наивные обещания всеобщей доступности Интернета и, конечно, тема налогов. Когда снижают налоги, это, безусловно, нравится всем без исключения.

Американское общество устроено таким образом, что преуспеть в нем может только политик, интуитивно выбирающий себе позицию в центре. Когда Клинтон пришел к власти, его слишком заносило влево. Некоторые инициативы президента — регулируемое здравоохранение, разрешение гомосексуалистам служить в армии — дорого ему обошлись. Популярность его резко упала. После победы рес-

И БИЛЛ КЛИНТОН И БОБ ДОУЛ УМЕЮТ ЛУЧЕЗАРНО УЛЫБАТЬСЯ. НО У КЛИНТОНА ЭТО ВСЕ ЖЕ ЛУЧШЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

публиканцев на парламентских выборах Клинтон заложил вираж вправо. И успешно сместился, в силу своей необыкновенной гибкости и отсутствия незыблемых принципов, прямо в центр политического спектра. Этот маневр вернул Клинтону утерянную популярность и предрешил его успех на повторных выборах.

Демократическая и республиканская партии в целом, конечно, центристские образования, но все же каждая из них достаточно внятно смещена к определенному политическому полюсу. Это смещение к полюсам позволяет им сохранять поддержку приверженцев. Ведь партийные активисты — это во всех странах люди с некоей идеей, с определенной идеологией, а не просто что-то аморфное и срединное. Республиканцы, с их идеологией свободного предпринимательства и недоверия к любого рода социальным программам, выражают чаяния правого, христианского, консервативного, белого населения, в основном жителей предместий и провинции. Демократы, с их верой в социальные программы и стремлением перераспределить налоговое бремя в соответствии с доходами, традиционно пользуются поддержкой бедных слоев, национальных меньшинств, интеллигенции и жителей мегаполисов. Партии работают на то, чтобы сохранить за собой традиционные блоки избирателей, а потому не могут отказаться от идеологии, которая обеспечивает кандидатам поддержку убежденных приверженцев. Но успех выборов решают не они, а обширное «болото», находящееся в центре, и переходящее от кандидата к кандидату в зависимости от тех конкретных реформ, которые он предлагает, а часто и просто от его личной привлекательности. Именно поэтому кампания кандидатов ориентируется на «болото». Клинтон и так знает, что черное население будет голосовать за него вне зависимости от его позиции по конкретным вопросам (хотя афро-американцы в большинстве своем аполитичны и вообще не участвуют в выборах). Доул и так знает, что христианские фундаменталисты или русские эмигранты (яростные поборники республиканцев) отдадут ему свои голоса. У них просто нет иного выбора, они органически не могут голосовать за соперника.

Вот почему перед выборами кандидаты вынуждены смещаться в сторону центра по отношению к традиционной позиции партии.

Проблема Доула в 1996 году, на мой взгляд, сводится к тому, что Клинтон настолько далеко сместился вправо в сторону центра, что прочно занял место идеального центриста. Доулу просто не осталось политического пространства для маневра. Он безнадежно кружится вокруг этого оккупированного Клинтоном пятачка, не зная, как отвоевать его у соперника. Доул пришел к выборам как либеральный республиканец и неожиданно застал место занятым другим «либеральным республиканцем» — Клинтоном.

Существенно, что место центриста Клинтон завоевал в хорошо разыгранной борьбе с республиканскими радикалами во главе со спикером палаты представителей Ньютом Гингричем. Окрыленные победой на выборах в конгресс в 1994 году, республиканцы, почти всегда имевшие в парламенте меньшинство, под барабанный бой стали проталкивать одну радикальную реформу за другой: иначе говоря, резать социальные программы под предлогом необходимости сбалансировать бюджет и передать власть из Вашингтона «на места». Клинтон наложил несколько вето на самые тяжеловесные законопроекты (кстати, не помешав скостить социальную помощь эмигрантам — они-то не голосуют) и смог создать себе репутацию умеренного. Можно сказать, что репутация эта была эффективно создана благодаря стараниям неукротимых республиканских реформаторов, в том числе и Гингрича — самого непопулярного сегодня политика Америки.

Клинтон переигрывает Доула потому, что смог привлечь на свою сторону такие категории избирателей, которыми труднее всего овладеть в силу их аморфности. Престарелые в массе тяготеют к Клинтону потому, что видят в нем защитника своих пенсий и медицинских страховок, женщины — заслон против запрета на аборты и к тому же обаятельного мужчину.

Сам Доул также был вынужден избегать упоминания о наиболее одиозных положениях партийной платформы — например, о требовании запрета на аборты. Он безостановочно заверяет престарелых, что не тронет их благ. Но поезд уже ушел. Кампания Клинтона сделала все, чтобы закрепить в сознании избирателей ассоциацию Доула с не пользующимся ничьей любовью Гингричем. Во время президентских дебатов Клинтон постоянно склонял оба имени в нерасторжимой связке. В итоге Доулу приходится куда энергичней доказывать свой центризм, чем Клинтону. Доул стремится занять место в центре, но Клинтон успешно отталкивает его от центра к полюсу опасного радикализма. Он явно выигрывает предвыборную игру в «царя горы».

Стремление занять узкое пространство посередине все же приводит к тому, что кандидаты, несмотря на все оттенки, оказываются мало отличимы друг от друга. И именно этот момент неразличимости и выдвигает на первый план тему личности, характера. Идеологические различия сглаживаются (хотя, конечно, республиканская и демократическая окраски остаются — Клинтон предлагает целевое снижение налогов, Доул — всеобщее, то, в котором особенно заинтересованы имущие слои), и начинают акцентироваться свойства характера, возраст, здоровье и т.д.

К концу избирательной кампании высказывания Доула становились все разнузданнее, а его появления на митингах вызывали все больший энтузиазм. Это подстегивало Доула к еще более рискованным формулировкам. Страстность митингующих он принимал за вожделенный признак успеха, и это до такой степени ввело его самого в заблуждение, что на одной из недавних встреч с избирателями в Калифорнии он заявил, что чувствует в воздухе запах победы. В Калифорнии у него, между тем, не было практически никаких шансов. Энтузиазм избирателей — попросту признак того, что митинги претендента становились все более чисто партийными, не привлекая «умеренных» избирателей. И потому чем громче, чем истеричнее были овации на встречах с Доулом, тем спокойнее мог спать Клинтон.

Одно время враги любили величать президента «скользкий Билли». Конформисты, конечно, оба, но по отношению к Клинтону это обвинение особенно справедливо. Фокус, однако, в том, что сама способность приспосабливаться к мнению большинства — фундаментальная черта демократического политика. Успех Клинтона основывается на его умении мимикрировать под среднего американца. Билли потому и выиграл сегодня, что он «скользкий». ■

Клинтон — давно не новичок

Президента трудно обвинить в серьезных огрехах внешней политики — он уже давно их не совершал

Питер Слевин

ИСТОРИЯ УСПЕХА

КОГДА ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД БИЛЛ КЛИНТОН был избран президентом и из далекого от политических бурь маленького штата Арканзас переехал в Вашингтон, ни для кого не было секретом, что во внешней политике он не силен. Буша ему удалось победить исключительно благодаря посулам добиться перемен во внутриэкономической ситуации. В штаб-квартире демократов на стене красовалась табличка, призванная напоминать всем и каждому основной лейтмотив происходящего: «Думай об экономике, балда».

В течение всей предвыборной гонки Клинтон критиковал президента Буша за то, что тот заигрывает с китайскими диктаторами и игнорирует геноцид в Боснии. Однако, оказавшись в Белом доме, он сам начал совершать одну ошибку за другой. В Европе действовал слишком робко, в Карибском бассейне — мягко, на Дальнем Востоке — нерешительно.

Символом неудач первого года президентства Клинтона стали телевизионные кадры, в которых возбужденные победой сторонники сомалийского военного диктатора волокут по улицам Могадишо тело убитого американского солдата. Да что там говорить, Главнокомандующий, в свое время уклонившийся от военного призыва в знак протеста против войны во Вьетнаме, выступая перед американскими частями, не сумел даже должным образом отдать честь.

Два года назад каждый из многочисленных претендентов-республиканцев, жаждавших помериться силой с Клинтоном, предвкушал, как сможет всласть поиздеваться над внешнеполитической недееспособностью президента. Но произошло непредвиденное. Клинтон неожиданно «повзрослел». Он предпринял целый ряд решительных, хотя и непопулярных шагов на внешнеполитической арене и вопреки ожиданиям заслужил одобрение общественности.

И вот претендент от Республиканской партии, инвалид и ветеран войны, всеми уважаемый бывший лидер сенатского большинства Роберт Дж. Доул снова попытался убедить избирателей в том, что в случае его победы на выборах Соединенные Штаты окажутся в более надежных руках.

Если бы эти надежды осуществились, это можно было бы уподобить воскрешению Лазаря. Избиратели согласны с тем, что семидесятитрехлетний Доул в большей мере достоин уважения, чем речистый Клинтон, но пятидесятилетний действующий президент, по их мнению, лучше представляет себе их проблемы. Их даже теперь устраивает внешняя политика президента.

Доул с пеной у рта доказывает, что внешняя политика Клинтона «непрофессиональна», что он действует по принципу «сиюминутных решений» и «отдельных наскоков». Он обвинял президента в «стратегической непоследовательности», которая грозит погубить единственную оставшуюся на земном шаре сверхдержаву. Не так давно он заявил: «Наша безопасность в будущем зиждется на лидерстве Америки, на лидерстве, которое уважают, которому доверяют и которого, в случае необходимости, боятся».

Республиканец из Канзаса обещал обеспечить постоянное, надежное лидерство, лидерство в полном смысле этого слова. Но в то же

время он вовсе не предлагал смены курса. Позиции Клинтона и Доула по большинству внешнеполитических вопросов — от политики в Китае до расширения НАТО и российско-американских отношений — ничем принципиально не различаются.

Примерно за две недели до выборов они все же разошлись во мнениях по внешнеполитическому поводу. Хотя, несмотря на возражения России, оба признают целесообразным вступление некоторых стран Центральной Европы в НАТО, Доул обвинил Клинтона в медлительности. Он призывает открыть дорогу в НАТО для Польши, Венгрии и Чехии уже в 1998 году, в то время как Клинтон считает возможным расширить союз только в 1999.

Доул также подверг критике «неоправданный романтизм» президента в его отношении к Борису Ельцину. По мнению претендента, политика США оказалась слишком тесно связанной с судьбой занемогшего российского лидера. Он напомнил, что российские ядерные ракеты все еще представляют собой угрозу безопасности США, и не пожалел резких слов в адрес русских национал-патриотов.

И все же декларируемые Доулом разногласия с Клинтоном по внешнеполитическим вопросам в большинстве случаев не слишком существенны. За долгие месяцы президентской кампании фактически кандидат от Республиканской партии так и не смог представить избирателям яркой и внятной концепции своей политической доктрины. То, что можно собрать по крупицам из его речей и из бесед с советниками, позволяет нарисовать образ Доула-президента — скромный управленец, не строящий особо честолюбивых планов, способный на осторожные шаги, но отнюдь не на великие свершения.

Стратег республиканцев Уильям Кристол видит Доула президентом «с односторонней связью», который решает проблемы по мере их возникновения. «Трудно представить, что может заставить его пойти на риск, — говорил Кристол, который служил главой аппарата бывшего вице-президента Дэна Куэйла. — Его команда сильно напоминала бы администрацию Буша».

«Рождение» Клинтона как удачливого дипломата выглядит почти чудом. Даже соратники критикуют его за склонность к действиям «по обстоятельствам», но президент неожиданно проявил такую смелость во внешней политике, которую он редко высказывает даже в решении сугубо внутренних проблем.

Еще три года назад Белый дом, действуя под руководством Клинтона на международной арене, спотыкался на каждом шагу. Восемнадцать американских солдат погибли в ходе плохо подготовленной операции в Сомали, которая была предпринята с целью захватить военного диктатора Мохамеда Фараха Айдида. На Гаити военный корабль США, обнаружив на берегу небольшую банду головорезов, предпочел не связываться с ними и повернуть к родным берегам. А в далекую Боснию Белый дом вообще не совался и лишь молча наблюдал, как гибнут десятки тысяч ни в чем не повинных людей.

В мае 1993 года Клинтон направил государственного секретаря Уоррена Кристофера в Европу для согласования более активной политики в Боснии, но европейцам не понравилась нерешительность Кристофера, и они не пошли на сотрудничество. И если раньше Клинтон обвинял Буша в том, что тот заигрывает с авторитарным режимом в Китае, то теперь он стал первым американским президентом, который попытался увязать торговые отношения с Пекином с вопросом о правах человека. А затем президент изменил курс.

И составил себе репутацию, активно действуя в трех направлениях: Гаити, финансовый кризис в Мексике и Босния. Американский лидер действовал на свой страх и риск, не слишком рассчитывая нажить на этом политический капитал внутри страны. По каждому из этих трех направлений ему пришлось преодолевать яростное сопротивление оппозиции, но парадоксальным образом, принимая непопулярные решения, он начал завоевывать себе популярность.

В 1994 году он силой американского оружия сместил возглавившего государственный переворот на Гаити генерала Рауля Седраса и вернул к власти законно избранного президента Жана-Бертрана Аристида. Мир на Гаити непрочен, но в феврале в этой стране впервые за 200 лет ее существования произошла мирная передача власти.

Когда пару лет тому назад забуксовала мексиканская экономика и песо наполовину обесценился, Клинтон пренебрег сопротивлением оппозиции в Конгрессе и санкционировал выделение Мексике 20-миллиардного займа. Мексика, взявшая всего 12,5 млрд. долларов, быстро принесла Клинтону политические дивиденды и посрамила его оппонентов, поскольку выплачивает долг даже с опережением графика.

И в Боснии именно Клинтон после трех лет почти полного бездействия и неуверенного лавирования инициировал наконец активные действия НАТО против боснийских сербов и содействовал подписанию Дейтонских мирных соглашений, положивших конец братоубийственной войне. Он лично положил начало беспрецедентному сотрудничеству России и военных сил НАТО в осуществлении миротворческой миссии в этом регионе.

«Итак, Америке по-прежнему нет замены на международной арене, — уверенно заявил Клинтон в своем выступлении в университете Джорджа Вашингтона в августе нынешнего года. — Бывают ситуации, когда от Америки, и только от Америки, зависит, быть ли миру или войне, только она решает, быть ли свободе или угнетению, надежде или страху».

«Конечно, мы не можем взвалить на свои плечи все беды мира, — продолжал он далее. — Мы не можем становиться и мировым жандармом. Но когда того требуют наши собственные интересы и ценности, и там, где от нас действительно многое зависит, Америка должна действовать, она должна быть впереди».

Действительно ли все так хорошо в политике Клинтона? Критики упрекают его в некоторой размытости политической линии, непредсказуемости поступков, нежелании заглядывать подальше в будущее. Один из политических стратегов Государственного департамента в администрации Буша, советник Доула Роберт Зеллик обвиняет Клинтона в том, что он уделяет внимание проблемам международной политики «лишь от случая к случаю». Некоторые решения Белого дома он сравнивает с пришитыми наспех заплатками, которые впоследствии легко отрываются.

«Клинтона любят, но не уважают, — считает Зеллик. — Меня беспокоит то, что он неспособен к кропотливой подготовительной работе, а это чревато возникновением кризисов, которых можно было бы и избежать». ■

Питер Слевин, вашингтонский корреспондент группы «Knight-Ridder Newspapers», выпускающей «Майами геральд», «Филадельфия инкуайрер» и 30 других газет, — специально для «Итогов».

КЛИНТОН УВЕРЕННО СМОТРИТ В БУДУЩЕЕ: «АМЕРИКА ДОЛЖНА ДЕЙСТВОВАТЬ, МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВПЕРЕДИ!»

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Моральный облик

Волна скандальных разоблачений, касающихся интимной жизни Клинтона, не повлияла на его популярность

Дэвид Ремник

ЧУЖОЙ ОПЫТ

«Если толстая женщина не допела, значит, еще не конец», — в Америке это обычно говорят про вагнеровские оперы, но бывает, что и про спортивные матчи или какие-нибудь выборы. На этот раз последние отзвуки заключительной арии стихли еще летом. Боб Доул практически «сдался» Биллу Клинтону еще до завершения кампании. Честность Доула, его грубоватое чувство юмора, может, и принесли ему кой-какие очки, но его главные недостатки высветились со всей очевидностью: он стар, не слишком ловок в предвыборной борьбе, к тому же ему нечего сказать. Если разрыв между ним и Клинтоном окажется меньше пятнадцати пунктов, пожалуй, он может объявить, что добился победы, и тихо удалиться на покой, прежде чем будут произнесены слова о «грандиозном провале».

Если Билла Клинтона не поразит молния, 5 ноября он выйдет победителем и станет первым с 1936 года — после Франклина Делано Рузвельта — президентом-демократом, переизбранным на второй срок. Празднование победы, несомненно, будет долгим и пышным — после того как на выборах в Конгресс в 1994-м демократы потерпели поражение ничуть не меньшее, чем поражение «Нашего дома» на парламентских выборах 1995 года в России, у них были все основания опасаться, что 1996 год не принесет им удачи. Однако, вступая во второй срок, Клинтон твердо знает, что в XX веке вторые сроки, как правило, оказываются несчастливее первых. На Ричарда Никсона несчастье обрушилось в виде уотергейтского скандала, который стоил ему президентства. Во время второго срока Рональда Рейгана разразился скандал «Ирангейт-контрас», который по существу был куда более серьезным нарушением закона, чем мелкое жульничество «Уотергейта».

Клинтону предстоит произвести существенное обновление кабинета министров и назначить нового государственного секретаря (изнуренный вид Уоррена Кристофера полностью соответствует его состоянию), нового министра обороны, нового директора ЦРУ (возможно, его возглавит женщина — Джейми Горелик). Он, по-видимому, займется не слишком радикальным преобразованием системы здравоохранения, продолжит реформу социального обеспечения, что же до внешней политики — Клинтону остается только молить Бога, чтобы он ниспослал удачу российским кардиохирургам, которые на сегодня являются его главными зарубежными союзниками.

Но кроме того, из первого срока во второй вместе с ним перекочует и проблема под названием «моральный облик Клинтона». Американцам нравится клинтоновский политический центризм, они не станут голосовать против действующего президента, когда в стране сложилась вполне благополучная экономическая ситуация, но при этом по-человечески они относятся к нему с некоторым подозрением. Они готовы доверить ему ядерную кнопку, но едва ли дадут ему ключи от своей машины.

Одна из причин заключена в непостоянстве самого Клинтона: он легко меняет точки зрения, за ним тянется целый хвост супружеских измен (а ведь Соединенные Штаты — это не Франция, у истоков американского государства стояли пуритане), он норовит уходить от прямых ответов на поставленные вопросы. Однако правда и то, что ни одного президента не подвергали столь полному разоблачению (в самом прямом смысле слова), никого не выставляли на всеобщее обозрение буквально в чем мать родила. Это просто непостижимо, что именно мы знаем — или думаем, что знаем, — об интимной жизни Клинтона. Из воспоминаний его бывшей любовницы Дженнифер Флауэрз мы можем даже составить себе представление о размерах и форме «Верховного Члена американской иерархии». Полагаю, что это совершенно беспрецедентно.

Единственная аналогия, которая приходит на ум в этой связи, — это Джон Кеннеди. О его романтических эскападах и любовном сумасбродстве написаны тома. Однако за редким исключением вся эта бульварная литература, все эти желтые газетенки, взялись за Кеннеди спустя много лет после его смерти. Нынешний рынок не желает ждать, и запретов для него не существует. Жадность, с которой американцы поглощают порнографические писания о жизни Клинтона, может сравниться разве что с их неутолимым интересом к историям об излечившихся наркоманах, к рецептам похудания и О. Джей Симпсону. Клинтониана буквально заполонила витрины даже самых скромных книжных магазинов.

Среди моря подобной литературы есть одна книга, которая перещеголяла все остальные по объему продаж и бульварной боевитости. Это воспоминания бывшего агента ФБР Гэри Олдрича, до недавнего времени сотрудника службы безопасности Белого дома, озаглавленные «Допуск без ограничений». Олдрич был одним из двух агентов ФБР, которые осуществляли проверку благонадежности сотрудников аппарата Белого дома сначала при Буше, а затем при Клинтоне. Олдричу больше нравился Буш. Выступая от лица ФБР, службы охраны и обслуживающего персонала, Олд-

ПРИСТРАСТИЕ БИЛЛА КЛИНТОНА К ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ ДЕЛАЕТ ЕГО УДОБНОЙ МИШЕНЬЮ ДЛЯ НАПАДОК ОППОНЕНТОВ (СЛЕВА)

ИДИЛЛИЧЕСКАЯ СЦЕНА – **КЛИНТОН С СУПРУГОЙ САЖАЮТ ДЕРЕВО В САДУ БЕЛОГО ДОМА** – ПРИЗВАНА УЛУЧШИТЬ МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПРЕЗИДЕНТА В ГЛАЗАХ ИЗБИРАТЕЛЯ (В ЦЕНТРЕ)

рич заявляет, что «изменения в культуре поведения аппарата Белого дома разительны и порой весьма прискорбны». Клинтон привел с собой возмутительную команду: банду наглых сопляков, постоянно являющихся на работу «под кайфом» и к тому же относящихся к людям вроде Олдрича без всякого уважения. В книге приведены малоинтересные и вовсе не интересные сплетни и пересуды о клинтоновском окружении, образчиком которых может служить предлагаемый ниже диалог Денниса и Вуди, постоянных сотрудников Белого дома:

«Послушай, мои ребята должны заниматься своими делами в этом здании, а как же им быть, если клинтоновские люди вечно им мешают? Я вчера вечером отправил было двух своих ребят вниз, на первый этаж, сделать кое-какую работу. Хочешь знать, почему они не смогли ее выполнить? – Вуди просто трясло от ярости. – Они не смогли выполнить то, что им было велено, потому что когда они открыли запертый кабинет, то обнаружили там двух сотрудников Клинтона, которые занимались этим самым прямо на столе! Вот почему!»

«Ну ладно, Вуди, успокойся. Давай посмотрим на вещи реально. Да, Вуди, я знаю, что это Белый дом, но секс здесь был всегда, и он никуда не денется, даже когда нас с тобой здесь уже не будет. Мне это не нравится так же, как и тебе, все это отвратительно, но это не дело ФБР, если, конечно, речь не идет об адюльтере, так что...»

«Деннис, ты не понял. Там, в кабинете, были два мужика!»

Дальше – больше. Олдрич знакомит нас с уборщицей Мельбой, человеком кристальной честности и ангельского терпения. Она словно сошла со страниц романа Диккенса. Раньше она «неизменно пребывала в хорошем настроении», но в последнее время ходит «грустная и подавленная». Всему виной – дурные манеры клинтоновской оравы. Олдрич, считающий заботу о душевном состоянии сотрудников своей прямой обязанностью, спрашивают Мельбу, что случилось.

Мельба ненадолго задумалась, на лице ее промелькнуло тревожное выражение. Она заговорила быстро и сбивчиво: «Мистер Олдрич, сэр, не хочу говорить плохое, но эти новые люди, они просто ужасные. Каждый день грязь за ними вывозишь из ихних кабинетов, а на следующий день приходишь – и как будто там и не убирал никто. Такой неаккуратный народ, мистер Олдрич! Неопрятные, самые настоящие неряхи, сэр! Бросают мусор прямо на пол или стаканчик с кофе швырнут мимо мусорной корзины, так что всю стену кофе обольют. Сами-то небось не убирают за собой. У президента Буша люди гораздо опрятнее были и к нам лучше относились. Я вам святую правду говорю, сэр. Вы ведь знаете, мистер Олдрич, президент Буш велел весь мусор сортировать, чтобы потом отправлять в переработку – ну чтобы металлические банки из-под кока-колы отдельно, а пластиковые стаканчики отдельно, и бумагу, и чтобы для всего был свой контейнер с надписью...»

И так до бесконечности. С полной серьезностью Олдрич уведомляет читателя, что в конце концов Мельба не выдержала и уволилась. «Она не хотела уходить, – пишет он, – но оставаться было выше ее сил. Она просто не могла видеть, как Белый дом подвергается разложению».

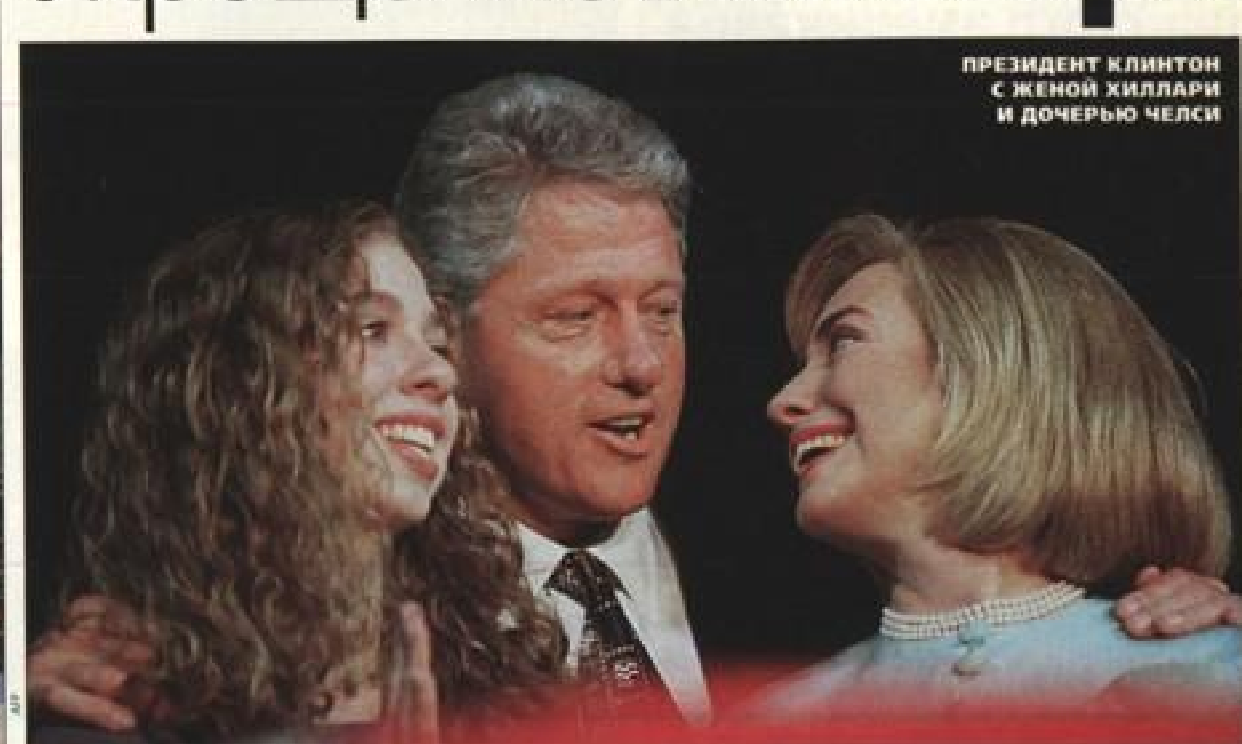
И не важно, что все эти истории, наверное, сильно приукрашены, а то и вовсе чистый вымысел. Так или иначе, появляясь в радио- и телепередачах, подобные россказни становятся предметом повседневных разговоров. Поражает то, сколь незначительно это отразилось на ходе кампании. Раззадоренные сообщениями о похождениях президента, американцы увлеченно подглядывают за ним в замочную скважину, однако когда дело доходит до публичной политики, тут все преисполняются невероятной серьезности. Достаточно вспомнить второй раунд дебатов между Клинтоном и Доулом и то, как вели себя телезрители, звонившие, чтобы задать вопрос. Ни одному даже в голову не пришло спросить о чем-нибудь этаком. Американцы знают: у кого большие амбиции, у того часто и пороки не маленькие, у иных они разрастаются до гротескных размеров.

Однако теперь после бесконечных, подробнейших разоблачений этих пороков американцы поняли и другое: личные недостатки не обязательно отражаются на способности президента осуществлять свои профессиональные обязанности. Историки сообщают, что Авраам Линкольн выбрасывал банки и бутылки, совершенно не задумываясь об их вторичном использовании. И государству это особенно не повредило.

Судя по всему, пока экономика в порядке, американцы готовы простить Клинтону практически все что угодно. А вот если дела пойдут хуже, тогда пусть пощады не ждет. ■

Дэвид Ремник, *обозреватель журнала «Нью-Йоркер» – специально для «Итогов»*

Укрощение **Хиллари**

ПРЕЗИДЕНТ КЛИНТОН С ЖЕНОЙ ХИЛЛАРИ И ДОЧЕРЬЮ ЧЕЛСИ

Даже смена имиджа не снискала ей любви американцев

Элизабет Шогрен

МЕТАМОРФОЗЫ

ЧЕТЫРЕ ГОДА ТОМУ НАЗАД ХИЛЛАРИ РОДЭМ Клинтон буквально ворвалась в Белый дом, твердо намереваясь сломать стереотип первой леди Америки. Процветающий юрист, выпускница одной из лучших юридических школ страны – Йельского университета, Хиллари, похоже, решила на правах первой леди поучаствовать в управлении страной. И, судя по всему, муж поддерживал ее намерение. Решение президента поставить Хиллари во главе специальной комиссии по реформе национальной системы здравоохранения можно по праву назвать беспрецедентным. Ведь Клинтон рассчитывал, что эта реформа станет краеугольным камнем его президентства.

Уверенно и с достоинством Хиллари вступила в ратоборство с самыми неуязвимыми из законодателей, лоббирующими интересы крупнейших фармацевтических компаний. Вскоре, благодаря средствам массовой информации, немало потрудившимся над образом Хиллари «в полной боевой выкладке», ее политическая активность стала притчей во языцех, и первое семейство получило прозвище Биллари.

Однако амбициозные надежды Хиллари рухнули в одночасье, когда Конгресс два года тому назад отверг проект реформы здравоохранения. Пришлось первой леди менять имидж и переписывать свою роль.

Хиллари образца 1996 года мягче и доброжелательнее. В ее туалетах ныне преобладают пастельные тона, прически стали женственнее. И на родине, и в заграничных поездках она все чаще появляется вместе со своей дочерью Челси.

На первый взгляд новая Хиллари Клинтон в значительной степени соответствует традиционному образу первой леди. Она взяла на себя роль посла доброй воли, изучая положение женщин и детей в азиатских странах или посещая американские войска в Боснии. Сегодня Хиллари проводит больше времени в обсуждении кулинарных рецептов, например, ее коронного блюда – овсяного печенья с шоколадной крошкой, – чем на борьбу с Конгрессом.

Хиллари уже не в первый раз приходится перестраиваться в угоду политической карьере мужа. В 1980 году Билл Клинтон, в то время губернатор южного штата Арканзас, не был переизбран на второй срок. Манеры северянки Хиллари и ее несколько небрежный внешний вид явно оскорбляли южные вкусы избирателей ее мужа. Пришлось поработать над своим имиджем. Хиллари постриглась, покрасила волосы, сменила очки с большими стеклами на контактные линзы, стала активнее пользоваться косметикой и модно одеваться. И еще она взяла себе фамилию Клинтон. (Подобно многим работающим женщинам ее круга, Хиллари, уже будучи замужем, долгое время продолжала носить свою девичью фамилию.) Два года спустя с иголочки одетая блондинка во многом помогла своему мужу снова занять губернаторское кресло.

Ту же самую «работу над ошибками» Хиллари пришлось проделать вновь, теперь уже находясь в Белом доме.

Но несмотря на все усилия, Хиллари так и не удалось завоевать сердца американцев. Ею восхищаются многие работающие женщины и часть прогрессивно мыслящих мужчин, но рейтинги ее популярности угрожающе низки. Этим летом 53% американцев в ходе общенационального опроса ответили, что «положительно» относятся к Хиллари, а 43% – что «отрицательно». И это лишь немногим лучше результатов зимнего рейтинга 1996 года, когда к ней «отрицательно» относились 54% опрошенных. Тогда она стала первой женой президента страны, получившей повестку в суд, где ей пришлось давать показания по делу о финансовых махинациях, известных под названием «Уайтуотер». На супругу президента обрушились потоки злословия, первую леди пытались представить в образе коварной ведьмы. «Ей хотят придать демонические черты этакого зловещего серого кардинала в юбке, который вертит президентом, как хочет», – считает историк из университета штата Техас Льюис Л. Гуд, работающий сейчас над книгой о Хиллари Клинтон.

Весной нынешнего года был проведен общенациональный опрос, в ходе которого предлагалось охарактеризовать «первую леди» одним словом. Чаще других были использованы слова «умная» и «толковая», однако на третьем месте оказалось слово «сука». Многие также выбрали слова «командирша», «властная».

Хотя Билл Клинтон в национальном рейтинге уверенно обгонял претендента Боба Доула, соперница Хиллари, Элизабет Доул, столь же уверенно обгоняла супругу нынешнего президента. В августе журнал «Ньюсуик» провел опрос, в ходе которого избирателей спрашивали, кто лучше подходит на роль первой леди. 42% назвали миссис Доул и только 28% – миссис Клинтон. На митингах в поддержку Доула имя Хиллари широко использовалось ораторами и толпой: «Переизберите Его, и вы получите Ее!»

В конечном итоге не сложившиеся отношения народа и Хиллари свидетельствуют о неготовности общества осознать новый статус женщины. «Миссис Клинтон никогда не делала тайны из того, что она не глупее, а то и умнее любого мужчины, кроме ее собственного мужа, – продолжает эту мысль Гоулд из университета штата Техас. – Возможно, она и права, но с политической точки зрения было ошибкой это демонстрировать. Мы все еще живем в обществе, в котором доминируют мужчины, а на сильную женщину по-прежнему смотрят с недоверием». ■

Элизабет Шогрен, корреспондент газеты «Лос-Анджелес таймс» в Вашингтоне – специально для «Итогов»

Предвыборные муки простого американца

Кит Костин

В ЧАЯНИИ ИДЕАЛА

В прошлый раз я проголосовал за Клинтона. В этот раз что-то не хочется. За четыре года политическая философия президента окончательно стала загадкой. Личная причастность Клинтона к многочисленным скандалам сексуального и финансового свойства пока что не доказана, но как-то неприятно, что президент все время попадает в истории. Зато модными словесами страна затоплена: тут тебе и мост в XXI век, и информационная супермагистраль, еще четыре, мир во всем мире... В общем, в этот раз Билл как-то не вдохновляет.

Не вдохновляет, к сожалению, и Боб Доул. На публике, видимо, чувствует себя неуютно, отчего его речи звучат скорее сердито, чем иронично. Предложенное Доулом 15-процентное сокращение подоходного налога сильно попахивает предвыборной раздачей слонов, а также рейганомикой, которая действительно привела к экономическому буму, но ценой невиданного роста бюджетного дефицита.

Есть еще Росс Перо. Капризуля. В прошлый раз сначала баллотировался в президенты, потом передумал, а потом опять передумал и все-таки баллотировался. А зачем? Все американские президенты были сначала губернаторами, сенаторами, конгрессменами или по крайней мере крупными военачальниками. Но даже из генералов особо примечательных президентов не получилось, за исключением Вашингтона. А Перо руководит корпорацией. Что бы ни утверждали популярные издания, для большого бизнеса и большой политики требуются разные качества. Демократ Гарри Трумэн, которого даже Рейган считал выдающимся президентом, не добился успеха даже в мелком бизнесе. Напротив, крупнейший биржевик Дон Риган был вполне компетентным министром финансов при Рейгане, зато в сугубо политической роли начальника канцелярии Белого дома оказался несостоятельным. Нет уж, хоть профессиональных политиков все и ругают, но профессионализм в политике требуется.

Для особо привередливых есть партии и помельче. Есть коммунисты, есть зеленые, есть партия налогоплательщиков. Последняя в основном ратует за то, чтобы государственные медицинские страховки не оплачивали аборты. Пускай за них религиозные фанатики и голосуют. Есть еще партия Природного Закона во главе с доктором наук, обещающим преобразовать государство и общество в соответствии с последними данными естествознания и натурфилософии. Где это мы уже слышали? Моя любимая партия — либертарианская, или партия свободы. Либертарианцы стоят за невмешательство государства как в экономику, так и в личные дела граждан. Иначе говоря, при них можно будет и курить, и аборты делать, и налогов платить поменьше. Но американская политическая мудрость гласит, что каждый сознательный избиратель должен голосовать так, как будто выбор зависит от него одного. Мелкие партии годятся для выражения протеста, но реальный выбор все-таки между Биллом и Бобом...

Что же до предсказаний об исходе выборов, то тут все было ясно задолго до конца кампании. Во время официального визита Клинтона в Оттаву премьер-министр Канады Жан Кретьен заметил, что все послевоенные президенты, которые посетили Канаду, избирались на второй срок, тогда как те, кто Канаду проигнорировал (Картер, Буш), вынуждены были довольствоваться одним сроком. А чикагский журналист Майкл Ройко давно уже утверждал, что в век телевидения обычно побеждает кандидат с самыми пушистыми волосами. По этой части у Клинтона соперников нет.

Что случилось с Доулом?

Мечта сенатора-республиканца, которую он лелеял 46 лет, истаяла, как мираж

Говард Файнмэн, Грегори Билз

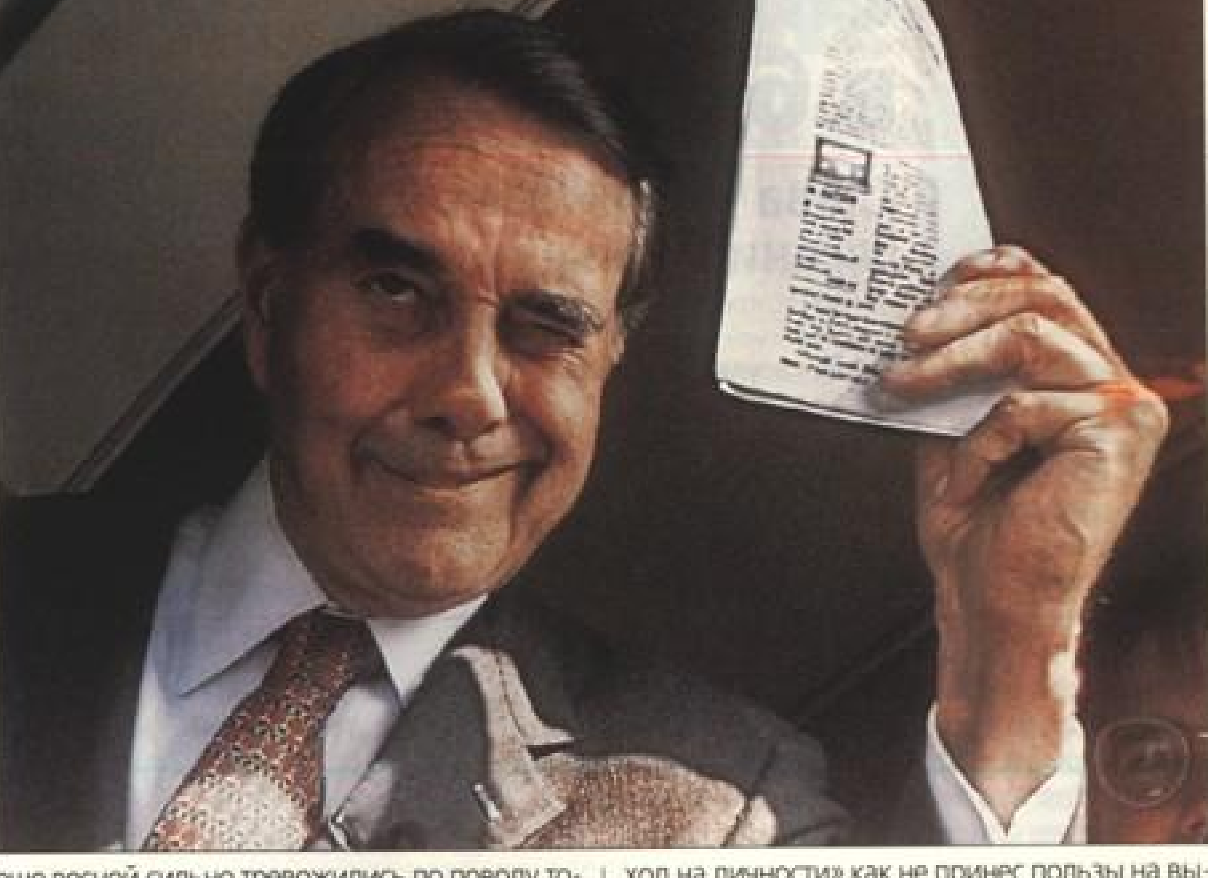
(Newsweek)

РАЗГРОМ

Может быть, все дело в шумных, многочисленных толпах людей, приходящих в бешенство от одной мысли о том, что Билл Клинтон может быть переизбран на второй срок. А может, в том, с какой балетной грацией президент увертывался от скандалов, которые в доброе старое время подкосили бы и менее запятнанного человека. А может, свою роль сыграла мифическая любовная история Доула четвертьвековой давности, вытащенная на свет божий некоей газетенкой. Да и просто он устал, и рейтинг не растет, и, наверное, не надо было вообще ездить в Техас, а теперь мечта, лелеемая на протяжении 46 лет политической деятельности, тает, как мираж.

Так или иначе, в Техасе Боб Доул потерпел поражение. К прежним поводам для брюзжания прибавились новые. Винить в его неудаче следует, как выяснилось, либеральную прессу. «Страна принадлежит народу, а не «Нью-Йорк таймс», — громогласно заявил он в Далласе. Демократы тоже провинились — спешно наделяют избирательными правами эмигрантов с криминальным прошлым. «Они хотят успеть ко дню выборов», — сказал Доул. Ну а общество виновато, потому что безучастно взирает на то, как окружение Клинтона раз за разом нарушает этические и юридические нормы. «Где ваш праведный гнев? — исступленно вопрошал претендент в Хьюстоне. — Почему Америка не возмущается?»

В стане республиканцев, однако, возмущения хватает с избытком. Но возмущаются главным образом тем, как Доул провел свою кампанию. В особенности тем, что провалилась попытка уговорить Росса Перо сойти с дистанции. Один из членов штаба Доула Скотт Рис незадолго до окончания кампании тайно летал в Даллас на встречу с Перо. Однако, по сведениям «Ньюсуика», в самый разгар задушевной беседы о неэтичном поведении Клинтона кто-то из помощников показал Перо свежее сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс: из штаба Доула произошла утечка информации, и свидание стало достоянием гласности. Перо гордо направился к выходу, посчитав, что все это было хитрой интригой доуловского штаба и что на самом деле никто не собирался ни о чем с ним договариваться, а чуть позднее во всеуслышание объявил, что «встреча была абсолютно несущественна». Для Доула этот эпизод был довольно унизителен.

И вот покуда он вовсю клеймит прессу и избирателей, а функционеры Республиканской партии — организаторов предвыборной кампании, члены ближайшего окружения Доула уже начали сваливать вину друг на друга. Схватка с Клинтоном никогда не сулила легкой победы — а Доул все только испортил. С самого начала он перескакивал с одной темы на другую. Он слушал советы многих — слишком многих, как уверяют члены его штаба, — и тут же этими советами пренебрегал. «Ньюсуику» стало известно, что после первых теледебатов на своего давнего союзника ополчился сенатор Эл Д'Амато: «Никто не понимает, в каком направлении разворачивается кампания», — сказал он. «Я получаю полсотни советов в день!» — огрызнулся Доул. «В том-то и беда», — ответил сенатор.

Нерешительность приводит к тактическим просчетам. Еще в начале кампании штаб Доула ушел от обсуждения таких тем, как иммиграция и «расовые привилегии», которые для Калифорнии, например, чрезвычайно актуальны. И то, что Доул не сумел разыграть эту карту, привело к его фактическому провалу в Калифорнии — таково мнение его ближайших советников. «За три недели кампанию не выиграешь», — мрачно утверждает один из калифорнийских партийных функционеров.

То же самое относится и к «личным выпадам». Помощники действующего президента еще весной сильно тревожились по поводу того, что Доул, в качестве прелюдии сосредоточив огонь на «неэтичном поведении» Клинтона, задаст этим тон всей кампании. И после того, как всплыла история с архивами ФБР, у него появились для этого веские основания. «Да уж, тогда мы были в весьма уязвимом положении, — говорит один из сотрудников Белого дома. — Воспользуйся они этим в тот момент, счет был бы не в нашу пользу». Доул, однако, прислушался к мнению тех, кто утверждал, что «переход на личности» как не принес пользы на выборах в 1992 году, так и сейчас не принесет.

А теперь Доул должен помалкивать, слушая, как вновь выскочивший на сцену Перо заполняет передовицы газет пророчествами о том, что «второй срок Клинтона окончится вторым «Уотергейтом». Может быть, гнев Доула в Далласе и объясняется тем, что он чувствовал: все шансы за то, что Америка вскоре сможет проверить на практике, подтвердится ли пророчество техасского миллиардера.

Соло для балалайки в ближневосточном оркестре

Глава российского внешнеполитического ведомства Евгений Примаков совершил турне по странам региона

«Мы хотим своими усилиями дополнить тот оркестр, который уже звучит, и сыграть не самую последнюю роль в урегулировании». Так сформулировал Примаков главную цель своей недельной поездки по странам Ближнего Востока. Будем откровенны, эта поездка не дала исчерпывающего ответа на вопрос, какова будет эта новая роль России. Не исключено, что сенсационные инициативы, на существование которых намекали наши дипломаты в приватных беседах, все же были выдвинуты министром. Но их содержание известно лишь лидерам Сирии, Ливана, Египта, Иордании, Израиля и палестинской автономии, с которыми глава МИД России вел переговоры. Сторонник неброской дипломатии, Примаков заявил, что не собирается пока озвучивать свои предложения на пресс-конференциях. Здесь он верен себе.

Нельзя не признать: Евгений Примаков полетел в нужное место и в нужное время. Недаром именно сейчас лидеры мировой дипломатии в общем порыве, как крестоносцы средневековья, направляют свои стопы к библейским землям. Только интересует их не Гроб Господен, а нечто более хрупкое. А именно: наитруднейший процесс примирения евреев и арабов, начавшийся в Кэмп-Дэвиде, продолжившийся в Мадриде и приведший к сенсационным соглашениям между израильским правительством и палестинцами.

Но теперь он поворачивает вспять. Мир, еще несколько месяцев назад казавшийся реальным, израильский премьер Нетаньяху превратил в мираж. Дело тут даже не в нарастающем конфликте вокруг прав палестинской автономии, не в пресловутом тоннеле под Храмовой горой. Да и спор относительно присутствия войск в Хевроне – не более чем эпизод. Нетаньяху откровенно подвергает ревизии базовый принцип ближневосточного урегулирования «мир в обмен на землю».

Это вновь вводит в оборот не дипломатическую, а военную логику в отношениях Израиля с другими странами региона. Этой же логикой устрашения руководствуется Дамаск, передислоцируя свои войска в Ливане, что в Израиле воспринимается как подготовка к агрессии. А ведь еще недавно шел серьезный разговор о возможности вывода израильских войск с Голанских высот.

Расползание конфронтации по всем азимутам, похоже, не устраивает никого, кроме самого Нетаньяху. При этом он отнюдь не склонен руководствоваться советами даже Вашингтона, который очень заинтересован в том, чтобы спасти мир. Самое забавное (если в такой ситуации можно использовать это слово) в том, что здесь не срабатывает правило «кто платит, тот и заказывает музыку». Специальному координатору из США Деннису Россу не удается даже выполнить поставленную Клинтоном задачу и организовать встречу Нетаньяху с Ясиром Арафатом.

В такой ситуации на сцену вышел Евгений Примаков. Вышел, чтобы заявить: мир на Ближнем Востоке – слишком серьезное дело, к нему шли слишком долгим путем, чтобы позволить новому правительству любого государства пересматривать ранее заключенные соглашения. И, похоже, Россия, чье участие в ближневосточном урегулировании еще недавно было лишь номинальным, намерена отныне активно отстаивать эти свои подходы.

Примаков слишком опытен, чтобы сейчас напоминать американцам, как Вашингтон еще этой весной, когда разразился кризис на израильско-ливанской границе, буквально выталкивал Москву из переговорного процесса. Под давлением США Россия не была даже включена в мониторинговый комитет по ливано-израильскому прекращению огня.

Не поминая старых обид, Примаков в ходе поездки подчеркивал, что Россия отнюдь не собирается выступать конкурентом американцам. Если продолжить его музыкальную метафору, то можно сказать: русская балалайка должна звучать в унисон с американским банджо. В то же время российский министр многозначительно заявил, что главное в процессе урегулирования – преемственность. Причем, насколько можно понять, имел он в виду не только то, что Нетаньяху следует выполнять обязательства, данные его предшественником.

Теперь Москва имеет все основания подкрепить вполне реальными действиями свое стремление к более активной роли на Ближнем Востоке. Ведь изначально участие Москвы в урегулировании имело смысл потому, что Россия находилась в прямом контакте с теми на Ближнем Востоке, кто ни прежде, ни теперь не испытывал большого доверия к США. Взять хотя бы наши весьма тесные отношения с сирийским лидером Асадом, с президентом палестинской автономии Арафатом. Ныне, в момент кризиса, эти люди нуждаются в партнерах, которым бы они доверяли. Россия же, которая вполне подходит на эту роль, могла бы удержать их от необдуманной реакции на конфронтационные действия Израиля. В этом, возможно, и состоит российская партия в оркестре ближневосточного урегулирования.

Но вот нужно ли России тратить силы на исполнение этой непростой партии? Дипломаты полагают, что сейчас Москва не должна уходить ни из какого переговорного процесса. Смысл здесь не в том даже, что возобновляемые доверительные связи будут не лишними в обеспечении наших экономических интересов. Проявляя активность в урегулировании, крупные державы преследуют цели более широкие, чем просто обеспечение мира. Не секрет, что бурные события последних лет нарушили существовавшее несколько десятилетий распределение ролей в мире. Участникам «глобального» оркестра необходимо понять, какой вес в мире у них, а какой у партнеров. Сделать это можно только в условиях конфликта, когда происходит столкновение подходов и интересов. Это происходит и в бывшей Югославии, и на Ближнем Востоке.

Показательно, что европейские государства используют урегулирование таких кризисов для демонстрации своего несогласия с претензией Соединенных Штатов на мировое лидерство. Ведь практически по любому вопросу эти страны стремятся выработать отличную от американской политику. Свидетельством чему – сенсационный визит в Израиль французского президента, который не скрывал своих симпатий к палестинцам. Только что Европейский Союз гораздо жестче, чем США, заявил о поддержке требования Арафата соблюдать ранее достигнутые договоренности.

С этой точки зрения России жизненно необходимо стать активным участником урегулирования. Стать именно теперь, когда она пытается справиться с серьезным внутренним кризисом, грозящим вытолкнуть нас на обочину мировой политики, Москве надо продемонстрировать, что есть сферы, где только она может действовать эффективно в интересах всех. Вот почему лейтмотивом лекции, прочитанной российским министром в каирском Центре политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», стала идея многополярного мира. Мира, в котором Россия наверняка будет одним из полюсов. Похоже, в том, чтобы подкрепить эту идею практическими доказательствами, и заключалась сверхзадача поездки Примакова. Удалось ли ее выполнить? По крайней мере не только ряд арабских лидеров, но и государственный департамент США выразили удовлетворение возросшей активностью Москвы...

Болгария после Желева

Накануне седьмой годовщины смещения Тодора Живкова страна получает нового президента

Андрей Апостолов

СМОТРИТЕ, КТО УШЕЛ

После свержения Живкова писатель и философ Желю Желев оказался той политической фигурой, с которой большая часть общества связала надежды на демократическое возрождение страны. 22 января будущего года первый посткоммунистический глава государства вернется из президентской резиденции в свою прежнюю двухкомнатную квартиру в панельном доме. Но уже сейчас Болгария подводит неутешительные итоги его шестилетнего правления.

Болгария, которая в конце 80-х рассматривалась как наиболее советизированное государство Восточной Европы, так и не сумела перепрыгнуть из живковской перестройки в демократию и встать в один ряд с такими посткоммунистическими государствами, как Чехия, Польша, Венгрия. При этом она не просто отстала от реформ, которые коренным образом изменили облик этих стран, но и оказалась в числе наиболее неблагополучных для инвесторов государств из-за кризиса в экономике и криминализации общества.

Бывший диссидент Желю Желев до конца своего мандата был довольно противоречивой фигурой, пытавшейся балансировать между двумя политическими лагерями – коммунистическим и антикоммунистическим. Впрочем, с самого начала его полномочия были жестко ограничены новой демократической конституцией, на принятии которой сам Желев и настаивал (в соответствии с ней он не получал реальные рычаги управления страной). Болгария стала парламентской республикой, в которой правительство утверждает партия большинства, а президент имеет лишь представительские функции.

Существует версия, что в голодном 1990 году Желев был избран президентом благодаря усилиям бывшего премьера, лидера социалистов Андрея Луканова. В эпоху «бархатных революций» в Восточной Европе руководству Болгарской социалистической партии было очень важно привести к власти человека, который мог бы убедить мир, что и в Болгарии возможны перемены, что страна может освободиться от коммунизма и от влияния Москвы, что она – с той Европой, где благосклонно смотрят на людей с ореолом диссидентов, таких как Вацлав Гавел, Арпад Гёнц и Лех Валенса. Увы, сыграть роль болгарского Гавела у Желева не получилось.

По всей видимости, это произошло потому, что в отличие от других восточноевропейских стран он пришел к власти не на волне

«бархатной революции снизу», охватившей все общество, а в результате революции сверху, санкционированной руководством БСП. Желев не желал, чтобы в роковые для Болгарии годы его роль ограничивалась номинальным лидерством, и поэтому он стремился выйти за рамки своих полномочий, заявляя, что в странах, находящихся в переходном периоде от тоталитаризма к демократии, президентская модель правления наиболее удачна.

Однако ему так и не удалось расширить сферу своих полномочий, Желев конфликтовал со всеми семью правительствами, последовательно управлявшими страной после падения коммунизма. В 1992 году, когда вся власть была в руках «синих» (так в Болгарии называют демократов), правительство, в котором было немало его единомышленников, попыталось получить больше власти для ускорения реформ. Верный своим демократическим убеждениям, президент выступил против чрезмерной концентрации власти в одних руках, за что Союз демократических сил отказал ему в доверии. На улицах появились обидные для Желева лозунги: все лягушки («Лягушка» – прозвище, которое получил Желев среди избирателей) зеленые, только наша – красная.

Но настоящие сражения начались для Желева тогда, когда бывшие коммунисты, объединившиеся в БСП, выиграли выборы 1994 года и сформировали собственное правительство. Конфликт был неизбежен в связи с тем, что первую скрипку в партии играли уже совсем не те люди, которые способствовали приходу Желева к власти. Во внутрипартийной борьбе в БСП победили бывшие вторые лица, поднявшиеся наверх со скромных должностей в провинциальных парткомах. Для новой номенклатуры Желев был лишь переходным президентом.

Конфликт между президентом и правительством приводил к весьма комичным ситуациям, когда Желев пытался делать вид, что не замечает премьера, а тот притворялся, что забыл о существовании президента. В Москве во время празднования 50-летия Победы они стояли у Мавзолея, но даже не поздоровались друг с другом. В Софии заговорили о «двойной внешней политике». В то время как правительство ориентировалось на Москву, которая вспоминала о Болгарии только в разгар споров с НАТО, политика президента и оппозиции была направлена в сторону НАТО и ЕС.

В августе 1991-го Желев был первым восточноевропейским руководителем, который высказался в поддержку Горбачева и Ельцина. В октябре 1993-го Желев снова продемонстрировал отменную реакцию, раньше других выступив в поддержку Ельцина. Накануне второго раунда президентских выборов в России именно он призвал Запад объединиться, чтобы не допустить Зюганова к власти.

Однако Желев не признавал с Москвой отношений «старший брат – младший брат» и отреагировал очень остро, когда весной Ельцин разразился странным заявлением, что Болгария вместе с Россией и другими странами Содружества могла бы участвовать в новом союзе.

Заранее объявленная политическая смерть Желева наступила, когда его советники убедили его участвовать во внутрипартийных выборах кандидата от демократической оппозиции на пост президента. Желев с треском провалился. Его поражению социалисты аплодировали громче, чем его конкуренты из лагеря «синих».

«Кто, если не ты, когда, если не сейчас?» – любит говорить Желев. Он вошел в историю как очень важная и очень противоречивая фигура переходного периода. Желев был президентом, но оставался диссидентом. Он не делал тайны ни из своих политических воззрений, ни из личной жизни.

Подробный анализ состоявшихся выборов еще впереди, но уже сейчас можно отметить некоторые новые тенденции политической жизни в Болгарии. На политическую сцену выходит новая генерация политиков (прежде всего стоит назвать победителей первого тура «синего» Петра Стоянова, «красного» Ивана Маразова, а также представителя деловых кругов Георгия Ганчева). Кроме того, если Желю Желева действительно избрали большинством населения в надежде на скорые перемены, то победитель нынешней президентской гонки может похвастать установлением лишь одного национального рекорда: столь низкой явки болгарских избирателей на выборы никогда не было. Повседневные проблемы выживания стали важней споров о политике.

София

ВОКРУГ РОССИИ

Две войны за одну веру

Договорятся ли муллы с генералами?

Максим Шевченко

ДЖИХАД

Дорога от перевала Саланг на юг, к Чарикару, в который раз усеяна трупами. Застывшие в тех невероятных позах, которые заставляет принимать человека внезапная смерть, издалека они кажутся кучами старого тряпья, которое выбросили за ненадобностью. Вокруг бродят дети и овцы, валяются патроны от автоматов и крупнокалиберных пулеметов. Дети и овцы — таджикские, трупы остались после неудачного наступления талибов на правительственные части к северу от Кабула.

— Почему вы их не хороните? — допытываюсь я у своих провожатых. — Это же ваши единоверцы — мусульмане, они должны быть преданы земле до захода солнца.

Старый моджахед Хаджи Абдель Саммат, почти двадцать лет не выпускающий из рук автомата, отвечает не сразу. Он ищет слова:

— Талибы хуже шурави. Ваши не убивали мирных людей посреди городов. Они убивают. Пусть этих собак закапывает Красный Крест. Талибы не мусульмане.

С юга и с севера от Саланга на минных полях, тянущихся вдоль обочин стратегического шоссе, по которому наступают недавно изгнанные из Кабула войска Ахмад Шаха Масуда, ржавеют сгоревшие танки. По их обугленным остовам можно восстановить всю историю войны, которая кружит по афганской земле с 1979 года. Местные крестьяне охотно разъясняют любознательным журналистам: вот эти остались после советского наступления на Ахмад Шаха, те — после наступления Наджибуллы, это — танки самого Масуда, подожженные Дустумом полтора года назад, а вот — танки талибов, самые свежие, некоторые еще догорают...

Пожалуй, только местные жители еще в силах разобраться в перипетиях войны, которая когда-то была священной. Став всеобщей еще в годы советской оккупации, она по-прежнему ведется под религиозными знаменами, однако каждая сторона воюет теперь только за свои святыни. Человеческая жизнь давно уже не относится к их числу, однако тот террор, который развязали бойцы «Талибан», в этих местах потряс даже видавших всякое местных жителей.

Этот террор начался после того, как бойцы «Талибан» (преимущественно пуштуны) оттеснили правительственные войска в Панджшерское ущелье и взяли под свой контроль таджикскую провинцию Парван. Ответом стало народное восстание, начавшееся одновременно в городах Джабал-ус-Сарач и Чарикар, как только передовые отряды талибов потерпели поражение южнее Саланга. Я попал в эти места вместе с правительственными частями, когда стены домов еще были вымазаны кровью: талибов убивали здесь, как могли — топорами, мотыгами, голыми руками. Жизнь удалось сохранить только тем, кто попал в плен к Ахмад Шаху Масуду. Этот «воин за веру» знаменит тем, что еще воюет «по правилам».

«Варфоломеевская ночь» после «Варфоломеевского дня»

Пленных талибов я увидел во дворе чарикарской школы. Чудом спасшиеся от смерти, забыв про строгие принципы, которые исповедуют их учителя, они курили, сидя на корточках под надежной охраной масудовских моджахедов. Мертвые тела, пролежавшие на улицах трое суток, и в самом деле подбирал Красный Крест.

Из рассказов возбужденных местных жителей следовало: все, что совершили в Парване талибы и отмобилизованные ими на войну за веру, не имело ничего общего с обычной

КРЕПОСТЬ КАЛА-И-ДЖАНГИ, В КОТОРОЙ ПРОХОДИЛИ ПЕРЕГОВОРЫ ГЕНЕРАЛА ДУСТУМА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТАЛИБОВ

ТВОРЦЫ СОВРЕМЕННОЙ АФГАНСКОЙ ИСТОРИИ. СЛЕВА НАПРАВО: ИЗГНАННЫЙ ИЗ КАБУЛА **ПРЕЗИДЕНТ РАББАНИ** (АНФАС) СО СВОИМ СОВЕТНИКОМ; **ГЕНЕРАЛ ДУСТУМ**; **АХМАД ШАХ МАСУД**; ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТАЛИБОВ **МУЛЛА ГАУЗ** И МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПАКИСТАНА **НАСРУЛЛА БАБАР** (В ЦЕНТРЕ КАДРА) ПОСЛЕ МОЛИТВЫ В МАВЗОЛЕЕ ХАЛИФА АЛИ

Хроника боевых действий

«борьбой с мирскими соблазнами, отвлекающими воина Аллаха от молитвы». Это в Кандагаре, Герате и даже Кабуле новоявленные ревнители веры из полудиких пуштунских племен ограничивались разрушением кинотеатров, расплющиванием пивных банок под гусеницами танков и облачением женщин в строгую паранджу. В Парване они занялись систематическим истреблением таджикского населения: что напоминало этнические чистки по боснийскому образцу. Разница лишь в том, что искоренялись не этнические инородцы, а «неправильные мусульмане» — те, кто не так верит, не так молится, не на том языке говорит.

Все убийства совершались среди бела дня — так сказать, показательно. В Джабал-ус-Сараче было убито 30 человек. Одноногому старику, сидевшему около чайханы на базарной площади, талибы отрубили вторую ногу, после чего застрелили. В том же городке грудному младенцу перерезали горло, а обезумевших от горя родителей до полусмерти избили прикладами. Местные жители уверены, что такое могут делать люди, которые не верят в Аллаха.

После того как войска Ахмад Шаха Масуда окружили небольшой передовой отряд талибов в ущелье южнее Саланга, население Джабал-ус-Сарача и Чарикара поднялось как по команде. Рано утром после первой молитвы толпы мирных жителей набросились на уверенные в своей силе талибанские части. Фактор внезапности оказался решающим. Восставшие не потеряли ни одного человека, в то время как деморализованных талибов истребляли сотнями. Только в одном Чарикаре было убито около трехсот человек. В бойне участвовали все — старики, молодые, дети. Очевидцы рассказывали даже про женщин, стрелявших в талибов из-под паранджи. Когда войска Масуда начали свое движение в сторону Кабула, они входили в уже свободные от талибов города и аулы.

За полвека афганской истории это первый случай, когда население восстало против людей, идущих по пути джихада. В столкновениях последних лет принимали участие военизированные формирования, профессиональные «борцы за веру», пусть и из разных племен: пуштун Наджибулла ходил в поход на таджика Масуда; таджик Раббани дрался с пуштуном Хекматияром; наконец талибы пришли, чтобы освободить всех сразу и объединить «чистым исламом». «Завоеватели» и «освободители» проходили туда и обратно по центральным, наиболее разрушенным, районам страны, расшатывая один за другим те отрабатывавшиеся столетиями принципы, на которых держалось шаткое равновесие этого государства.

ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ РЯДОВЫЕ НЕ РАССТАЮТСЯ С ОРУЖИЕМ. ВВЕРХУ: ТАЛИБЫ В КАБУЛЕ. ВНИЗУ: БОЙЦЫ 8-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА ДУСТУМА

При этом никто не объявлял джихад иноплеменному мирному населению: принцип «свой — чужой» применялся лишь при дележе высшей власти в Кабуле. Если не считать Раббани, никто не оспаривал того, что пуштунское большинство страны вправе претендовать на политическое господство. Официальным языком при этом, однако, оставался дари, принадлежащий к группе персидских языков, — именно он обеспечивал общую культуру Афганистана. На нем учили богословов, инженеров, врачей. Впервые заявив в Парванской долине о том, что дари «враждебен афганскому исламу», талибы перешли грань, за которой начинается разрушение того, что еще хоть как-то связывало страну.

Говорят, Ахмад Шах Масуд потому и не спешит со штурмом Кабула, что убежден: после того, что случилось в Парване, население Кабула само поднимет восстание.

ПЕРЕВАЛ САЛАНГ ОСТАЛСЯ НЕПРИСТУПНЫМ ДЛЯ ТАЛИБОВ. ТАНКИ МАСУДА У СЕВЕРНОГО ПОРТАЛА

Ровесники джихада

Переговоры между генералом Дустумом, от позиции которого сейчас зависит исход очередного акта афганской трагедии, и представителями «Талибан» при посредничестве министра внутренних дел Пакистана Насруллы Бабара (этого пуштуна называют «крестным отцом» талибов) проходили в средневековой крепости Кала-и-Джанги. Здесь расположена главная резиденция генерала, за четыре километра до которой начинают встречаться хорошо вооруженные посты.

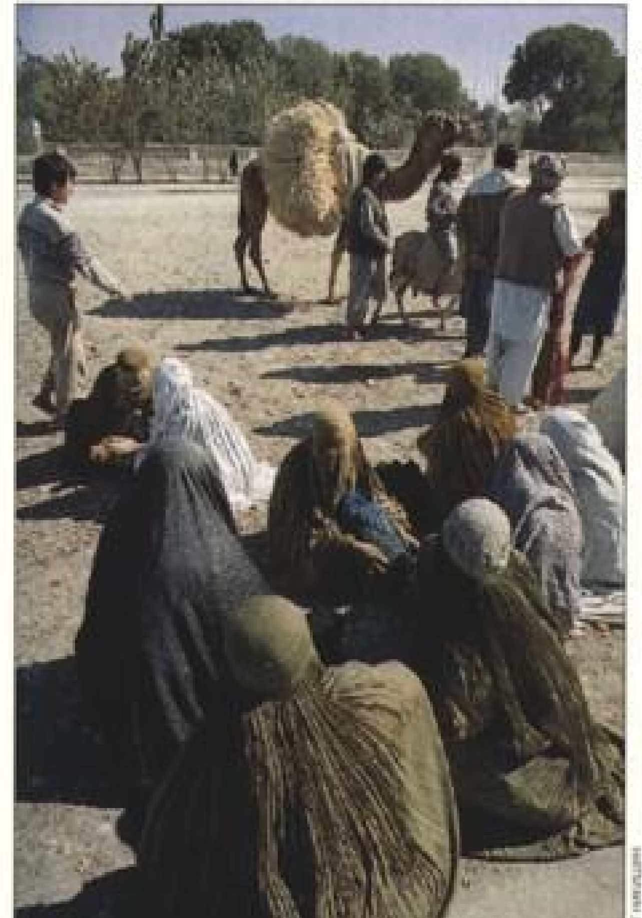
Видимо, отдавая себе отчет в том, чем чреваты последствия противостояния, посеянного самими талибами в Парванской долине, их лидеры выставили на переговоры наиболее «либеральных» представителей. Ими стали отвечающий за внешнюю политику мулла Гауз и мулла Алодат (он курирует вопросы энергетики). Известны оба главным образом своей умеренностью: ни тот, ни другой ни разу не выступали с радикальными призывами в стиле духовного лидера «Талибан» Мухаммеда Умара Ахунда, провозгласившего себя «повелителем правоверных».

Руководители беспощадных студентов не случайно начали свой визит к Дустуму как обыкновенные мусульмане — с паломничества к общеафганской святыне, Голубому мавзолею над могилой Халифа Али. Смешавшись с толпой верующих, каждый из которых завтра может надеть солдатскую форму и пойти на приступ Кабула, оба муллы постарались сделать все от них зависящее, чтобы подчеркнуть свои «простые» исламские корни.

Эти переговоры, на которых участники принялись жестко отстаивать свои интересы, по сей день не закончены. Слишком много интересов и обязательств стоит за каждой из сторон. Талибы очень не хотят воевать с сильной армией узбекского генерала: «бросок на север» чреват расчленением Афганистана и длительной партизанской войной в стиле парванского восстания. В свою очередь, генерал Дустум и не мечтает о кабульской власти — без поддержки пуштунского большинства, выразителем интересов которого сегодня стало движение «Талибан», он рано или поздно разделит участь своих неудачливых предшественников, изгнанных из Кабула.

Впрочем, пока генералы договариваются с имамами, в нынешнем афганском раскладе могут появиться и новые действующие лица. Почва подготовлена: любой афганский дехканин имеет сегодня свое мнение о геополитике. В чарикарской чайхане, отложив гранатометы и пулеметы, ровесники 17-летнего джихада на пальцах принялись объяснять мне, что сегодняшний Афганистан пал жертвой американской, пакистанской, саудовской и британской (очевидно, по старой памяти) агрессии.Вопрос «А зачем всем этим странам нападать на Афганистан?» встречали улыбками. С их точки зрения, это ясно — владеющий Афганистаном владеет миром. ■

Мазари-Шариф — Саланг — Чарикар — Москва
Максим Шевченко — обозреватель «Независимой газеты».
Статья подготовлена специально для «Итогов».

НА АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ (СЛЕВА) И В ЧАЙХАНЕ МАЗАРИ-ШАРИФА **ПОКА ВСЕ СПОКОЙНО.** ВОЙНА СЮДА НЕ ДОШЛА. ВПРОЧЕМ, И ПРИ ВЛАСТИ ГЕНЕРАЛА ДУСТУМА ЖЕНЩИНЫ ХОДЯТ В ПАРАНДЖЕ

Пластиковые карточки – не предмет роскоши, а средство расчета

Однако число торговых точек, принимающих к оплате «кредитки», в России пока невелико

ПЛАСТИКОВАЯ КАРТОЧКА — НЕ ТОЛЬКО СРЕДСТВО РАСЧЕТА, НО И СВОЕОБРАЗНАЯ СБЕРКНИЖКА»

Александр Бирман

ВМЕСТО КОШЕЛЬКА

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ «ПЛАСТИКОВАЯ КАРТОЧКА» не является чем-то совсем уж новым для слуха российского обывателя. Еще в эпоху перестройки в советской прессе можно было встретить публикации, посвященные этому широко распространенному за рубежом платежному инструменту. Тогда же в СССР, доживающем последние дни, впервые появились члены международных платежных систем, базирующихся на использовании пластиковых карточек. Сначала это был Сбербанк, затем к нему присоединились созданные в начале 90-х коммерческие банки.

Сегодня российскими банками выпущено примерно 300 тыс. международных пластиковых карточек Eurocard/MasterCard и примерно 250 тыс. карточек Visa. Но, поскольку банковский клиент, имеющий текущий картсчет, обычно вправе «завести» оба вида карт, число их владельцев, по экспертным оценкам, составляет сегодня 300—400 тыс. человек. Правда, большая часть владельцев сосредоточена в крупных мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге.

Пластиковая карточка — довольно удобная вещь. Она служит не только средством расчета, но и выполняет роль своеобразной «сберкнижки»: с нее в любой момент можно снять нужную сумму. Поэтому скорее всего в ближайшее время число владельцев карточек будет увеличиваться, причем не только за счет частных лиц. Многие банки, обслуживающие предприятия, сегодня заинтересованы в их переводе на «карточную систему» выплаты зарплаты и стипендии — сотрудникам или студентам выдаются карточки, на которые ежемесячно переводятся причитающиеся им деньги. Ведь в данном случае, помимо привлечения дополнительного числа клиентов, банки избавляются от необходимости в начале каждого месяца отвлекать значительные средства — переведенная на карточки зарплата реально остается в управлении банка, поскольку выдается на руки не сразу.

Мал золотник, да дорог

Долгое время пластиковые карточки были доступны далеко не всем. Выдавались они в основном корпоративным клиентам, как правило, внешнеторговым организациям. На организацию открывался счет в банке, и карточки, выдаваемые непосредственно сотрудникам на время командировок за границу, привязывались к этому счету. Форма корпоративного использования пластиковых карточек широко распространена на Западе, где они заменяют привычные для нас «командировочные».

Личная же пластиковая карточка Visa или Eurocard/MasterCard была вначале атрибутом, присущим исключительно «новому русскому», почти как Mersedes. Уже хотя бы потому, что минимальный взнос для ее получения обычно соответствует сумме не менее 2 тысяч долларов. А карточки Visa Gold и Eurocard/MasterCard Gold, обеспеченные более высоким уровнем сервиса, не говоря о гораздо более элитных Diners Club или American Express, и того дороже. Среди основных преимуществ этих карт не только возможность расплачиваться ими в более чем 10 миллионах торговых точек по всему миру, но и наличие «сопутствующих» дисконтных карт, позволяющих получать скидки в гостиницах, ресторанах, магазинах, которые имеют соглашение с выдавшим карточку банком.

С увеличением числа банков — участников международных систем, кровно заинтересованных в привлечении большего числа клиентов, размеры минимальных взносов, необходимых для открытия картсчета, стали снижаться.

Наряду с международными появились карточки локальных платежных систем — STB-Card, UnionCard, «Золотая корона», OrtCard, OlbiCard (две последние, правда, уже исчезли с российского карточного рынка вместе с выдававшими их когда-то банками). Такие карточки можно использовать только на территории России. Однако они в глазах потребителей имели одно существенное преимущество — относительную дешевизну. Впрочем, банки — участники локальных систем прельщают наших сограждан, как правило, переводом предприятий на «карточную систему» выплаты зарплаты или стипендии.

И все-таки любой предпочтет обзавестись недорогой карточкой, которую можно использовать не только в России, но и за рубежом. В прошлом году такие карточки появились на отечественном рынке — это MostCard/Cirrus/Maestro и STBCard/Cirrus/Maestro, выпускаемые соответственно Мост-банком и Столичным банком сбережений (минимальный взнос для приобретения такой карточки составляет всего 100 долл.). Именно магическая формула Cirrus/Maestro делает их международными.

Cirrus — это международная сеть банкоматов, Maestro — международная же сеть электронных считывающих устройств, похожих на калькуляторы с пазом для карточки. Если вы с такой карточкой оказались за рубежом, то снять наличные можно только в банкомате с логотипом Cirrus, а расплатиться только в том магазине или ресторане, на дверях которого имеется наклейка с надписью edc/Maestro. Правда, за рубежом такие карточки обслуживаются гораздо реже, чем Eurocard и Visa.

Две стороны одной карточки

Наличие карточки предполагает два способа ее использования. Более простой — снятие наличных в банкомате или в кассе отделения банка. Банкоматный вариант обязательно предполагает знание владельцем карточки своего персонального идентификационного номера (ПИН). В противном случае есть шанс, что банкомат просто «проглотит» карточку, сочтя ее украденной. ПИН в запечатанном конверте вручается клиенту в момент получения карточки. При снятии денег с карточки через кассу ПИН помнить необязательно. Однако в этом случае необходим документ, удостоверяющий личность владельца.

В магазинах или ресторанах, где можно расплачиваться с помощью карточки, должны иметься либо «калькулятороподобные» устройства, называемые терминалами, либо так называемые импринтеры (именно такими устройствами пользуются банковские кассиры при выдаче денег с карточки).

В отличие от терминала импринтер не позволяет продавцу списывать стоимость покупки с картсчета покупателя непосредственно в момент ее совершения. Продавец два раза «прокатывает» карточку, делая два слепка («слипа»). На одном фиксируется банковский адрес владельца карточки, на другом — реквизиты данной торговой точки. В конце дня слипы, как и кассовая выручка, передаются в обслуживающий данное заведение банк, и лишь после этого на счет магазина поступает соответствующая сумма.

Импринтер удобен для клиента тем, что дает возможность совершить покупку даже в том случае, если на картсчете нет нужной суммы. Иными словами, возможна продажа в кредит. Банк, выпустивший карточку, возмещает расходы банку, обслуживающему торговую точку, а затем предъявляет владельцу карточки счет, в котором зафиксированы его траты за определенный период времени и «набежавшие» проценты.

Широко распространенная за рубежом, в России такая схема пока редко используется. К сожалению, наши соотечественники слишком долго были оторваны от современной экономики и не привыкли к жизни в кредит. В свою очередь российские банки предпочитают не кредитовать частных лиц. Впрочем, выпускаемые ими международные карточки Visa (Classic, Business, Gold) и Eurocard/MasterCard (Mass, Business, Gold) позволяют клиенту определенные кратковременные перерасходы.

Дело в том, что для каждого класса кредитных карт существует так называемый авторизационный лимит, известный продавцам, но неизвестный покупателю. Чем выше класс карты, тем соответственно выше и лимит. В пределах авторизационного лимита владелец карточки может совершать покупки, даже если у него в данный момент на картсчете отсутствует необходимая сумма. Однако банк, выпустивший карточку, старается в кратчайшие сроки оповестить клиента о том, что ему необходимо погасить свою задолженность. Некоторые банки берут за перерасход еще и штраф.

У России путь особый

Наличие пластиковой карточки избавляет человека от необходимости таскать толстый кошелек. Но далеко не во всех российских магазинах и предприятиях бытового обслуживания к оплате принимаются карточки. Сами банки, конечно, заинтересованы в расширении числа магазинов, принимающих карточки, поскольку с помощью только одних бан-

ИНТЕРЕС К КАРТОЧНЫМ РАСЧЕТАМ ПОСТЕПЕННО РАСТЕТ. РАБОТАЮЩИЙ С «КРЕДИТКАМИ» МАГАЗИН ПОЯВИЛСЯ ДАЖЕ НА ОСТРОВЕ ВАЛААМ

коматов много не заработаешь. Во-первых, затраты на установку и обслуживание банкомата в несколько раз превышают затраты на установку и обслуживание терминала — один банкомат стоит примерно 7 тыс. долл., а терминал — 1 тыс. долл. Импринтер еще дешевле. Во-вторых, обслуживание торговых точек, принимающих карточки, приносит гораздо больший доход.

Однако отечественная сеть магазинов, принимающих к оплате карточки, развита крайне слабо (плюс ко всему ограничена крупными мегаполисами), во многом по вине самих торговцев, которые не слишком рвутся освоить «карточный бизнес». Отчасти это происходит из-за их нежелания возиться с терминалами, которые технически сложнее в обращении, чем кассовые аппараты. К тому же в случае, если в магазине есть только импринтер, кассиру необходимо дозвониться в банк, чтобы проверить платежеспособность клиента, совершающего крупную покупку. Из-за низкого качества российских телекоммуникаций это оказывается долгим делом, в результате кассир и клиент начинают смотреть друг на друга не очень добрыми глазами.

Кроме всего прочего, магазины заинтересованы в работе с наличностью — это позволяет частично укрываться от налогов. Ограниченное количество магазинов, желающих принимать к оплате карточки, заставляет в мегаполисах (особенно в Москве) банки даже конкурировать между собой за право обслуживать крупные торговые точки в центре города.

Однако в последнее время ситуация заметно улучшилась. Интерес к карточным расчетам начали проявлять даже в отдаленной провинции, к примеру, на острове Валаам. Как сказал представитель банка, обслуживающего тамошние магазины, «отцы шлют нам слипы».

А вот при выезде за рубеж карточка (естественно, международная) точно будет не лишней. Ее не надо декларировать на таможне, и сумма, лежащая на картсчете, может значительно превышать пресловутую «красную границу» в 500 долл. (как известно, на вывозимую за рубеж наличную сумму, превышающую 500 долл., необходимо соответствующее разрешение). Кроме того, покупать местную валюту за рубежом из-за курсовой разницы, как правило, менее выгодно, чем снимать деньги при помощи карточки в банкоматах. К тому же во всех странах банкоматы работают круглосуточно, чего нельзя сказать о большинстве обменных пунктов. При этом банки, проявляющие особую заботу о сохранности «жизни и кошелька» владельца карточки, а также и дорогостоящего агрегата, устанавливают банкоматы в специальном предбанничке, ключом для входа в который служит сама пластиковая карточка.

Стоит упомянуть о комиссионных, которые взимаются с владельца карточки при получении наличных в банкомате. Их уплаты можно избежать (или существенно их снизить), если расплачиваться с помощью пластиковых карт в торговых точках, а не брать наличные.

Владелец карточки — лицо защищенное

В России из всех видов мошенничества с пластиковыми картами кражи наименее популярны. Кража — дело невыгодное, поскольку владелец карточки тотчас сообщит о происшествии в банк. И тогда карточку (вернее, ее номер) занесут в так называемый стоп-лист, который рассылается во все торговые точки и представляет собой список украденных либо выпущенных «неплатежеспособным» банком карточек. Найдя соответствующий номер в стоп-листе, продавец не только откажется принять карту к оплате, но и отнимет ее, а если не испугается, еще и попытается задержать подателя «плохой» карты для выяснения его личности. Другими словами, у воров после кражи остается слишком мало времени, чтобы накупить товаров или снять наличные. Авторизационный лимит становится камнем преткновения для мошенников другого рода — тех, кто приобретает карточку специально для того, чтобы сделать множество мелких покупок на сумму, большую, чем имеющаяся на картсчете.

Более технологически изысканным представляется «подделочный» вариант. Правда, подделка — несколько неточный термин. Суть мошенничества в том, что при прокатывании карточки на импринтере делаются не два слипа, как положено, а, например, три. На «лишний» наносится банковский «адрес клиента» (номер карточки, ее выходные данные, дата выдачи). Потом этот слип наклеивается на кусок пластика, формат которого соответствует карточному, и получается так называемый белый пластик. После изготовления «белый пластик» прокатывается в различных точках, а ничего не подозревающий владелец карточки получает от банка требование срочно внести средства для подкрепления своего картсчета.

Впрочем, лишний слип можно сделать только в том случае, если владелец карточки по каким-либо причинам отвлекся и не следит за действиями кассира. Кроме того, мошенникам нужно договориться с владельцами торговых точек, чтобы они принимали «белый пластик» к оплате. Впрочем, и в этом случае клиент не остается совсем не защищенным, как это может показаться на первый взгляд, — регулярно пользующийся карточкой клиент может периодически брать в банке выписки со своего счета и сохранять чеки на свои покупки, которые при недоразумении помогут ему восстановить справедливость.

Естественно, мошенничествам несть числа (некоторые ушлые хакеры даже из банкоматов воруют деньги через компьютеры), но они вовсе не делают пластиковую карточку ненадежным платежным инструментом. К тому же заинтересованные в их выпуске банки постоянно совершенствуют систему защиты. ■

Государство платит по счетам

Есть шанс, что старики доживут остаток дней не нуждаясь

КЛИЕНТЫ СБЕРБАНКА ОКАЗАЛИСЬ В ЛУЧШЕМ ПОЛОЖЕНИИ, ЧЕМ ОБМАНУТЫЕ ВКЛАДЧИКИ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД

Елена Кузнецова

АНТИИНФЛЯЦИЯ

НЕДАВНО ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР АЛЕКСАНДР ЛИВшиц заявил, что правительство готово в следующем году продолжить компенсацию денег вкладчикам Сберегательного банка России, средства которых обесценились в результате инфляции. Как известно, выплаты начались в июне текущего года после выхода указа президента от 16 мая. Поскольку сумма 4 трлн. рублей, которую следовало выплатить вкладчикам в возрасте 80 лет и старше, не только не была заложена в бюджет, но вообще представлялась мифической ввиду отсутствия денег, многие рассматривали решение Бориса Ельцина как популистскую меру, призванную усилить его позиции на приближавшихся президентских выборах.

Однако чем бы ни было вызвано президентское решение, согласно указу всем владельцам денежных средств на сумму 1 тысяча рублей и более (на середину 1991 года) выплачивается теперь 1 миллион рублей. Клиентам, чьи сбережения были меньше 1 тысячи рублей, компенсируется вся сумма, которая увеличивается в тысячу раз. К концу сентября банк выплатил около 3,4 трлн. рублей. В 1997 году, как ожидается, деньги получат люди в возрасте 75—79 лет.

Наследникам придется подождать

Процесс выдачи компенсаций, по мнению Вячеслава Попова, заместителя руководителя управления вкладов и расчетов Сбербанка России, протекает без осложнений.

Пока процедура еще не завершена: некоторые старики не смогли прийти за деньгами из-за болезни, другие узнали о президентском решении с опозданием. В целом компенсацию, по расчетам Сбербанка, должны получить 3228 тыс. человек, родившихся ранее 1916 года. Многие восьмидесятилетние российские граждане приходят с тремя-четырьмя сберкнижками. Нашелся даже такой, кто принес целых восемьдесят, и на каждой лежало ровно по тысяче рублей. По словам вкладчика, он сохранил все свои сберкнижки, не выбросив ни одной, поскольку пережил уже несколько денежных реформ. «Государство, — объяснил старик, — хотя все время обманывает, но иногда долги возвращает».

Вкладчица Татьяна Егоровна Негина призналась, что была рада получить хоть что-то, она и не надеялась на такую удачу. Однако пожилая дама посетовала, что ей пришлось просидеть в Сбербанке три часа, прежде чем подошла ее очередь. И вместе с ней сидели многие тяжело больные люди, для которых ожидание было достаточно мучительным. Среди прочих недовольств — возмущение уравниловкой при компенсации крупных вкладов.

Несмотря на многочисленные разъяснения Сбербанка, вопрос о том, кому и по какому принципу выплачивают деньги, для многих остается туманным. В частности, в банк обращаются люди, к которым сберкнижки перешли по наследству после смерти родителей. Им денег не получить — согласно указу, сбережения компенсируются только непосредственным владельцам счетов. Деньги на этот раз не получат ни дети, ни внуки, которым старики открывали счета как несовершеннолетним. Однако есть надежда, что они вступят в наследство, когда дойдет очередь до их возрастной категории.

У каждого правительства свои манеры

Компенсировать вклады Сбербанка пыталось еще правительство Валентина Павлова, когда в 1991 году впервые признало наличие инфляции. Премьер-министр намеревался восстановить таким образом свою репута-

МНОГИМ СТАРИКАМ ПРИШЛОСЬ ВЫСТАИВАТЬ В СБЕРКАССАХ ЧАСАМИ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ СВОИ ДЕНЬГИ

цию, подмоченную неудачами денежной реформы. Было принято постановление увеличить размер имеющихся на каждой книжке сбережений на 40%. Однако мало кто смог тогда получить свои деньги, поскольку вскоре вклады были заморожены до 1992 года. Эти меры потребовались, чтобы приостановить массовое изъятие из Сбербанка денежных средств.

Егор Гайдар и министры-рыночники вопрос о вкладах проигнорировали, сославшись на то, что сохранение денег — забота самих вкладчиков. Однако правительство Гайдара при решении вопроса с компенсациями руководствовалось не только либеральными идеями, но и пониманием реального положения в экономике. Инфляция в те годы была настолько высока, что выплаты вкладчикам Сбербанка только подстегнули бы рост цен. В результате процедура компенсации потеряла бы всякий смысл.

Кстати, в октябре 1991 года был принят «Закон об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР», который обязал Сбербанк увеличивать размер сбережений не реже трех раз в год. В случае отказа выплатить компенсацию закон предоставлял гражданам право подать на банк в суд. Однако ни один из вчиненных исков не был удовлетворен. Вкладчик Евгений Кулагин дошел со своим заявлением аж до Верховного суда, но в его деле до сих пор не поставлена точка.

В 1993 году, когда проблема компенсации вкладов встала перед правительством Виктора Черномырдина, стало ясно, что рано или поздно государственным мужам придется все же заняться этим вопросом. Было решено выплатить деньги, однако лишь в крайнем случае и с максимальным популистским эффектом.

При участии различных общественных организаций, таких как Союз вкладчиков Сбербанка и Общества защиты интересов вкладчиков, и поддержке коммунистов в Государственной думе началась разработка закона. Кроме активно эксплуатировавших идею компенсации коммунистов, готовящийся документ поддержали аграрии и представители Демократической партии России. Выбороссы и депутаты от фракции «Яблоко» выступили против, аргументируя свою позицию тем, что денег на компенсацию нет и ничем не оправданные популистские меры приведут лишь к раздуванию инфляции. После долгих баталий в 1994—1995 годах парламент наконец принял закон «О восстановлении и защите сбережений граждан РФ» и направил его президенту. Дважды отклонив закон, в мае 1995 года Ельцин все же подписал документ после некоторых доработок. Возможно, не последнюю роль сыграли приближавшиеся президентские выборы и относительная стабилизация экономической ситуации в стране.

Государство пока не знает, сколько заплатит народу

Итак, с необходимостью компенсации вкладов политикам пришлось смириться. Спорным, однако, до сих пор остается вопрос о том, как рассчитывать индекс компенсации и в какой форме осуществлять выплаты. Пока эти вопросы окончательно не решены.

В соответствии с законом «О восстановлении и защите сбережений граждан РФ» индекс компенсации должен рассчитываться как разница между нынешней ценой и ценой 1991 года на фиксированный набор «основных потребительских товаров и услуг... обеспечивающих нормальное физиологическое существование человека». Исходя из этого, по расчетам экономистов, вклады должны быть увеличены в 7000—8000 раз. Причем для сохранения ценности сбережений предлагается ввести параллельную валюту — целевые долговые обязательства (ЦДО), которые могут быть использованы при покупке акций предприятий, а со временем даже стать средством обращения.

Как объясняет Елена Санникова, руководитель рабочей группы по восстановлению сбережений Госдумы, все обесценившиеся вклады переведут в ЦДО или «долговые рубли», которые будут индексироваться каждую неделю. Получив на руки долговые обязательства, которые гарантированы государством и могут быть компенсированы в любой момент, люди не станут спешить в банк, считает г-жа Санникова. В этой ситуации разумнее снимать средства с учетом текущей индексации по мере необходимости, что обеспечит постепенную и полную компенсацию вкладов.

Однако введение параллельных денег, ЦДО, по мнению экспертов Минэкономики РФ, увеличит объем денежной массы в 5 раз, что приведет к еще большей инфляции. А возможность покупки акций не решит материальных проблем вкладчиков. Российским гражданам уже предлагали стать собственниками и попытаться разбогатеть путем обмена ваучеров на акции предприятий. Известно, к чему привела эта затея: большинство просто не захотело связываться со сложной процедурой аукционов и предпочло или продать свои приватизационные чеки, или вложить их в ваучерные фонды. Исходя из этого, Минэкономики внесло изменения в предполагаемый механизм компенсации и выдвинуло свой проект, нашедший отражение в Федеральной программе компенсации сбережений. По словам Михаила Хазина, начальника департамента кредитной политики Минэкономики, при разработке программы авторы руководствовались двумя принципами. Во-первых, восстановление вкладов не должно мешать развитию экономики, во-вторых, возвращать нужно живые деньги, а не суррогат.

По словам г-на Хазина, если согласиться на индекс компенсации, предусмотренный законом (примерно в 7500 раз), то полученная сумма будет соответствовать объему валового национального продукта. В этом случае государство сможет отдать долги гражданам только через 150—200 лет, то есть хорошо если компенсацию получат внуки вкладчиков. А если пойти по пути программы, то пострадавшие клиенты Сбербанка получат компенсацию в ближайшие 25 лет. Проект программы предусматривает сводный индекс, который рассчитывается на основе изменения как стоимости хлеба и молока, которые раньше дотировались государством, так и стоимости непродовольственных товаров и текущего курса доллара. При расчете по такой методике вклады 1991 года должны быть увеличены в 3000—4000 раз.

Проект программы предлагает также безденежные варианты компенсации: раздача земли или безвозвратных кредитов под строительство домов. Как отметил г-н Хазин, в Минэкономики стараются быть гибкими в этом вопросе. Учитывает программа и возраст вкладчиков — пожилые люди получат деньги раньше, молодым придется подождать. Однако сроки и порядок проведения этой процедуры пока не определены. Думский закон, который носит рамочный характер, требует дополнительных документов, конкретизирующих порядок выплат. Комитеты Госдумы продолжают заниматься этим вопросом, работая, в частности, над законопроектом «О базовой стоимости необходимого социального набора». Министерство экономики продолжает отстаивать Федеральную программу, которая сейчас находится на рассмотрении в правительстве. Пока выбор не сделан, президент решил начать частичную выплату денег вкладчикам преклонного возраста, регулируя предварительную компенсацию указами. Восьмидесятилетние уже охвачены государственной заботой. Теперь черед тех, кто помоложе. Для выплат людям, рожденным в 1917—1921 годах, которых в России насчитывается 2374 тысячи, в бюджет будущего года заложено около 10 трлн. рублей.

В 1997 ГОДУ КОМПЕНСАЦИЮ ДОЛЖНЫ ПОЛУЧИТЬ ЛЮДИ В ВОЗРАСТЕ 75—79 ЛЕТ

«Росгосстрах» стремится сохранить клиентов

В то время как правительство находится под гневным огнем прессы и политиков из-за долгов по вкладам Сбербанка, про задолженность другой государственной организации — «Росгосстраха» — все забыли. Между тем на начало 1992 года компанией были заключены договоры о личном страховании с 55 млн. граждан, сумма взносов составила более 29 млрд. рублей (в ценах того же 1992-го).

С 1993 года «Росгосстрах» проводил частичную компенсацию из своей прибыли, увеличив размер выплачиваемых сумм в два раза. Но с принятием закона о компенсации в мае прошлого года государство признало долги компании и взяло обязательства по их возврату на себя. Как сообщила Светлана Агафонова, заместитель руководителя департамента личного страхования «Росгосстраха», компании потребовалось приложить немало усилий, чтобы закон распространялся и на его клиентов наряду с клиентами Сбербанка. Компенсация обесцененных денег была, по словам г-жи Агафоновой, для компании делом чести. Она поможет «Росгосстраху» сохранить доброе имя и своих клиентов.

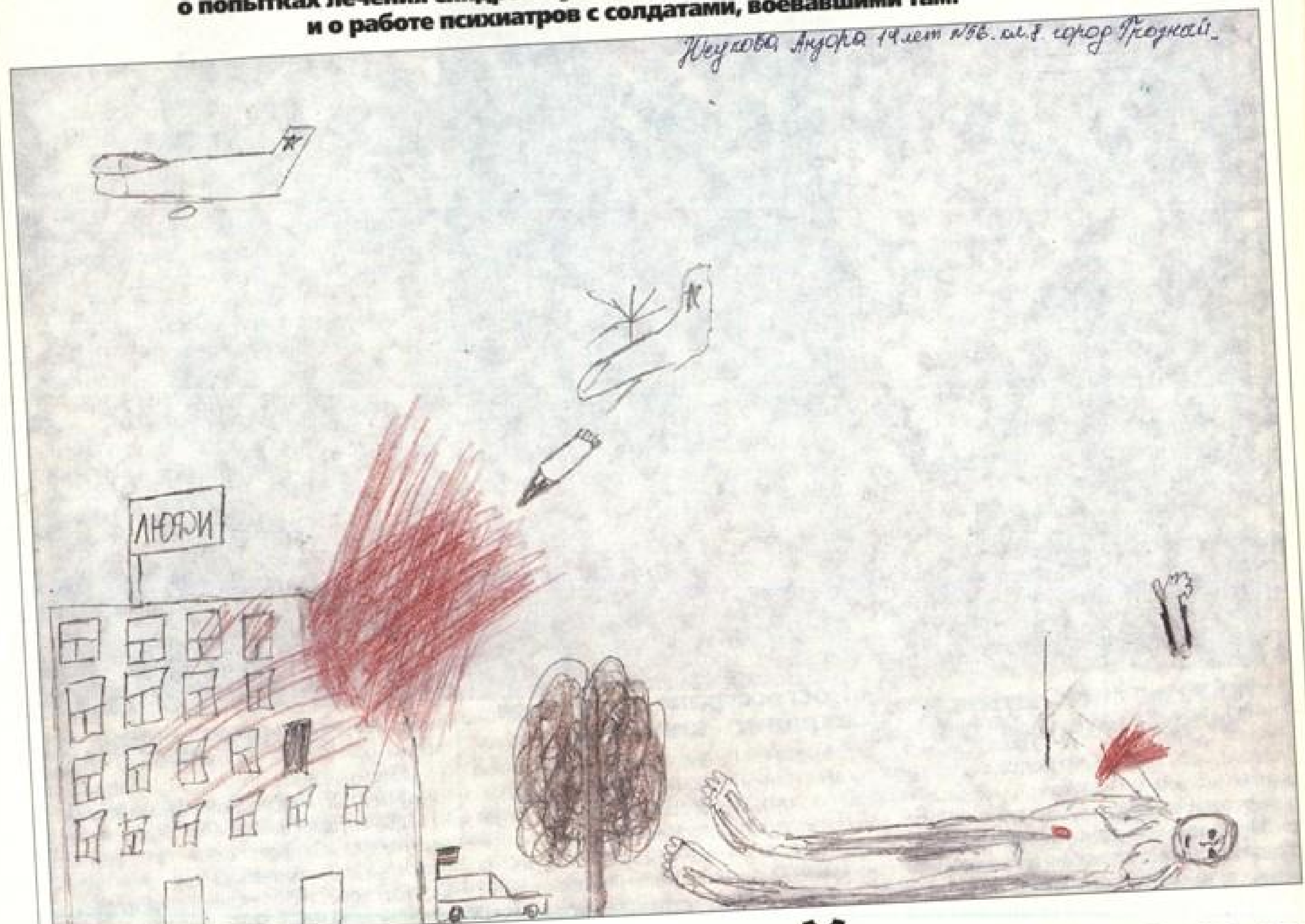
Хотя процесс компенсации регулируется одним и тем же законом, механизмы его реализации для Сбербанка и «Росгосстраха» должны быть различными, считает г-жа Агафонова. Необходимо учитывать, что существует множество видов страховых договоров (пожизненное страхование, смешанное страхование жизни, страхование детей, страхование к бракосочетанию и страхование дополнительной пенсии), и сроки их могут быть разными (срок действия одних закончился еще в 1993 году, а другие заключены до 2006 года).

«Росгосстрах» предлагает государству перезаключить страховые договоры на новую сумму, увеличенную с учетом инфляции. Тогда клиенты по окончании договора получат и страховую сумму, и компенсацию. Для осуществления этого механизма правительство должно направлять страховой компании деньги, которые она будет расходовать по своему усмотрению.

Те клиенты, которые не захотят возобновлять договоры, попадут на отдельный «лист ожидания» вместе с вкладчиками Сбербанка. Как отметил Михаил Хазин, в первую очередь деньги получат пожилые и малообеспеченные люди.

Обещание вице-премьера продолжить в следущем году компенсацию обесценившихся вкладов внушает народу вполне обоснованные надежды: в проект бюджета на 1997 год заложена для этих целей специальная сумма. Однако процесс компенсации зависит пока от политической и экономической конъюнктуры в стране и может быть в любой момент приостановлен. Ведь на будущий год не предполагается никаких выборов, а в бюджете не хватает средств на выплату зарплат и пенсий. Это вполне может отбить «наверху» охоту возиться с вкладчиками Сбербанка. ■

Наш журнал уже обращался к теме посттравматического синдрома («Итоги» №11), возникающего часто у тех, кто вольно или невольно оказался участником чеченских событий. Поскольку актуальность проблемы со временем только возрастает, мы сочли возможным обратиться к ней еще раз и более подробно. Предлагаемые материалы рассказывают о попытках лечения синдрома у мирных граждан, пострадавших в Чечне, и о работе психиатров с солдатами, воевавшими там.

Гражданский вопрос

«Жертвы становятся агрессорами. А война никогда не кончается»

Маша Гессен

ПОСЛЕДСТВИЯ

— Мы тогда дома в подъезде в нарды играли. А еще тетя вышла на балкон, и ей сразу две пули в живот, столько крови было, бабушка убирала. Теперь эта тетя лежит в постели, а бабушка для них готовит. А в саду у нас боевики прятались, они бегали, и там теперь мальчишки снаряды находят и играют, как было. А когда бомбили, я надевала носки, задом наперед, и выскакивала в подъезд. И дрожала вся.

— А сейчас страшно, когда вспоминаешь?

— Угу.

— Ты как вспоминаешь — картинку видишь или звук слышишь?

— Звук. Картинку я не видела. Только звук. И сразу это падало.

— А звук какой был — низкий или высокий?

— Он так жжжжжжжжж и бах!

— А страшнее, когда гудело или когда падало?

— Когда падало. Весь дом шатался.

— Вспомни и послушай немножко этот звук.

Сосредотачивается. Молчит с минуту. Вспомнила.

— Тань, а какие ты звуки любишь?

— Когда я в садике была, нам воспитательница на пианине играла, а мы с девочками игрались в куклы.

— Можешь сейчас вспомнить, что она играла?

— Ну там «Собачий вальс».

— Послушай сейчас, как она играет.

Вспоминает. Смеется. Рассказывает про садик.

— Представь себе, что ты включаешь магнитофон и слушаешь хорошую музыку, которая тебе нравится, которую воспитательница играла. Есть такая ручка, ты можешь менять высоту звука, громкость, и когда слышишь нехороший звук, ты ручку подкручиваешь, чтобы он стал высоким, как тебе нравится.

— Весело становится. Как будто такой низенький звук, подкрученный, играет.

— Может, его еще потише сделать?

— Потише не нравится.

— Оставь такой. Пусть высокий звук будет громкий и веселый, а неприятный — низкий и тихий.

Слушает, делает еле заметные круговые движения пальцем по коленке в черных колготках. Вид умиротворенный.

— А сейчас представь, что тогда, когда ты была в подъезде и слышала эти неприятные звуки, у тебя в голове вот так же играл магнитофон, — тебе было бы страшно?

— Я бы пошла домой, на кровать легла и слушала.

— А ты могла бы оставаться там, где ты была, но слушать музыку?

— А когда ночью та война началась, меня чуть осколком не убило. Меня мама за ноги из кровати вытащила, и маму волной в дверь, а папа меня вниз спустил. А там, где кровать, туда осколок попал, там дыра такая.

— А страшно тебе это вспоминать?

— Да. Я испугалась, когда меня уже на первый этаж принесли.

— А что ты услышала?

— Я слышала, как бомбили там. Открыли подъезд, я встала около и смотрю — снег идет. И все равно бомбили. И там, где «Россия», кинотеатр, был, туда танк загнали и палили.

— Какой звук был — прерывистый или сплошной?

— Прерывистый. Он прям не падал, а пролетал. Как ракета — летит-летит и исчезает.

— Тебе страшно, что он исчезает, или наоборот — спокойнее?

— Спокойнее. Он так летит-летит и сразу, не доставая до земли, падает и исчезает.

— Что бы нам с ним еще сделать, чтоб было совсем хорошо? Представь, что он падает в землю, а там такая яма, что он в бесконечность уходит — туда, туда, туда... Как тебе такое?

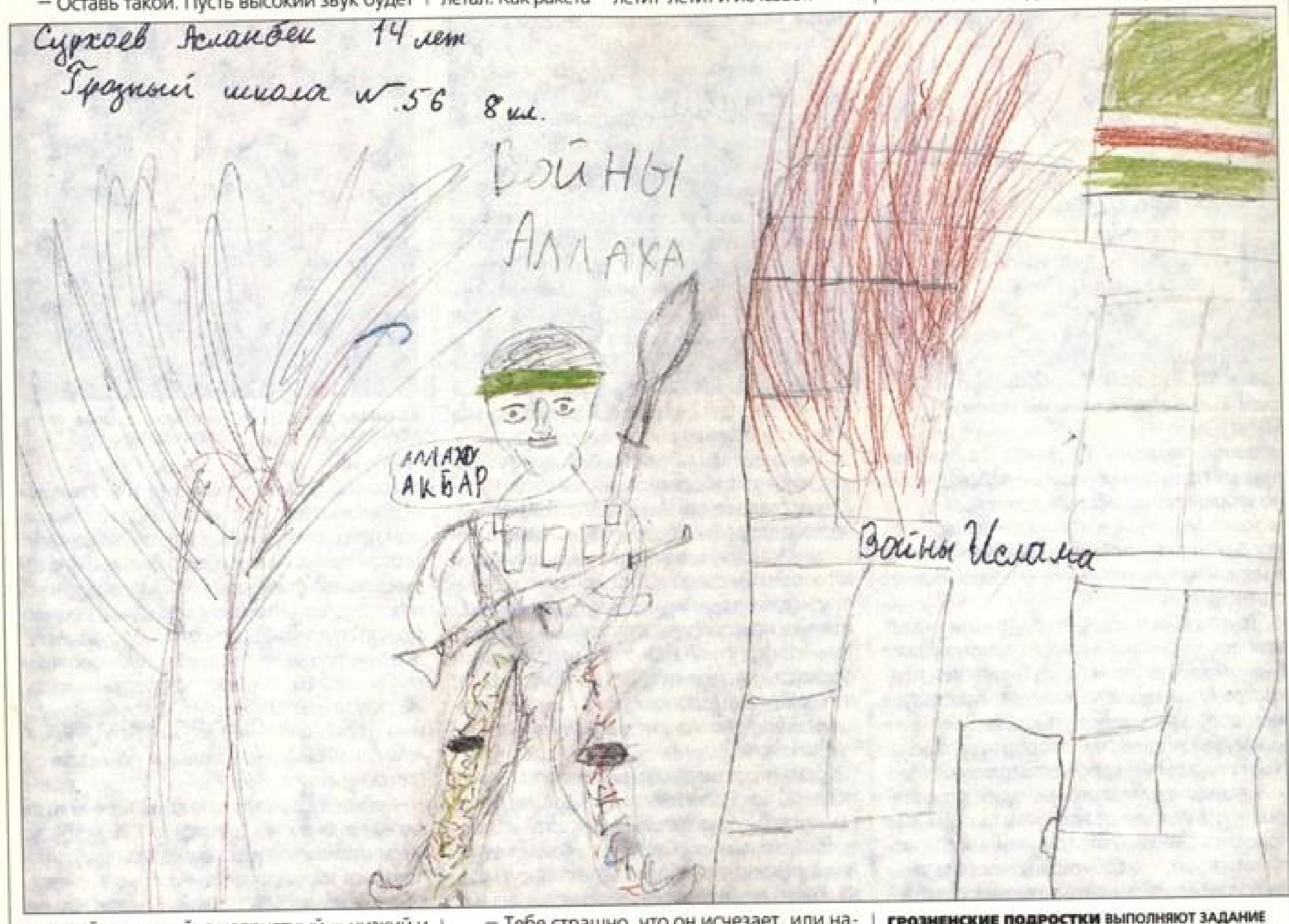
— Тогда нормально, — улыбается. — А то когда он бум делает, то я аж дрожу. А так хорошо.

Взрывоопасные дети

Десятилетняя Таня, по убеждению психолога Марины Берковской, — «удивительно здоровое существо». В типичном для Грозного осенью 96-го смысле слова. То есть Таня боится того, чего следует бояться. Память о «первой» войне не спрятана у нее глубоко, а выползает прямо из-под памяти о войне «последней». Ей иногда снятся кошмары, и иногда она просыпается в совсем не детском состоянии: «Все болит, и я не могу даже представить, чтоб встать и что-то делать, и я опять сплю». Но при этом Таня не страдает ночным энурезом, не отличается излишней агрессивностью, у нее не болит сердце и не бывает истерик. То есть у нее нет типичных для детей признаков посттравматического стрессового расстройства (PTSD); у Тани просто стресс.

У грозненских учителей и врачей-педиатров накопились десятки историй о том, как дети выражают накопившиеся за время войны страхи. «Еще только лепечет ребенок, а уже начинает маму дергать за подол и говорить: «Мама, пошли в подвал», — рассказывает Роза Индербиева, главный врач детской поликлиники № 3. — Еще была семья, они в подвале прятались, где воды по колено. И теперь, когда вертолет-самолет летит, ребенок сразу залезает в ванну, наливает воду и норовит что-нибудь еще поверх напялить». Индербиева плачет. Стресс у всех.

В некотором смысле такое острое стрессовое состояние — «подарок» для психотерапевта. Недаром члены группы психологов московского центра «Сострадание», уже четвертый год путешествующие под руководством Марины Берковской по горячим точкам, утверждают, что среди их московских коллег образовалась очередь из желающих поехать в зону конфликта. «Здесь еще нет никакого наслоения», — говорит мос-

ГРОЗНЕНСКИЕ ПОДРОСТКИ ВЫПОЛНЯЮТ ЗАДАНИЕ ПСИХОЛОГОВ — НАРИСОВАТЬ ДОМ, ДЕРЕВО, ЧЕЛОВЕКА

ТАНЯ — «УДИВИТЕЛЬНО ЗДОРОВОЕ СУЩЕСТВО»

ковский психолог Людмила Трубицина, взявшая отпуск на основной работе, чтобы во второй раз поработать в Чечне. Или, как говорит Марина Берковская, «если психолог случается вовремя, он просто выдергивает свежую занозу». Результаты подчас ошеломляют.

Группа «Сострадание», состоящая из трех человек — бывшего врача-реаниматолога Берковской, психолога Трубициной и психиатра Александра Михайлова, использует методологию, известную как NLP, то есть нейролингвистическое программирование. NLP представляет собой спектр всевозможных психоаналитических методик, позволяющих добиваться результатов за один-два коротких сеанса. От традиционных NLP отличается тем, что собеседник не обязательно должен рассказывать о травмировавшей его ситуации, психолог может попросить вспомнить или представить нечто — беду, момент причинения боли, не спрашивая, что именно тот себе представляет. Такая возможность сохранения тайны поистине бесценна.

На этот раз «Сострадание» разбивает лагерь в учительской одной из грозненских школ. Учительницы приводят учеников, зачастую застенчиво просят о помощи сами. Психологи укутываются в куртки — в школе нет ни стекол, ни тем более отопления — и принимаются за дело: «убирают» страшные запомнившиеся картинки или звуки или помогают человеку «диссоциироваться» от подобных воспоминаний — «нет, это не я, это кто-то другой страдает».

Александр Михайлов особенно артистичен. Он принимает детей группами по три человека и демонстрирует широкий ассортимент приемов для обезвреживания навязчивых воспоминаний. Дети с удовольствием фантазируют: вертолеты сделаны из бумаги, их можно сложить в коробку, а кто-то, не заметив, поставит на коробку что-то очень тяжелое и все раздавит — и тогда можно будет посмотреть на небо и не увидеть в нем вертолетов. Или что все страшные воспоминания можно, как фотографии, вклеить в альбом, а в этом альбоме между страниц красивая разноцветная папиросная бумага, и когда не хочется смотреть, можно взять и прикрыть картинку или вообще забыть про альбом и найти его, когда вырастешь большой, и тогда увидишь чужую, совсем не страшную жизнь с «какой-то войной». А можно пролить растворитель на фотопленку и увидеть, как жуткие картинки расплываются пятном.

Дети, поделившиеся своими страхами, уходят улыбающиеся, окрыленные. Что неудивительно. Во-первых, по школе прошел слух, что психологи привязывают к стулу и делают уколы. Во-вторых, они не только не делают этого, но и раздают по окончании сеанса воздушные шарики. В-третьих, куда интереснее склеивать воображаемые фотоальбомы, чем сидеть на уроке. В-четвертых, может, это действительно помогает?

По сведениям Сергея Ениколопова, заведующего лабораторией психосоциальных исследований Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, исследования в бывшей Югославии и среди жертв армянского землетрясения показывают, что подобная экстренная психологическая помощь действительно эффективна. Она не предотвращает полностью психические расстройства, но, по словам Ениколопова, «это как с прививками — болеть-то он, может, и будет, но менее тяжело».

Секрет успеха заключается в том, чтобы поспеть, пока психическая рана еще свежа. На этот раз после трех-четырех дней в Грозном психологи из «Сострадания» начинают подозревать, что их работа не столь успешна. Многие дети — в основном мальчишки — гордо заявляют, что ничего не боятся. Само по себе это неопасно, но когда они добавляют, что о войне ничего не помнят, это психологов настораживает. По мнению Людмилы Трубициной, октябрьская ситуация резко отличается от той, что они наблюдали в свой предыдущий приезд, как раз перед августовскими событиями. «Эти «первая война», «вторая война» сейчас начинают вытесняться у ребят, — говорит Трубицина. — Когда мы были в августе, у детей на поверхности лежали все переживания, они сразу же начинали говорить. А теперь как будто забыли. Можно предположить, что в действительности это принимает психосоматические формы. Мы не способны долго думать о чем-то плохом, ни один человек не способен часами думать о смерти. И все это уходит в подсознание, но так как эмоции были достаточно сильными и не были ни выражены, ни сняты, они начинают бить по внутренним органам».

Иными словами, эти дети становятся кандидатами на PTSD — расстройство, которое обычно проявляется спустя месяцы, а то и годы после травматических событий. Ениколопов, уже четыре года занимающийся анализом детских рисунков и других результатов тестов, привозимых «Состраданием» из горячих точек, утверждает, что в среднем в зонах конфликта каждому шестому ребенку можно поставить диагноз PTSD. То есть каждый шестой — это, как выражается французский психиатр Филипп Жозюе, «личность, недостаточная для жизни», человек несчастный и потенциально опасный в силу типичных для PTSD взрывчивости и повышенной агрессивности.

ЗАЛИШКА ДУМАЕТ, ЧТО ВЕРТОЛЕТЫ СДЕЛАНЫ ИЗ АЛЛАХА, А БАТАРЕИ — ИЗ ВЕРТОЛЕТОВ

Сейчас еще невозможно сказать, есть ли какая-то чеченская специфика PTSD — будут ли симптомы пострадавших здесь чем-то отличаться от, например, нагорно-карабахских или абхазских. Пока же Филипп Жозюе, успевший поработать в Сомали, Боснии и Афганистане, берется утверждать, что «человек реагирует одним и тем же образом на одни и те же травмы. Культурная специфика если и вносит свои коррективы, то они незначительны». Одна универсальная закономерность заключается в том, что психическое состояние ребенка полностью зависит от состояния его матери. «Если мать потрясена падающей рядом бомбой — это нормально, — говорит Жозюе. — Но если у нее PTSD, то это будет и у ребенка. Он воспринимает войну через мать».

Женская логика

К Людмиле Трубициной приходит учительница с жалобами на детей-подростков — «такие взрывные стали, что жутко становится». Трубицина терпеливо обсуждает с учительницей поведение детей, их ссоры и отношение к матери, но подозревает, что суть проблемы не в детях. Выясняется, что учительница недавно твердо решила развестись с мужем.

— В ту войну мы вместе были, вместе прятались, — объясняет она. — А в эту — он был у сестры в селе, работал, а мы остались без денег, без продуктов. Соседка к нему заезжала рассказать о нас. Он сказал, что приедет. Вот август прошел, сентябрь — а его нет. Я знаю, что у него в паспорте фотография просрочена и его на дорогах останавливали, но как же не поинтересоваться — где мы, что мы, живы ли мы? — учительница плачет, но итог подводит с неожиданной уверенностью. — Проживем.

Если в мирное время безответственное поведение мужа — дело житейское, то во время войны — это предательство, чреватое смертью. Страдания, связанные с войной, по мнению Филиппа Жозюе, порой трудно отделить от страданий, войной усугубленных. Задача психологов и психиатров — работать и с тем, и с другим. Сам Жозюе, будучи психиатром, занимается не психотерапией, а медикаментозным лечением. Страдающим PTSD обычно прописывают сильнодействующие антидепрессивные препараты. В идеале такое лечение должно проходить параллельно с психотерапией, но такой роскоши никто в Чечне сейчас себе позволить не может: местных психологов просто нет, а приезжие благотворительные организации не могут заниматься постоянным лечением. Поэтому главная задача Филиппа Жозюе, представляющего в Чечне организацию Medecins du Monde — «Врачи мира», — это обучить местных врачей правильно назначать лекарства.

Мужская логика

Если французский врач, объехавший полмира, мог заранее предсказать, какими психическими травмами обернется чеченская война, для некоторых врачей-чеченцев эти последствия оказались полной неожиданностью. Главный врач шатойской больницы Гайса Салгириев вспоминает, что в марте 1995 года приезжали английские врачи и спрашивали, хватит ли своих сил справиться с грядущими психическими расстройствами.

— Я засмеялся: «Нам никакие силы не нужны, потому что у чеченцев никогда не будет психических травм, — рассказывает Салгириев. — А потом внезапно стали умирать старики. Спрашиваешь: «Болел?» — «Да нет, вроде не болел. Скучноватый был». Потом стали умирать дети, в особенности умственно отсталые. Спрашиваешь, а они говорят: «Нет, не болел, только просил, чтобы не стреляли». Потом, когда привозили детей после обстрелов, дети просили: «А нас обратно не повезут?» И тут я подумал: если уж дети в больницу просятся, значит, их совсем приперло. И терапевты говорят, что двум из трех больных нужно успокоительное, все жалуются: бессонница, реакция на крик, раздражительность.

В какой-то момент Салгириев понял, что и у него нервы начали барахлить. В прошлом году он уволил 63 человека из 167 работников за неявку на работу под обстрелами. Когда Шатой бомбили практически ежедневно — а продолжалось то, что Салгириев называет «активным уничтожением», больше года — главврач разрешил всем желающим уехать, но потребовал, чтобы все оставшиеся в Шатое каждый день приходили на работу. На долгое время он остался с пятью сотрудниками.

МАГОМЕД ИЗ 7 «А» НЕ БОИТСЯ НИЧЕГО

Несколько месяцев назад Гайса Салгириев обратился с просьбой к одной из французских благотворительных организаций связаться с Medecins du Monde — он слышал, что у тех есть программа психологической помощи. Вскоре в Шатой прислали Филиппа Жозюе и московского психолога Надежду Владиславову, работающую, как и психологи из «Сострадания», по технике NLP. Этой технике она сейчас обучает группу примерно из десяти врачей и фельдшеров из Шатоя и окрестных сел.

На первых занятиях Надежда Владиславова учит шатойских медработников наблюдать за пациентом, распознавать признаки различных душевных состояний. Время от времени семинар наталкивается на подводные «культурные» камни — как, например, когда Владиславова сравнивает состояние пострадавшего с легким опьянением. Выясняется, что из всех слушателей только единственный мужчина пробовал спиртное.

Лечиться, лечиться и лечиться

В перерыве между занятиями Гайса Салгириев приводит своего приятеля и просит Надежду Владиславову ему помочь. Пожилой человек жалуется, что в марте «неожиданно заболел». Произошло это, когда он вернулся в Шатой и нашел вместо красивого селения руины. «У меня жарко стало в груди и ноги онемели». Три месяца мужчина провел в постели. До сих пор он испытывает трудности с дыханием, не переносит ни жару, ни холод, и все время слышит «шесть шумов в голове — три с этой стороны и три с этой». Среди них — журчание реки Аргун и жужжание пчел. Каждый день в сумерки, когда выпадает вечерняя роса, ему становится трудно дышать.

Надежда Владиславова проводит с этим человеком около часа. С трудом они находят место, где ему приятно было бы себя представить, — материнский дом, например, не годится, он разбомблен. Наконец он представляет себя на берегу озера. С этого места он смотрит фильм о себе, ходящем по разрушенным домам. В домах — облики погибших людей. Потом он представляет их всех на одной картинке. Тем, кто его не тревожит — они оказались в более светлой части картины, — он позволяет уйти с миром. Остались двое мужчин, с которыми, судя по всему, у него не сведены счеты.

— Как вы думаете, Аллах хочет, чтобы вы их простили?

— Да, Аллах очень милостив. Я-то не помню, чем они меня обидели, но клетки моего организма помнят, и они сопротивляются. Идет борьба между двумя группами клеток.

— Давайте подождем, пока они между собой разберутся.

— У них сейчас кончилась драка и начался спор. «Ладно, — говорят, — пусть будет по-вашему».

— Это ценное прощение — то, которое дается непросто.

— А у меня в картине что-то замерцало, я сейчас выясню, что это. Это зеленый лист, не лист орешника, а в два раза больше. Он смахивает на изображение сердца влюбленного, только продолговатое. Теперь мужчины стали посветлее. Они тоже ушли в облака. А мне легко стало на сердце, в этой области. У меня такое напряжение было, начиная с ног, а теперь его нет.

Владиславова, успевшая поработать примерно с 40 людьми в Чечне, говорит, что этот случай вполне типичный, в особенности психосоматические симптомы, то есть физические недомогания как результат психической травмы. Удивительно, но всего за несколько сеансов можно «убрать» большинство симптомов. Пока, разумеется, нет долгосрочных результатов лечения, но Владиславова утверждает, что у ее московских клиентов — жертв изнасилований и увечий — результаты лечения вполне устойчивы.

Вся надежда на это. Иначе, говорит Филипп Жозюе, «можно восстановить дом, можно, кажется, зажить как раньше, но остаются незаживающие рубцы. Остается личность, недостаточная для жизни. Распадаются пары, родители ломают детей. Травмированные дети становятся взрослыми, которые никогда не найдут равновесия в жизни. Такие жертвы становятся агрессорами. Например, евреи после катастрофы, постигшей их во время второй мировой войны, стали очень жестокими по отношению к палестинцам. И война никогда не кончается». ■

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Живые мертвые

В России пока мало мест, где ветераны войн могут получить реальную психологическую помощь

Марина Перевозкина,
Максим Новиков (фото)

ТРАВМА

Большинство архангельских парней после призыва попадают в 129-й мотострелковый, так называемый миротворческий полк, который побывал почти во всех горячих точках, участвовал в новогоднем штурме Грозного. Из тех, кто вернулся, трое покончили с собой.

Я беседую с вернувшимися на кухне в квартире Рязанцевых, Татьяны Аркадьевны и Владимира Владиславовича. Их старший сын, Антон, погиб в самом начале войны. Сейчас эта маленькая квартира — центр притяжения для друзей Антона, архангельских мальчишек, с которыми он рос, ходил в школу, с которыми ушел в армию и воевал. Антон Рязанцев похоронен на Вологодском кладбище в Архангельске. Там на созданном «афганцами» мемориале уже девять новых, «чеченских», могил. С некоторыми друзьями сына Татьяна Аркадьевна познакомилась прямо там — увидит, что парень пришел на могилу Антона, разговорится, пригласит домой. Здесь за водкой, под красную рыбу, которую ловит в Белом море муж Татьяны Аркадьевны, парни слушают песни о войне, смотрят «чеченские» кассеты. Вспоминают.

Андрей Овсянников говорит, что они почти перестали встречаться с прежними друзьями. «Они нас не понимают. Если ты «чеченец» — все, — говорит Дима Вершинин. — После войны сижу как-то в компании со своими лучшими корешами. Один подходит и спрашивает: у тебя, когда выпьешь, едет крыша? Я говорю: едет, будь уверен! И этого пацана я больше рядом с собой не видел никогда». Дима не хочет никуда уезжать из Архангельска: «Плохо станет — рядом мемориал «чечено-афганский». Сяду на могилку к Антохе Рязанцеву, покурю на скамеечке. Полегче станет».

Илья Овечкин говорит, что хочет скорее забыть все, что связано с войной. «Когда я попал в госпиталь во Владикавказ, там были медсестры, они меня выхаживали. Они мне и сейчас звонят, а я не могу вспомнить, кто это. Это очень плохо. Я им стольким обязан. До войны я помнил доброту, а сейчас не помню. Хочется сходить на кладбище, но когда я прихожу туда, я плачу. А я не люблю плакать. Мне шлют письма те, с кем я служил, а я не отвечаю. Я хочу уйти от того, что произошло». Однако о том, что был на войне, Илья все же не жалеет: «Вкус жизни почувствовал». Но: «На рынок не хожу. Не могу кавказцев видеть. А до армии я считал почему-то, что кавказцы — классные люди. Я тогда не отделял чеченца от ингуша, ингуша от осетина. Кавказцы, и все. А приехал, один раз зашел за цветами, как увидел, что они стоят, торгуют цветами, даже цветы не стал покупать. Ушел».

Андрей считает, что на войне повзрослел, стал ответственнее. «Был ребенком, а стал мужиком». «Я чувствую себя человеком, который не спасовал. Пошел и сделал, что надо было сделать».

У Ильи, Димы, Гриши и Андрея пока все благополучно. Илья женился, у него родился ребенок. У всех остальных есть любимые девушки. Андрей работает водителем, Илья — мотористом на корабле, Гриша — сторожем: хотел работать в милиции, но не взяли из-за слабого зрения. Дмитрий до сих пор нигде не работает, но очень хочет попасть в милицию: «Я сейчас единственное, что умею делать, — это стрелять. Стрелять, убивать. Больше я ничего не умею».

Постановка диагноза

Человек возвращается с войны другим. Первыми это замечают самые близкие люди — родители, жена, подруга. Он взрывается от любого пустяка. Кричит и стонет по ночам. Падает на землю от звуков праздничного салюта. Боится ездить в метро и шарахается от проезжающих машин. Никогда не садится спиной к окну.

У большинства это со временем проходит. Однако примерно у 15—20 процентов расстройства психики будут настолько серьезными, что разовьются в болезнь — посттравматический синдром. Синдром формируется, когда происходит событие, непосредственно угрожающее жизни человека или окружающих, или он становится свидетелем гибели и мучений других людей.

Сотрудники лаборатории психологии посттравматических состояний Института психологии РАН, которой заведует Надежда Тарабрина, стремятся получить объективные критерии для диагностики посттравматического синдрома. Их метод основан на воспроизведении в воображении человека его прошлого травматического опыта. Предварительно с испытуемым беседуют, и на основании рассказа составляется маленький «скрипт» — сценарий, воспроизводящий травмировавшее событие. Через наушники прокручивают 11 сюжетов: события его жизни, в том числе и радостные, стандартные ситуации. Одновременно измеряют некоторые соматические показатели (температуру тела, давление и пр). Наличие стресса определяется по физиологической реакции организма на травмировавший сюжет.

Если у человека посттравматический синдром, у него обязательно проявятся хотя бы некоторые симптомы, объединенные психологами в несколько групп.

Первая — это навязчивые переживания. Внезапно на человека накатывают переживания по поводу травматического события,

Илья Овечкин, 20 лет. Воевал десантником, потом во внутренних войсках. Награжден медалью.

«Мне сначала казалось, что все как в кино. Ты стрельнул — все упали, а в тебя стреляют — все равно не попадут. И только после серьезной переделки понимаешь, что и ты можешь погибнуть... Я как-то так на этой войне прижился, уже казалось, что она везде. А когда приехал домой, так первые дни вообще из квартиры не выходил, противно было по улицам ходить. Холеных людей видеть не мог, меня аж трясло всего. Война везде! А эти холеные рожи такие наглые, спокойные ходят по улицам, как будто ничего не происходит, как будто наши парни не гибнут. Я и сейчас смотрю на этих крутых так называемых и думаю: вас бы туда отправить. Вы бы оттуда пришли нормальными людьми».

ДЛЯ МИШИ КУЗНЕЦОВА ВОЙНА ОКОНЧИЛАСЬ В КИЗЛЯРЕ

иногда спровоцированные ситуациями его настоящей жизни. Крайняя степень этих переживаний — это полное погружение, когда человек теряет связь с реальностью и начинает жить в прошлом. Один из «чеченских» ветеранов в таком состоянии с оружием в руках «захватил» в мирном городе троллейбус.

Вторую группу составляют симптомы избегания. Человек заглушает мысли всеми доступными средствами, в том числе алкоголем и наркотиками. Он перестает общаться с сослуживцами, ходить на ветеранские мероприятия, не смотрит телепередачи о войне. Один «афганец» сжег свою военную форму, которой очень дорожил. Ветеран испытывает «чувство сокращенного будущего» — отсутствие жизненной перспективы. Теряет способность любить, радоваться — он «знает», что любит жену, но с ужасом понимает, что никаких эмоций не испытывает.

Третья группа — это симптомы повышенной физиологической возбудимости: вспышки гнева, агрессивность. Сюда же относится повышенная бдительность: в помещении ветеран стремится сесть в угол — чтобы спина была закрыта.

По словам сотрудницы лаборатории Елены Лазебной, «нельзя говорить, что это расстройство излечимо. Мы можем только вывести человека в состояние устойчивой ремиссии. Посттравматический синдром обладает коварным характером. Его особенность — неожиданное проявление по истечении многих лет. Описан случай, когда у ветерана корейской войны «флэшбэк»-эффект проявился через 40 лет после событий: человек смотрел новости по телевизору и услышал звук вертолета, который замкнул патологическую эмоциональную сеть в его сознании. Со временем синдром не затухает, а наоборот, усиливается. Если его не лечить — последствия могут быть самыми страшными, вплоть до суицида. Главная проблема этих людей — они никак не могут оставить прошлое в прошлом».

Андрей Овсянников, 20 лет. Считает, что его спасло чудо. Его подразделение заняло позиции на картонной фабрике, затем войсковая колонна двинулась через картонную фабрику к площади Минутка. Снаряд попал прямо в колонну и разорвался в 10 метрах от Андрея. Брызнули в стороны куски тел. Потом узнали, что по ошибке била по колонне своя же артиллерия. Тогда за сутки вывезли убитыми и ранеными 20 человек.

Когда Грозный уже заняли российские части, взвод Андрея патрулировал район рынка. На танковом тягаче подъехали возбужденные солдаты — то ли обкуренные, то ли обколотые — и с хохотом проехались гусеницами по лоткам, по людям. В результате — четыре раздавленных тела. Оторвало ногу русской девушке, которая приехала в Грозный искать маму. «Я стараюсь об этом не думать. Слушаю музыку, смотрю телевизор. В гости хожу».

Профилактика

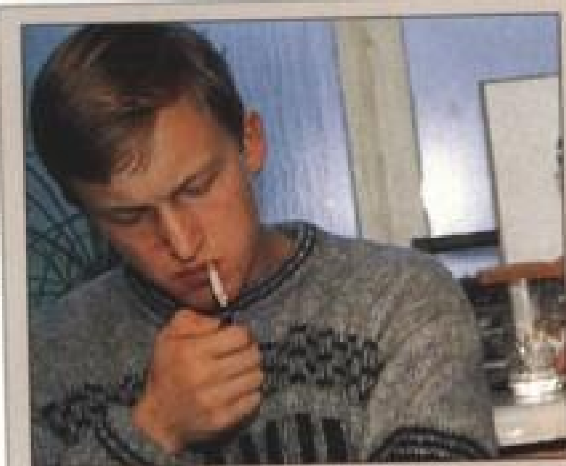
Смысл дебрифинга, метода, позволяющего предотвратить развитие PTSD, в том, чтобы человек испытал то же, что в момент травмы, но в условиях, когда угроза для жизни отсутствует. Тем самым он приобретает власть над своими эмоциями. Ведущий, психолог, проводит занятие с группой, собранной из людей, совместно переживших какую-либо травмирующую ситуацию. Оптимальное время для проведения дебрифинга — трое суток с момента критического инцидента. Дебрифинг длится полтора — два часа и проводится в условиях полной конфиденциальности.

Как рассказал научный сотрудник Академии МВД Игорь Котенев, процедура дебрифинга состоит из нескольких стадий. Первая — это стадия фактов. Каждого участника просят рассказать, что именно он видел, как действовал, какие впечатления от событий у него остались. Так восстанавливается картина происшедшего.

Вторая стадия — обсуждение. Участники рассказывают, какие эмоции испытали в момент психотравмы. Человек получает возможность увидеть себя глазами других.

Третья стадия — это стадия симптомов. Ведущий задает вопрос: что изменилось в вас? Люди рассказывают: «Я перестал спать», «Я во сне продолжаю воевать», «Я бесконечно проигрываю в уме то, что случилось».

На стадии информирования участникам объясняют, что такая реакция является нормальной — это реакция здоровой психики на экстремальную ситуацию. Психолог рассказывает, как это переживали другие люди, как течет заболевание, какова наиболее оптимальная стратегия выхода из него. В конце психолог подводит символическую черту под теми переживаниями, которые обсуждались в процессе дебрифинга, как бы оставляя их в прошлом.

Дмитрий Вершинин, 20 лет. Был ранен 28 января 1995 года при штурме Грозного. Дважды пережил клиническую смерть.

«Раньше я читал, что когда человек умирает, он всю свою жизнь вспоминает за один миг, и не верил — пока сам не испытал. В Грозном вокруг трамвайного парка стоят пятиэтажки. Одну мы заняли. Слышу, в одной квартире кричат, зовут на помощь. Забегаю туда, а там Вовчик Максимов — по дурости — сел покурить: ногами на балкон, лицом на улицу, закурил, а тут его снайпер и снял. Он откинулся назад и лежит. Замкомвзвода мне кричит: «Помогай вытаскивать!» Мы его тянем с балкона, а он за что-то ногами зацепился. Надо лезть на балкон. Тут один парень, Костя из Питера, только шагнул на балкон — раз, пуля прилетела, кровь потекла по руке. Остались мы с сержантом. А Вовчик уже зеленый весь, хрипит, стонет. Из Архангельска мы с ним вместе ехали, в одном взводе служили. И я прикинул, что если привстану — освобожу его. Перекрестился, думаю, была не была. Привстал, ноги ему освободил и буквально на секунду замешкался. Раз! Пуля в самого попала, тот же снайпер. В нескольких сантиметрах от сердца прошла. Упал на балкон. Лежу, кровью истекаю, и вся моя жизнь передо мной с детского сада минута за минутой проходит. Они там из комнаты мне кричат. Сами боятся, еще бы — три человека на одном месте положили. Ну, выполз кое-как. Сразу-то боли не было. Боль потом приходит. Перевязывают меня, а я чувствую — ну все. Говорю: ребята, отдаю концы. Один пацан, который меня перевязывал, бинт бросил, и как кулаком мне зарядил в челюсть: вот попробуй мне только, говорит, сдохни! Один из лучших моих друганов был». Через год, примерно в то же время, Дима в своей архангельской квартире внезапно, как наяву, почувствовал, что снова оказался на балконе грозненской пятиэтажки. И потерял сознание — настолько сильными и подлинными были ощущения.

«АРМИЯ БРОСАЕТСЯ «ЧЕЧЕНЦАМИ», — СЧИТАЮТ В АРХАНГЕЛЬСКЕ МНОГИЕ

Мертвый хватает живого

Прошлое нельзя изменить, но с ним можно примириться. Примирить человека с его прошлым — в этом состоит главный смысл большинства методов лечения PTSD.

Специалисты считают, что нельзя говорить о существовании универсальной методики. Метод лечения зависит от конкретных проблем человека и от характера его психотравмы. Большую пользу приносит обучение ветеранов приемам релаксации, аутотренинга, технике медитации. Американский психолог Бенджамин Колодзин рекомендовал пользоваться традиционной церемонией очищения коренных жителей Америки — «индейской баней». Он же пишет, что способы примирения с «призраками прошлого» так же разнообразны, как и сами эти события.

Игорь Котенев, который занимался реабилитацией сотрудников МВД Буденновска, рассказал, как один из них интуитивно нашел верный способ преодолеть «вину выжившего»: он сумел прийти в семью погибшего друга и рассказать, как все произошло. Мать друга сказала: «Я не могу тебя винить. Ты будешь мне вместо сына».

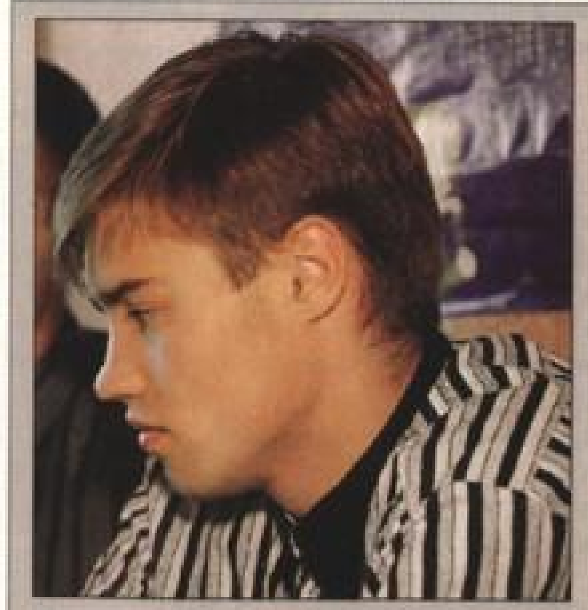
Полезно, когда люди, пережившие травму, реализуют свой негативный опыт, помогая собратьям по несчастью. Психолог в таком случае выявляет позитивный смысл происшедшего — приобретение уникального опыта. «Не пытайтесь забыть, — говорит психолог. — То, что вы пережили, будет с вами всю жизнь. Вы потеряли душевный покой, но приобрели взамен знание, которое можно реализовать в реальной жизни. Ваш горький опыт вы уже никогда не повторите, но на нем вы можете научить других».

Пока трудно представить, насколько разрушительными окажутся последствия чеченской войны для оставшихся в живых ее участников. Американцам потребовались годы, чтобы проблема стала решаться на государственном уровне и программы реабилитации вьетнамских ветеранов получили достаточное финансирование. По данным американских специалистов, к началу 90-х годов около 100 тысяч вьетнамских ветеранов не имели жилья, 460 тысяч имели конфликты с законом. Психические расстройства в разной степени имелись у 479 тысяч человек. Как выразился профессор университета имени Дж. Вашингтона Дэвид Найлз, «около 50 дивизий так и не вернулись домой и продолжают свою войну». Более 58 тысяч ветеранов к началу 90-х покончили жизнь самоубийством, столько же погибло во время войны во Вьетнаме.

В России пока мало мест, где «чеченцы» могут получить реальную помощь. Русско-американский центр программ травматического стресса в Архангельске работает в основном с профессионалами — бойцами СОБРа и ОМОНа, морскими пехотинцами. Председатель центра, врач-психиатр Марат Лукманов, разработал для Архангельской области программу реабилитации «чеченских» ветеранов. Но ее реализация, видимо, дело будущего.

Международный центр «Школа реабилитации» в Зеленограде уже несколько лет работает с «афганцами» и ветеранами из всевозможных горячих точек. Однако руководитель центра Валерий Михайловский сомневается, что центр сумеет организовать помощь ветеранам Чечни в необходимом масштабе. На такую работу просто нет средств.

По словам Игоря Котенева, посттравматические расстройства устойчивы (резистентны) к традиционным видам психотерапии, в частности, они не поддаются психоанализу. Поэтому необходимо сочетание психологических мер с медицинскими, организационными, социальными, то есть нужна специальная реабилитационная программа, государственная или ведомственная. Необходимо, с одной стороны, создание и финансирование сети медико-психологических реабилитационных центров, с другой — образование независимых общественных организаций психокоррекционного плана. Проблема осложняется тем, что ветераны не доверяют официальным структурам и боятся обращаться за помощью. Видимо, пройдет много времени, прежде чем это недоверие будет сломлено. «К сожалению, момент, когда можно было предупредить развитие у людей нежелательных последствий войны, уже упущен, — считают сотрудники Научно-исследовательского центра проблем медицинского обеспечения МВД Игорь Козловский и Вадим Никонов. — Теперь придется заниматься не профилактикой, а коррекцией уже готовых нарушений». ■

Григорий Рогалевич, 20 лет. Награжден двумя медалями. Принимал участие в новогоднем штурме Грозного, вынес из-под огня раненого товарища. Больше всего потрясен смертью друга, который во время обстрела закрыл его своим телом. «Как-то не верилось, что он погиб, ведь только что разговаривали, смеялись с ним. Раз, и нету. Дырочка маленькая в груди. Есть фотография, где мы с ним вдвоем. И получилось так, что на этой фотографии он снят спиной, лица не видно. Как назло». Войну вспоминает, но уже реже. «Кажется, что все это было во сне».

Проблемы выборами не вылечить

«Как тот такой же, так и этот, понимаешь» — два академика!

Никита Максимов

УЧЕНЫЕ

Общее собрание и выборы президента Российской академии наук завершились без сенсаций. На второй срок до 2001 года был выбран академик Юрий Осипов. Второй кандидат — академик Евгений Велихов — получил в три с половиной раза меньше голосов.

ПОБЕДИТЕЛЬ ЮРИЙ ОСИПОВ

На общем собрании РАН был предложен еще один кандидат — академик Валентин Коптюг. Однако он снял свою кандидатуру, объяснив свое решение тем, что беды академии проистекают из общей ситуации в стране, в то время как будущий президент сможет бороться лишь с частностями. Возможно, этот кандидат имел бы намного больше шансов, если бы выборы президента РАН прошли, как им и полагалось, весной этого года — до поражения на общероссийских выборах кандидата от КПРФ, членом руководства которой состоит г-н Коптюг.

Кандидатура Юрия Осипова была выдвинута Президиумом РАН 37 голосами «за» и одним «против». Выдвигать Евгения Велихова Президиум отказался (23 голоса «против» и 15 «за»). В результате его кандидатура была предложена на общем собрании академиком Никитой Моисеевым.

Противостояние Велихова и Осипова заключалось не только в том, что один уже пять лет был президентом, а другой при любом исходе выборов терял пост вице-президента, но и в разных взглядах на будущее Академии наук.

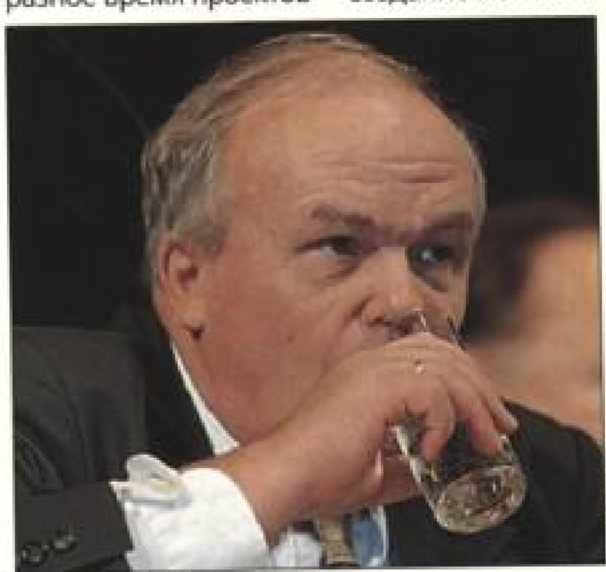
Как сказал в интервью бывший министр науки Борис Салтыков: «Драма академии в том, что любая серьезная адаптация к изменившимся условиям обязательно затронет весьма уникальные для нашего времени прерогативы высших лиц академии». РАН представляет собой удивительный гибрид государственного ведомства и общественной организации. Она руководит институтами и распределяет бюджетные деньги, но не подотчетна ни ученым, ни правительству.

Позиция Юрия Осипова отличается крайним консерватизмом: изменения могут заключаться только в суммах, которые выбиваются из правительства. Сам кандидат в интервью газете «Поиск» так излагает свою точку зрения: «Очень опасная мысль внушается народу в течение последних лет, что поддерживать нужно в основном отдельных ученых — оказывать так называемую селективную поддержку. ... Сохранение научной среды в России — вопрос сохранения науки в стране». В переводе на обычный язык это означает нормальное ведомственное желание сохранить монополию на распределение бюджетных денег.

Как выглядит на практике «сохранение научной среды», можно узнать из отчета Счетной палаты РФ, закончившей в июне проверку финансовой деятельности Президиума РАН и некоторых институтов. Оказывается, несмотря на недостаточное финансирование, Президиум РАН использовал 18 процентов бюджетных средств, предназначенных для проведения фундаментальных научных исследований, на совсем иные цели: проведение научных съездов, конференций, выставок и... увеличение расходов по содержанию Президиума РАН. Втрое превышена сумма, отпущенная на содержание служебного легкового автотранспорта. Впрочем, в отчет попали и примеры «селективной поддержки отдельных учреждений» — строительство здания вычислительного центра для Математического института имени Стеклова, который возглавляет сам г-н Осипов, было профинансировано в 1995 году с семикратным (!) превышением плановых показателей. Однако на общем собрании никто даже не упомянул об отчете Счетной палаты.

В противоположность г-ну Осипову г-н Велихов предлагал выбрать основные направления развития фундаментальной науки, на них и сконцентрировать бюджетные средства. По его оценке, при существующем уровне финансирования академия может поддержать в нормальном рабочем состоянии около десяти тысяч рабочих мест. Тем учреждениям и сотрудникам, которые не попадут в заветный список, г-н Велихов предложил заняться прикладными исследованиями и зарабатывать деньги самостоятельно.

Понятно, что такие изменения не нашли понимания у большинства из 1025 имеющих право голоса ученых. Не прибавило доверия к нему и то, что ни один из курируемых им в разное время проектов — создание магнито-

ПОБЕЖДЕННЫЙ ЕВГЕНИЙ ВЕЛИХОВ

гидродинамического генератора, сверхмощных лазеров, термоядерных реакторов, микроэлектронных приборов — до сих пор не дошел до практической стадии. А его попытка сделать свою избирательную кампанию публичной (выступления в телевизионной программе «Момент истины» и на Московском телеканале, личные письма многим ученым с изложением своей программы) только вызвали раздражение у привычных к академической келейности коллег. Академика Велихова даже обвинили в использовании средств академического бюджета на предвыборную кампанию.

Результат голосования — 777:221 в пользу Осипова — говорит сам за себя. Впрочем, как полагают многие наблюдатели, если бы даже каким-нибудь чудом победил г-н Велихов, вряд ли он смог бы реализовать свою программу в полном объеме. Скорее всего реформы свелись бы к преимущественному финансированию Курчатовского института вместо Стекловского. Успешно реформировать академию мог бы разве что барон Мюнхгаузен, однажды имевший опыт по вытаскиванию себя за волосы из болота. ■

Сколько стоит извинение

ОРТ и ВИД предлагают «Известиям» обменять любовь на деньги

Андрей Быстрицкий

СУТЯЖНИЧЕСТВО

В тверском межмуниципальном суде г. Москвы 24 октября слушалось дело по иску Александра Любимова к газете «Известия» и журналистке Ирине Петровской о защите чести и достоинства.

Суть дела проста. Некто Александр Толмачев, пресс-секретарь одного из претендентов на президентское кресло Владимира Брынцалова, в мае этого года после записи передачи РТР «Кому верить» заявил, что Александр Любимов вымогает у кандидата деньги за участие в программе «Один на один». За появление Брынцалова в эфире Любимов якобы потребовал 15 тысяч долларов. Эта история с подробностями была опубликована газетой «Известия» 21 мая. Упомянули о ней и «Московские новости».

Публикации вызвали серьезное волнение руководства ОРТ и ВИДа. Александр Любимов подал в суд на «Известия». «Московские новости» избежали преследования, поскольку сразу покаялись и извинились.

Юридически положение «Известий» проигрышное, и сами «Известия» это прекрасно понимают: газета нарушила некоторые пункты Закона о печати, в частности, распространила непроверенную и, как оказалось, недостоверную информацию. Вместе с тем у газеты есть аргументы, смягчающие вину. Во-первых, практически никто не оспаривает тот факт, что Толмачев, хотя впоследствии и отказался от своих слов, все же про деньги говорил. Тому есть свидетели, хотя бы автор «МН» Юрий Богомолов, который дважды в своих статьях ссылался на слова Толмачева. Во-вторых, существует видеокассета с записью слов Брынцалова о том, что он платил за участие в программе «Один на один». Брынцалов, правда, позже отрекся от своих слов, так же как и его пресс-секретарь.

СУДЬЯ ОЛЬГА СЕРГЕЕВА,
ИСТЕЦ АЛЕКСАНДР ЛЮБИМОВ И
ОТВЕТЧИК ИРИНА ПЕТРОВСКАЯ (ВНИЗУ)

Судья Ольга Сергеева постаралась свести дело на мировую, почти сразу после начала слушания настойчиво порекомендовав адвокатам Любимова и «Известий» заключить полюбовное соглашение. Часовое совещание сначала одних адвокатов — с глазу на глаз, а затем с участием Петровской и Любимова тем не менее успеха не принесло. «Известия» без колебаний признали свою ошибку и согласились опубликовать опровержение с указанием, что информация, предоставленная Толмачевым, оказалась недостоверной. Именно этого как будто добивался истец Любимов. Но свое согласие на мировую он обставил условием публичных извинений «Известий». «Известия» же согласились лишь выразить сожаление по поводу состоявшейся публикации. Как заметил адвокат «Известий», газета не желает на коленях вымаливать прощение.

Видимо, не чувствуя себя достаточно уверенно, Любимов отправился советоваться с Константином Эрнстом, генеральным продюсером ОРТ, и Андреем Разбашом, генеральным продюсером ВИДа. Совещание с представителями «оскорбленного «Известиями» цеха», как выразился Любимов, результата не дало.

Своеобразие ситуации в том, что никакой суд не в состоянии заставить «Известия» извиняться, равно как и выражать сожаление. Суд может в соответствии с законом лишь обязать газету напечатать опровержение, на что «Известия» сразу были согласны, и потребовать выплатить истцу ту или иную сумму в качестве компенсации за моральный ущерб. (Вряд ли она будет так велика, как требует Любимов, — 15 миллиардов.) Таким образом, Любимов предлагает «Известиям» обменять отказ от своего иска на «прошу извинить» «Известий».

Сомнительно, чтобы подобные случаи могли успешно разбираться в суде. Во-первых, потому, что само обвинение во взяточничестве несостоятельно: Любимов — не должностное лицо и, следовательно, взяток брать не может. Более того, Любимов работает в частной компании, которая в принципе имеет право строить отношения со своими партнерами как считает нужным, в том числе вправе получать деньги с кого-либо за участие в эфире — в юридическом смысле это не возбраняется, а моральный аспект предметом разбирательства в суде быть не может. Иными словами, мы имеем дело в данном случае с обвинением не в уголовном преступлении, а в нарушении журналистской этики. Во-вторых, сам факт такого процесса более унизителен для всех участников, чем любые неосторожные или даже сомнительные публикации. Уверен, что при всеобщих подозрениях в продажности ТВ судебное разбирательство только подольет масла в огонь.

Окончательные результаты будут известны в конце ноября, но в общем-то они и без того достаточно ясны. ■

Кремлевский Кубок закаляет характер

Останется ли большой тусовкой главное теннисное событие года?

Рубен Бекназар-Юзбашев

ТУРНИР

Московский турнир-миллионник (с призовым фондом более чем в миллион долларов) Ассоциации теннисистов-профессионалов — трижды кремлевский. Во-первых, почетным председателем турнира (практически с момента его основания) является нынешний кремлевский правитель, любивший побаловаться на корте со своим советником по спорту. Кроме того, в состав попечительского совета или оргкомитета турнира в разные годы входили многие кремлевские персонажи: помощники, советники и охранники президента, мэры Москвы, вице-премьеры и просто министры, спикеры Госдумы и Совета Федерации...

Во-вторых, в рамках Кубка Кремля проводится множество мероприятий для московского истеблишмента, которые получили название «кремлевские вечера»: прием в Государственном Кремлевском дворце, ужины в ресторанах VIP и супер-VIP, где приглашенные почетные гости появляются охотнее, чем на трибуне. Впрочем, когда на места для особо почетных приходят действительно важные фигуры (мэр Лужков, премьер Черномырдин, не говоря уже о самом Б.Н.), вся «ложа А» немедленно заполняется любителями лишний раз мелькнуть рядом с сильными мира сего.

Для артистического (Николай Караченцов, Максим Дунаевский или Юрий Николаев) или политического (Геннадий Бурбулис, Андрей Макаров или Александр Коржаков) бомонда в дни турнира организован турнир «Большая шляпа». Эта теннисная ярмарка тщеславия проводится лишь для того, чтобы перед основным финалом получить приз из рук кремлевских самодержцев.

И в-третьих, «кремлевскость» турнира вытекает из названия одного из его главных спонсоров: закаляющей характер «Кремлевской де люкс» бельгийского розлива.

Спортивное значение турнира несравненно ниже номенклатурного. Он проходит сразу после крупного Гран-при в Париже, в тот же период, что и турнир в Стокгольме, да еще и накануне решающих схваток лучших теннисистов мира: кубка «Большого шлема» и чемпионата ATP (Ассоциация теннисистов-профессионалов). Так что за всю историю турнира (а он проводится в седьмой раз) его ни разу не посещали «первые ракетки». Звезды помельче, входящие в первую десятку, приезжали на турнир, но никогда его не выигрывали.

МАРК РОССЕ, ДВАЖДЫ ДЕРЖАВШИЙ В РУКАХ СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК КРЕМЛЯ, НЕ ПРОЧЬ И В ЭТОМ ГОДУ ПОВТОРИТЬ СВОЙ УСПЕХ

ДЖИМ КУРЬЕ, НЕУДАЧНО СЫГРАВШИЙ В МОСКВЕ ПРОТИВ РОССИЯН НА КУБКЕ ДЭВИСА, ХОЧЕТ РЕАБИЛИТИРОВАТЬ СЕБЯ НА KREMLIN CUP

Более того, многие спортсмены приезжают на Кубок Кремля не столько ради него, сколько ради русской экзотики (перестройки, икры-водки, русских девушек и медведей на Красной площади). Об этом в приватных беседах признавались мне и Андреа Гомеш, и Марк Россе, и Серхи Бругейра, в разные годы «сеянные» (распределенные по турнирной сетке) под номером 1. Чаще всего они проигрывали в первом же круге.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда победителями Кубка Кремля традиционно становятся твердые середняки: дважды его выигрывал так и не оправдавший надежд российский теннисист Андрей Черкасов, дважды — швейцарец Марк Россе, который хоть и был олимпийским чемпионом в Барселоне, в десятку лучших так и не входил. Александр Волков и Карл-Уве Штееб побеждали в московском турнире, находясь лишь на дальних подступах к группе сильнейших.

Традиционно не везет на главном российском теннисном турнире первой ракетке страны Евгению Кафельникову...

И все же в разные годы — правда, не на вершине славы — кремлевский турнир посещали и нынешний лидер мирового тенниса американец Пит Сампрас, и «молотобоец» из Австрии Томас Мустер. Так что жаловаться, что москвичи не увидели великих, — грех. Тем более что и в нынешнем году компания получивших приглашение игроков подобралась настолько сильная, что прошлогоднему победителю Кубка немцу Штеебу не нашлось места не только среди «сеянных» участников, но и вообще в сетке основного турнира.

Наконец, истинным украшением чисто мужского Кубка Кремля стало его объединение с женским турниром из серии Гран-при «Москоу Леди Оупен», на который собрались многие сильнейшие теннисистки мира и который даже почтила своим присутствием Штеффи Граф — номер 1 WTA (Женская теннисная ассоциация). Правда, играть из-за травмы она не могла, но зато пополнила ряды любителей русской экзотики.

Мэр и мэтр

Слаженный тандем Лужков – Церетели украшает нашу жизнь

Семен Файбисович

ИНВЕКТИВЫ

21 июня 1996 года указом президента России Юрию Михайловичу Лужкову и Зурабу Константиновичу Церетели в составе авторской группы была присуждена Государственная премия РФ в области литературы и искусства за 1995 год за мемориальный комплекс «Памятник Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» на Поклонной горе. Авторы выдвинуты на соискание премии правительством Москвы.

Сегодня во всем цивилизованном мире главные в пластических искусствах — те, кто курирует, определяет и решает. Но если кураторы и критики — генералы демиургии, то Юрий Михайлович — генералиссимус, поскольку в одном лице и главный критик, и главный куратор, и главный идеолог, и главная власть в Москве. Зураб Константинович — его ведущий автор-исполнитель. Поклонная гора стала первым впечатляющим примером их сотрудничества.

Размах монументально-пластической деятельности в сегодняшней Москве и роль в ней городского головы напоминают Флоренцию времен Медичи. Есть, однако, и различия. Флорентийское чудо — это гениальные художники, расплодившиеся на ренессансной почве, плюс правители, оказавшиеся среди наиболее культурно ангажированных людей своего времени. В Москве культурный запрос власти и художественный ответ мастеров тоже вещи связанные, но на другом уровне.

В застойные времена государственными были и искусство, и его творцы, и сознание секретарей всех уровней. Обкомовская, горкомовская и райкомовская «монументалка» была такой, какой была, не оттого, что кому-то нравилась, — она соответствовала Идее, некому паритетному представлению о том, какой она должна быть. Обезличенность результатов такого консенсуса очевидна и естественна. Общее дело усреднения делали и жюри конкурсов, и художественные, градостроительные и прочие творческие советы, старательно обрубая все, что торчало поверх или свешивалось ниже прокрустовых параметров.

Теперь время приватное. Одни приватизировали госсобственность, другие — госидеи и госвкусы (горидеи и горвкусы). Культурный уровень власти не изменился, но она перестала его стесняться. Он стал ее личным делом. Государственные художники тоже стали личными, как вкусы, парикмахеры или шоферы. Соответственно изменился алгоритм взаимодействия. Сколько конкурсов было по Поклонной горе в поздние застойные годы — никак выбрать не могли, а решило все лужковско-церетелиевское «вась-вась» — как потом и многое другое в Москве. Слаженный тандем динамично претворяет свой согласованный вкус в эстетическую среду нашего обитания.

Авторитет

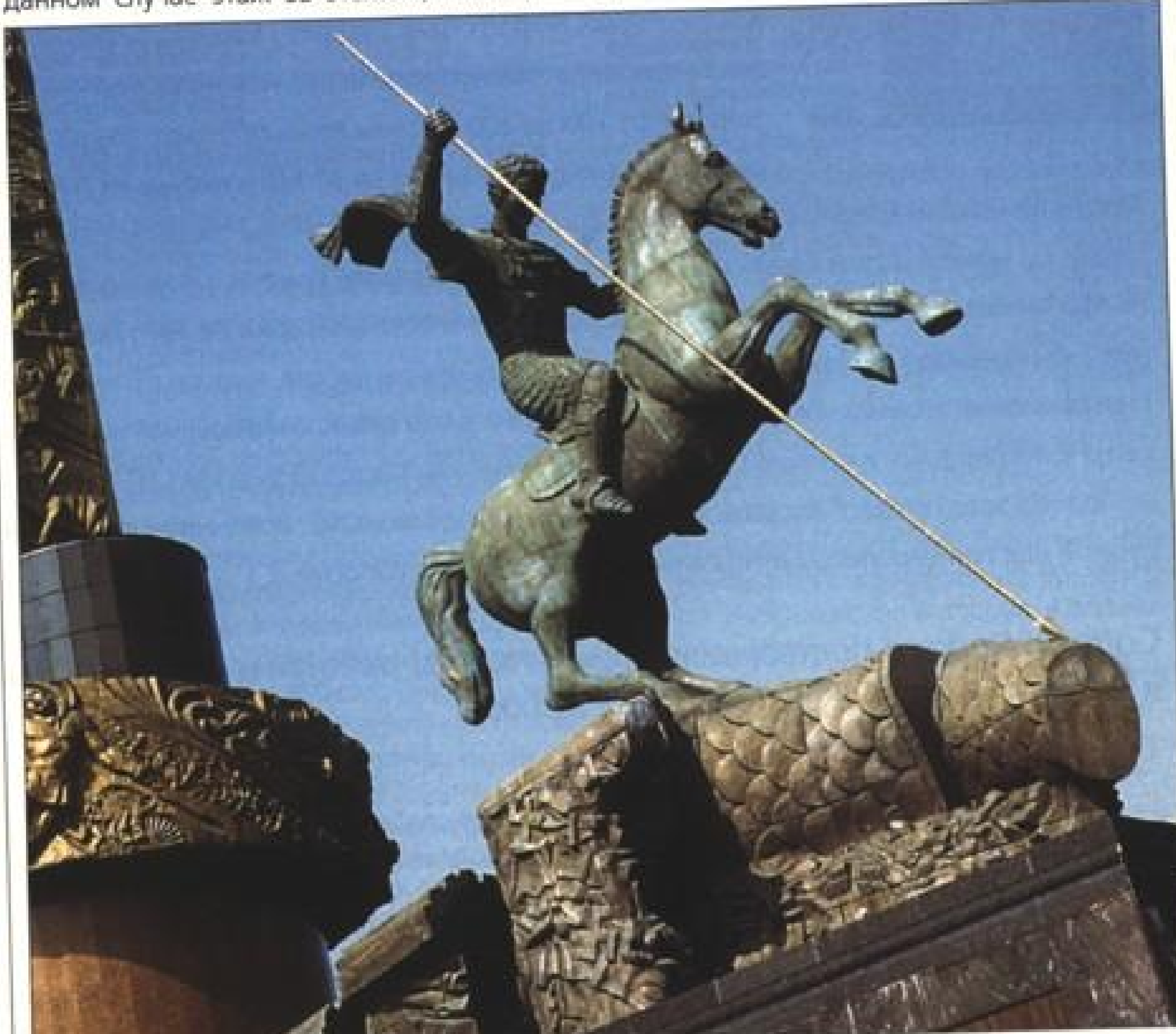
Согласно легенде, известный московский архитектор Феликс Новиков в кабинете Гришина отгрызал зубами верхние этажи макетов зданий своего ансамбля на Новокировском проспекте до полного удовлетворения первого секретаря. Это образ прежних отношений искусства и власти, когда власть умеряла (в данном случае этаж за этажом) амбиции творцов. Сегодня творческие амбиции демонстрирует уже власть: недаром молва приписывает Лужкову авторство всех глобальных проектов в городе (строительство храма Христа Спасителя, реанимацию умершей было затеи с мемориалом на Поклонной горе, сооружение торгового города под землей на Манежной площади и т.д.).

Наиболее интригующим обстоятельством, связанным с реализацией всех (кроме, пожалуй, храма Христа Спасителя) суперпроектов и квазиреконструкций, продвигаемых и курируемых мэром Москвы, является неизменное присутствие в качестве главного или единственного художника Зураба Церетели. При попытках уяснить, какой конкретный механизм каждый раз выбрасывает наверх Церетели, мои собеседники-проектировщики советовали сначала надеть бронежилет.

Во всяком случае ни конкурсы, ни независимая экспертиза, ни публичное обсуждение не предваряют масштабную, а порой и градообразующую деятельность монументалиста. Оторопелым горожанам лишь радостно рапортуют то о зверушках на подземной набережной Неглинки, то о хрустальной часовне возле того же подземелья, то о монстре, выросшем, как в фильме ужасов, у них на глазах напротив Крымского моста.

Одно из объяснений этого феномена дает сам Юрий Михайлович: охотно подыгрывая легенде о «новом Петре» — главном архитекторе, художнике и строителе новой столицы, он мотивирует свою самодержавную безапелляционность тем, что пользуется советами и консультациями наиболее крупных и признанных художественных авторитетов, таких как Церетели, Глазунов, Михалков. Похоже, Церетели своим творческим авторитетом дает мэру право обо всем судить и все решать, а Лужков своей властью и решениями дает Церетели санкцию быть везде главным или единственным, творить все, что тот захочет и как ему вздумается. То есть если кто-то и может убедить мэра, то только мэтр, а если кто-то может поправить мэтра, так только мэр.

ЧУДЕСНАЯ РАЗДЕЛКА ГЕОРГИЕМ ЗМИЯ (МЕМОРИАЛ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ)

СЕМЕН ФАЙБИСОВИЧ

Города цивилизованного мира украшались и украшаются произведениями Мура, Колдера, Шагала, Дюфи, Серра и им подобных (Бродского и Уткина, между прочим), а у нас даже Неизвестный и Шемякин на фоне дилетантских поделок и возмутительных по наглости и бездарности затей Церетели воспринимаются почти микеланджелами и донателлами.

Взаимосвязь

Страны, более других увлеченные строительством мемориалов славы и побед, более других и воюют. Не скажешь наверное, где здесь курица, а где яйцо, но факт — в свое время югославы превзошли всех в увековечении своей партизанско-антифашистской славы, а теперь можно начинать по новой.

И Россия (СССР) не устает увековечивать свои военные подвиги. Храм Христа Спасителя ведь тоже изначально — монумент победы. А в преддверии его повторного строительства в вагонах метро был расклеен призыв такого содержания: «Соберем средства на Храм Христа Спасителя — православную святыню, памятник боевой славы русского оружия».

Империям пристало самоутверждаться таким образом — и Рим, и Лондон забиты свидетельствами триумфов, но у них остались в прошлом не только сами триумфы, но и желание отлить их в зримые формы на все времена.

Плач по худсовету

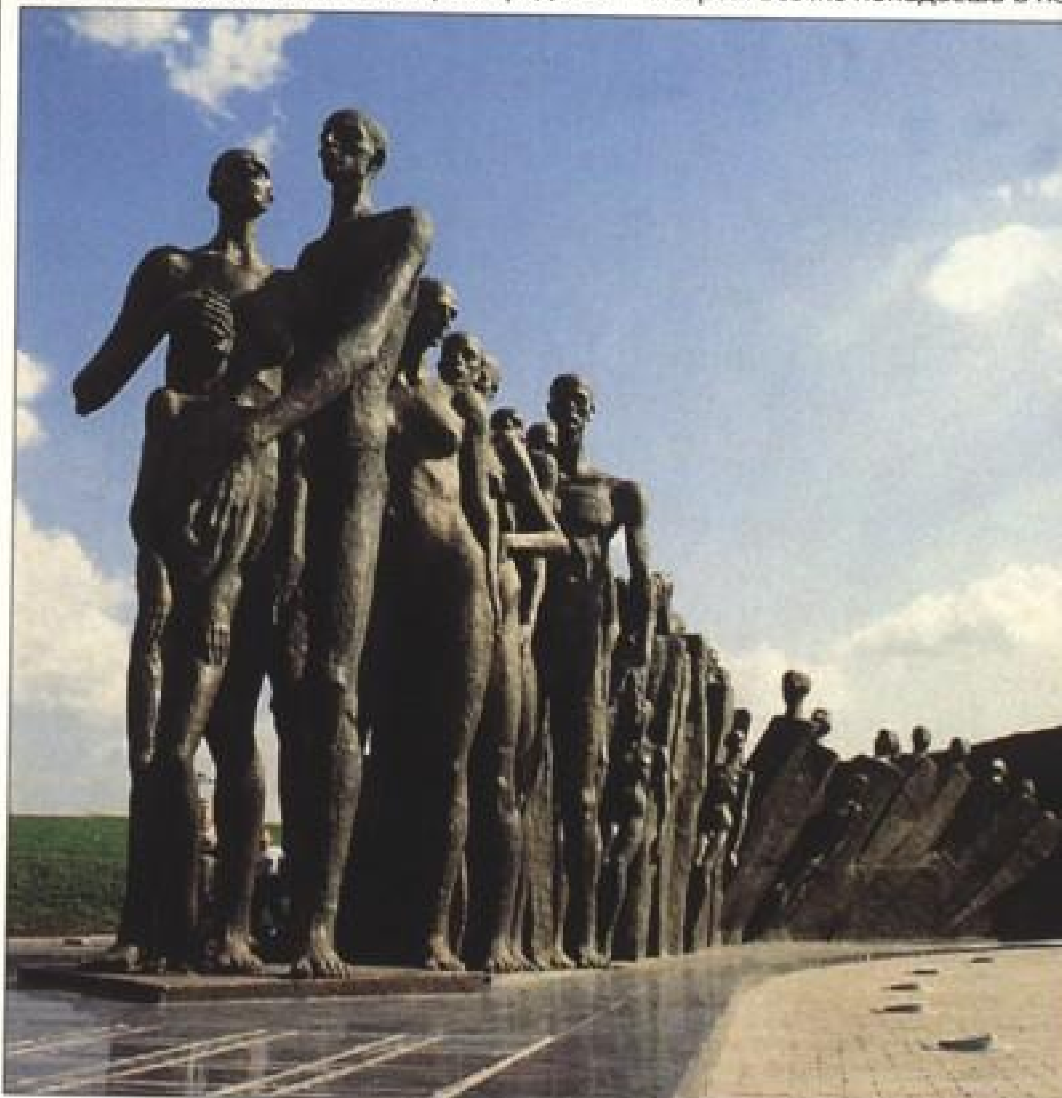
В результате строительства мемориала собственно Поклонная гора превратилась в холмик, увенчанный циклопическим штыком. По этому холмику струятся гранитные лестницы, но ходить по ним уже нельзя: наверху — милиционер, а у основания — милицейские табельные ограждения. Фотографировать в интерьерах музея можно теперь только за приличную мзду. Административное запретительство, расцветающее на объекте, вполне логично — он на глазах превращается в заповедник советского духа. На двери храма, входящего в мемориальный комплекс, объявление: «В субботу после литургии состоится общее соборование».

Пространство мемориала антигуманно не только своими подавляющими физическими параметрами и неосвоенными протяженностями. Оно принципиально устроено как парадный вход, через который нельзя войти: на всем пути следования по его центральной оси что-то лежит, стоит или торчит. Войдя в помещение музея, тут же оказываешься перед запертым парадным входом в главный вестибюль, а когда сложным обходным маневром все же попадаешь в него и по центральной лестнице устремляешься в зал Славы, опять натыкаешься на поделки Церетели. Эта система пробок и заглушек вполне последовательно заявлена и на смысловом уровне: основной композиционный узел с гарцующим Георгием, торчащим штыком и наколотой на него аллегорией победы является одновременно главной и наиболее выразительной затычкой.

Идентифицировать все изделия и решения с фигурой конкретного автора, разумеется, не следует — Церетели, как известно, давно уже не имя, торговая марка, название мощнейшей корпорации, в которой трудятся тысячи исполнителей, задействованы огромные производственные мощности и материальные ресурсы, обращаются денежные средства, исчисляемые, судя по всему, сотнями миллионов долларов. Однако мы имеем право оценивать эстетические результаты независимо от способа их достижения. Хотя оценить их непросто, и в голову закрадывается кощунственная мысль: «Эх, худсовет бы сюда — ну хоть добрый, старый, застойный худсовет». Там бы по крайней мере спросили, как это Георгий умудрился тонюсенькой пикой толстенную змеюку в краковскую колбасу порубать и отчего люди в памятнике жертвам войны идут на смерть задом?

С позиций крутого постмодерна, который тоже охотно пользуется кичевыми приемами, а также занимается всевозможными спекуляциями и проповедует эстетическую позицию «чем хуже, тем лучше», комплекс на

СКОРБЬ ПО ПРИНЦИПУ «ДОМИНО» (МЕМОРИАЛ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ)

СЕМЕН ФАЙБИСОВИЧ

СЕМЕН ФАЙБИСОВИЧ

Поклонной — весьма продвинутая вещь. Но в этом качестве его некому оценить, кроме узкой тусовки. С неспекулятивной же точки зрения церетелиевский наворот воспринимается скорее как род советского пластического попурри, чем как постмодернистский коктейль. Причем попурри, исполняемое авторами, которым медведь наступил на их коллективное ухо. Графоманское воспроизведение Большого Стиля обернулось пародией на него.

Наверное, в логике консервации имперского духа стиль «ностальжи» был бы уместен, но именно стиль — вторичность при отсутствии рефлексии и иронии может взять только вкусом и чувством гармонии. Однако основные пластические узлы комплекса отчетливо диссонируют и разваливаются изнутри. Чего стоит, скажем, каша из стилей, материалов и технологий на бугре со штыком: Георгий внизу тяготеет к условной и духовной иконописной традиции (непонятно только, зачем коню в таком случае гениталии и отчего так мясист дракон), аллегория победы наверху — к витальной греческой, а давленые рельефы самого штыка вполне советского происхождения. К тому же все три скульптурных элемента выполнены из металлов разных цветов. Облицовка основания штыка вертикальными полосками коричневого и черного камня с некоторого расстояния (ближе которого не подобраться) сильно напоминает керамический «кабанчик», которым лет двадцать назад было модно обкладывать цоколи непрестижных домов и стены общественных сортиров.

Художественные решения интерьеров музея то перепевают метрополитеновские мелодии, то вдохновляются достижениями выставки достижений, но совершенно пренебрегают горячо любимым советской монументалкой понятием «пластическое единство».

Прямые и вариативные повторы — вполне законный прием при таких масштабах и насыщенности узлов. Однако ни цельности, ни ритмической организованности, то есть того, к чему они призваны, они не обеспечивают (исключение составляют гранитные тумбы по основной оси променада, символизирующие годы войны). В остальных случаях решаются внеположенные задачи. То какая-то «придумка» так нравится автору, что он не может остановиться, дополняя, например, центральную скульптуру Георгия Победоносца (кстати, точно такая же стоит у здания ООН в Нью-Йорке) двумя рельефами на ту же тему: одним над входом в церковь — другим на той же стенке изнутри, да еще двумя конями в той же позе по краям входного объема главного здания. То он, как в случае с натуралистической напольной пластикой, откровенно халтурит и, наотливав множество совершенно одинаковых ушанок с оттопыренным ухом, ушанок с прижатыми ушами, валенок, ботинок, туфелек без оторочки, туфелек с оторочкой и т.д., живописно разбрасывает их по двум большим растекающимся кучам вокруг как бы снявших все это людей. Фигуры людей при этом решены в стилистике и масштабе совершенно иных, чем их одежда. Они похожи скорее на зачем-то раздетых роденовских «Граждан города Кале», чем на пластические версии советской скорби.

Ангелы, густо заполняющие пространство второго света храма Георгия Победоносца (всего в тесном интерьере их 68 штук, 56 из них крепятся на кольцах люстры), несут перед собой непомерные фаллообразные светильники. Своей крупностью, навязчивостью и кружением они напоминают слепней и по ощущению скорее приближаются к видениям белой горячки, чем к крестной силе. А вот рельефы на трех гранях штыка-шпиля умиляют: кажется, что авторы решили поиграть с детьми в «найди отличия» (по худфондовским расценкам вариации существенно дороже прямых повторов).

Всегда под рукой

Рядом с размашистой деятельностью Церетели московский пластический новодел других авторов — памятники Высоцкому, Есенину, Жукову и т.д. — ощущается как ее метастатические проявления. Нам объясняют, что мы сегодня бедны и беспомощны, и только Церетели с его неукротимой энергией, блестящими способностями организатора и умеренным аппетитом может решать поставленные временем задачи. Одновременно множатся трогательные истории о бескорыстии и душевной широте жизнелюбивого маэстро.

Выходит, дело обстоит так: на удовлетворение идейно-духовных и эстетических задач, поставленных временем и властью, власть средств не жалеет. Но этих средств недостаточно, да к тому же не хватает времени, чтобы публично обсудить все затеи, гласно и квалифицированно отобрать на конкурсной основе лучшие решения и качественно реализовать их. Поэтому власти приходится все решать самой, а для претворения решений в жизнь пользоваться услугами одного и того же лица, которое всегда под рукой. Как в анекдоте про камбалу, которая все время каким-то чудом оказывалась на советских рыбных прилавках в одиночестве: для завоза судака, карпа и трески каждый раз транспорта не было. «А что, эта одноглазая б... к вам пешком ходит?» — вопрошал в конце концов изумленный покупатель.

Может, все же надо было немного потерпеть — подождать, когда будут силы и средства сделать как следует что-нибудь путное на земле, под землей или на суше, героически отвоеванной у Москвы-реки? Чтобы грядущим поколениям не пришлось свозить куда-нибудь и эту стыдобу. И, может, не стоило так уж сразу, почти без исторической паузы, снова поощрять тягу власти к художественному творчеству и наградам за него? Тем более что она еще менее, чем прежняя, стесняет себя формальностями — и сама себя выдвигает, и сама себе дает.

ПОДЗЕМНАЯ ЗВЕРУШКА С НАБЕРЕЖНОЙ НЕГЛИНКИ

ИГОРЬ ГАВРИЛОВ

«МЕДНЫЙ КОРАБЕЛ» — МОСКОВСКАЯ ВЕРСИЯ

ИГОРЬ ГАВРИЛОВ

Архаичная рок-опера и современный XIX век

Новые московские спектакли: «Игра» в Театре имени Моссовета и «Месяц в деревне» в Мастерской Петра Фоменко

КАК УВЕРЯЮТ СОЗДАТЕЛИ, **В ОСНОВУ СЮЖЕТА «ИГРЫ»** ПОЛОЖЕНЫ РЕАЛЬНЫЕ ФАКТЫ

Дина Годер

ПРЕМЬЕРЫ

Старая-старая песня

«Игра» в Театре имени Моссовета — богатый спектакль: герои постоянно меняют костюмы, висячая часть декорации двигается, не скрипя и не заедая, радиомикрофоны работают отлично. Произведение, жанр которого определен как «музыкальный матч в 2-х действиях», представляет собой фантазию на темы песен «Битлз», «АББА» и «Джетро Талл», объединенную сюжетом «о грязном мире шахматных интриг» (музой тут, вероятно, была АББА со своей оперой «Шахматы»). Поскольку разговаривают здесь только под музыку, то, видимо, следует считать «Игру» оперой. Это второй опыт в подобном жанре главного режиссера Павла Хомского после его постановки «Иисуса Христа — суперзвезды».

Поразительно, что спектакль, один лишь набор авторов которого должен по идее заставить впасть в ностальгию, совершенно не дает такой возможности. Он напоминает только одно — спектакль о «загнивающем Западе» в советском театре конца семидесятых. Например, «Агент ОО» по Генриху Боровику в Театре Маяковского. Никто уже не скажет, в чем там была интрига, но вспомнят девиц, зазывно качающих бедрами, и эффектную Мадам в исполнении Гундаревой. Вот и в «Игре» — словно время остановилось — метафорические фигуры без имен: Чемпион, Претендент, Менеджер, Секундант, Репортер. Снова девушки качают бедрами, а костюмы откровенны, снова кордебалет напирает, дружно ахает и вопит, изображая восторг толпы, снова противоборствующие команды эффектно сходят по центральной лестнице: одни в черных костюмах, другие в белых — очень символично. Снова полковники глупы и надуты, гладкий Менеджер, танцуя, выписывает чек, а главный интриган коварен, как дьявол, властолюбив и падок на деньги. Короче говоря — анахронизм.

Здесь стоит вспомнить о другой премьере, столь же анахроничной. «Трехгрошовая опера» в Театре сатиры поставлена, как комедия в провинциальном театре пятидесятых, небогато, по-домашнему: кто рожу скорчил, кто заорал, выпучив глаза, кто голую задницу показал — вот и посмеялись. Умиляет, что есть еще публика, которую это веселит. Спектакль несовременен настолько, что даже суперактуальный текст Брехта о временах «дикого капитализма» не приходит в голову принять на свой счет. Но в архаике этого спектакля есть простодушие, он не кичлив и выглядит рядом с моссоветовской «Игрой», как сиротское платьице фабрики «Большевичка» рядом с люрексовым турецким ширпотребом.

Вернемся к «Игре». Есть новость: героев здесь два. Чемпион (его играет Олег Казанчеев с «Таганки», он же поет в этом театре Иисуса) и Претендент (Валерий Сторожик). Оба молодые, эффектные, голосистые и очень духовные. Претендент более лиричен, чем сразу покоряет девушку Чемпиона, зато Чемпион склонен к страданиям, за что его полюбила девушка из команды Претендента, у которой в прошлом бордель, наркотики и тюрьма, но душа по-прежнему — голубь. Естественно, на третьей минуте спектакля красотки уже готовы поменяться местами. Впрочем, Бог с ним, с сюжетом, от него можно отвлечься, но невозможно не слышать текст, раз уж поют по-русски. Признаюсь, думала, что в конце девяностых обороты типа «судьба коварная», «жизнь жестокая», «наши разошлись пути», «ты однажды поклялась мне — смерть разделит нас» употребляются только в пародиях или в блатной лирике.

Музыкант на мотив какого-то хита поет душераздирающую балладу о детстве Чемпиона: о мальчике из бедной семьи, брошенной отцом. Матери сын только мешал — она водила «гостей», а ребенок, страдая за стеной, утешался шахматами:

«Сжальтесь над матерью несчастной,
Ведь она, сына оттолкнув,
Медленно шла ко дну...»

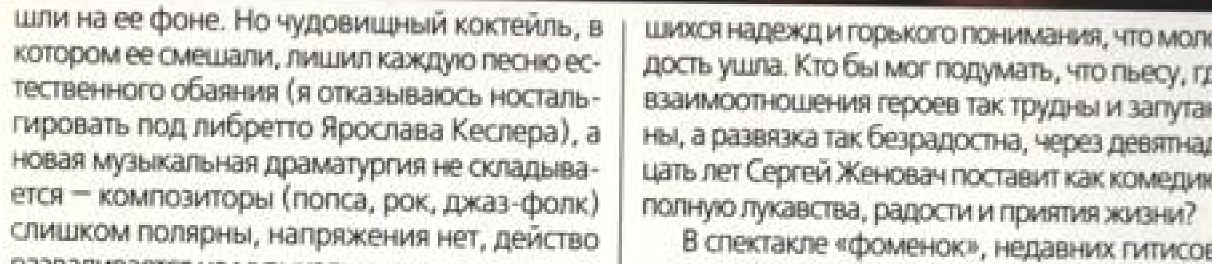
Невольно вспоминается репертуар попрошайки из «Трехгрошовой»: *«Мне с юных лет не везло, мать у меня пьянчужка, отец игрок...»*

Центральная сцена спектакля — шахматный матч — ложится на какую бы вы думали музыкальную тему? На хит моего детства «Шизгару». Естественно, с новым текстом.

Не знаю, как для режиссера (все-таки ему за семьдесят) и для подросткового кордебалета, но для актеров музыка, которая звучит в этом спектакле, не может быть чужой. По крайней мере лет двадцать нашей биографии связаны с ней. У меня-то вся подростковая бурная жизнь, все студенческие взаимоотношения: влюбленности, обиды и прочее — прошли на ее фоне. Но чудовищный коктейль, в котором ее смешали, лишил каждую песню естественного обаяния (я отказываюсь ностальгировать под либретто Ярослава Кеслера), а новая музыкальная драматургия не складывается — композиторы (попса, рок, джаз-фолк) слишком полярны, напряжения нет, действо разваливается на музыкальные номера.

Герои поют не хуже профессионалов, прочие тоже мимо нот не попадают, гремит музыка, записанная оркестром Большого театра, кордебалет пляшет, как угорелый, а все равно ощущение, что динамики нет, все вяло, мертво, даже усыпляюще — несмотря на громкость. Нет, коммерческого провала не будет: уже, говорят, забили зал верные девочки-поклонницы «Иисуса», уже учат слова песен и засыпают цветами Казанчеева со Сторожиком. Дай им Бог, но обольщаться на счет искусства все же не приходится.

ЛЮБОВЬ В ЭТОМ СПЕКТАКЛЕ ЗАКРУЖИЛА ВСЕХ (НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА С РАКИТИНЫМ И ВЕРОЧКОЙ)

Любовь — это весело

Премьеру тургеневского «Месяца в деревне» Мастерская Петра Фоменко играет на сцене дома культуры «Каучук». Конечно, обшарпанная клубная сцена и не приспособленное для театра освещение постановку не украшают, но лучше всего этот ясный и чистый спектакль смотрелся бы вообще не в театре, а в естественной декорации какой-нибудь усадьбы, на траве или в беседке. Часть подобной беседки и выстроена на сцене «Каучука».

Не одно поколение театралов оказалось в плену самой знаменитой постановки этой пьесы — спектакля Анатолия Эфроса в Театре на Малой Бронной, его лирической печали, несбывшихся надежд и горького понимания, что молодость ушла. Кто бы мог подумать, что пьесу, где взаимоотношения героев так трудны и запутанны, а развязка так безрадостна, через девятнадцать лет Сергей Женовач поставит как комедию, полную лукавства, радости и приятия жизни?

В спектакле «фоменок», недавних гитисовских выпускников, все так молоды, что история об учителе, невольно смутившем покой женщин в старой усадьбе, приобретает совершенно новый характер: у молодых другой темперамент, другой темп жизни, другая откровенность. Здесь все чувства, все поступки — радость, разочарование, хитрость, обман — бурны, открыты и доведены до конца. Там, где у Тургенева отношения лишь намечены, в спектакле все предельно ясно: у автора — «протянул руки», в спектакле — страстный поцелуй.

Наталья Петровна влюбляется мгновенно — вспыхивает, как спичка, она не может и не желает этого скрывать, манит и наступает на оробевшего Беляева, словно Мамаева на Глумова в пьесе Островского. Галина Тюнина невероятно смешно играет взбалмошную красавицу, придумавшую себе от надоевшего поклонника новую любовь и требующую, чтобы она осуществилась немедленно. Да и Ракитин в исполнении Рустэма Юскаева — не благородный, все понимающий умник, а недалекий добродушный болтун с интеллигентской манерой рефлексировать. И прав желчный доктор Шпигельский (Карен Бадалов), когда говорит, что Ракитин для Натальи Петровны не опасен: «Больно умно говорит. У кого сыпью, а у этих умников все язычком выходит, болтовней».

Учитель Беляев у Кирилла Пирогова совсем молоденький, словно щенок: руки-ноги вразлет, смесь неловкости и самоуверенности, милое мальчишеское обаяние и полная открытость; а Верочка у рыжеволосой Полины Кутеповой нежна, застенчива, легко краснеет. Их парные сцены — начало подросткового романа, где каждое незначащее слово наполняется особым смыслом, где улыбки, жесты, взгляды — все об одном, где смешаны лукавство, робость и боязнь спугнуть друг друга.

Этот спектакль только о любви. Всех она закружила, сбила, затуманила голову. Здесь все неспокойны: и веселая крестьяночка (Мадлен Джабраилова), и набриолиненный немец-гувернер, и заторможенный, как истукан, сосед-помещик (и немца, и соседа играет Тагир Рахимов), и очаровательная хохотушка Лизавета Богдановна (Ксения Кутепова — вторая из знаменитой фоменковской пары рыжих близняшек). Разволновали даже простоватого, добродушного и трогательного мужа Натальи Петровны (Юрий Степанов).

Спектакль Женовача угадал и зафиксировал смену эпох. Тоска, угасание, безнадежность остались в прежней. В нынешней — приятие жизни и отсутствие страха перед ней. Прошел всего лишь месяц в деревне, бурный эпизод, кому-то изменивший судьбу, кому-то просто разнообразивший отдых. Но трагедий нет: каждый сделал свой выбор сам, и впереди вся жизнь, полная все тех же страстей: обольщений, невольного коварства, расставаний. Нужно только, чтобы она подольше не кончалась. ■

Наркотик дизайна

Андрей Логвин: «Нас объединяет слепой фанатизм»

Илья Ценципер

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

По непроверенным данным, на столе у Черномырдина стоит логвинская открытка «Не важно какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». Совершенно точно известно, что Андрей Логвин получил Золотую медаль Варшавской биеннале в Музее плаката в номинации «коммерческий плакат», где русские работы никогда даже не обсуждались. Международная биеналле в Варшаве для плаката то же, что для кино — Канны. В 1968 году Золотую медаль биеннале в номинации «коммерческий плакат» получил Энди Уорхол. Логвин нашел свой стиль и мало-помалу приобретает признание за пределами профессионального московского круга.

У большинства обладающих собственным стилем графических дизайнеров есть набор характерных формальных приемов. У Логвина, кажется, нет композиционных пристрастий. Стиль Логвина — точность. Обычно, глядя на профессионально сделанный плакат, можно «размотать» ход мысли автора, идущего от общего (задача) к частному (решение). В лучших работах Логвина ничего не «разматывается», потому что он предлагает идеально точное решение. «Настоящий плакат — как окно: закрываешь глаза и на сетчатке остается светящийся образ», — говорит Логвин. Плакат перестает быть «решением» и начинает быть чем-то большим. Искусством.

ДОСЬЕ

Андрей Логвин
1964 — родился в селе Ипатово Ставропольского края.
1987 — окончил Московское художественное училище памяти 1905 года, отделение «Промграфика».
1990—1991 — арт-директор ИМА-Пресс.
1991 — организует студию «Логвиндesign».
С 1992-го сотрудничает с «LiniaGrafic».
1995 — Гран-при «Золотое яблоко» V Московского фестиваля рекламы.
1996 — Золотая медаль XV международной биеннале плаката в Варшаве.

— Есть ли стиль «Логвин»?

— Смотришь вокруг: всего так много, все такое разное — и хочется всякий раз сделать работу по-другому. Хочется каждый раз быть адекватным новой задаче. Я, конечно, сам себе рою этим могилу, поскольку больше всего ценится стилевое единство. А у меня его нет.

— То есть у тебя нет фирменных отработанных приемов?

— Нет. Приемы — это плохо. Все дело в озарениях. А они случаются, если только постоянно следовать принципу обновления, известному по восточной философии.

— А как происходят озарения?

— К тридцати годам я понял, что максимальный эффект достигается максимальными затратами времени. От потраченного времени зависит энергетика вещи. Бывает, что-то сделаешь, самому нравится, идут недели, и когда остаются буквально часы до сдачи — вдруг молния залетает, и понимаешь, что не хватает какой-то точки. Бывает, приходят друзья и говорят: «Что ты мучаешься, ты всех уже забодал, это же классно!» Вроде они правы, но какой-то червячок ест, думаешь: нет, что-то не так. Поэтому иногда выскакивают из меня вещи, которые можно нескромно назвать классным дизайном.

— То есть твои лаконичные вещи долго делаются? Например, плакат ко Дню Победы?

— Это очень простая вещь. Образ возник сразу. Это воспоминание из детства. Что такое война? Для меня это не Парад Победы, а родственники, которые собирались и поминали погибших. В любой войне нет ничего, кроме печали. Победа — это миллионы трупов.

— Плакат где-то расклеивали?

— Сделали большой тираж. Но ребята из Департамента печати сказали, что плакат оскорбит чувства ветеранов. Ну я взял и сколько-то сам расклеил.

— И что, обижались?

— Я клеил где-то у метро, ко мне подошел дед с тремя орденами Славы, долго смотрел — думаю: «Сейчас клюкой меня по башке стукнет» . А он говорит: «Ну, спасибо тебе, сынок». Я говорю: «За что?» «А я еду, смотрю, «Херши» клеят, суки, перед праздником Победы».

Так и лежит тираж на складе, а это неправильно — плакат должен жить. Не хочу говорить о чиновниках: за последние двадцать лет ничего не изменилось. Когда-то я сделал плакат для Московского международного марафона мира — сфотографировал свои стоптанные кроссовки, а на них голубь сидит. В Московском комитете по физкультуре кто-то из начальников спросил: «Собственно, почему голубь, что художник этим хотел сказать?»

— Тебя больше интересуют плакаты или логотипы?

— Есть два темперамента: одни, например Михаил Аникст, могут копаться, долго делать какую-нибудь страницу, на которую без слезы восхищения я смотреть не могу. А есть другие, например я. Я копаться не могу, потому что в процессе теряю что-то важное. Мне нужны как раз озарения. И поэтому я люблю делать плакаты и открытки. Приятно, что началась мода на открытку. Пять лет назад я делал по открытке для себя, для друзей и для «LiniaGrafic», а сейчас к Новому году просто вал заказов, к Рождеству делаю штук по семь заказных.

— Как ты оцениваешь нынешний русский дизайн?

— Раньше казалось, что японцы недосягаемы — сейчас... у нас все очень крепко. Московский круг, человек десять, сейчас вполне на мировом уровне. Я приехал в Варшаву — там все в недоумении: «Откуда это у вас взялось?» Не было, вдруг — бах! Все русские работы на биеннале были, по-моему, просто замечательные: Лены Китаевой, Юры Суркова, Володи Чайки, Андрея Шелютто, Владимира Цислера.

— Что вас объединяет?

— Слепой фанатизм. А стилистически — ничего.

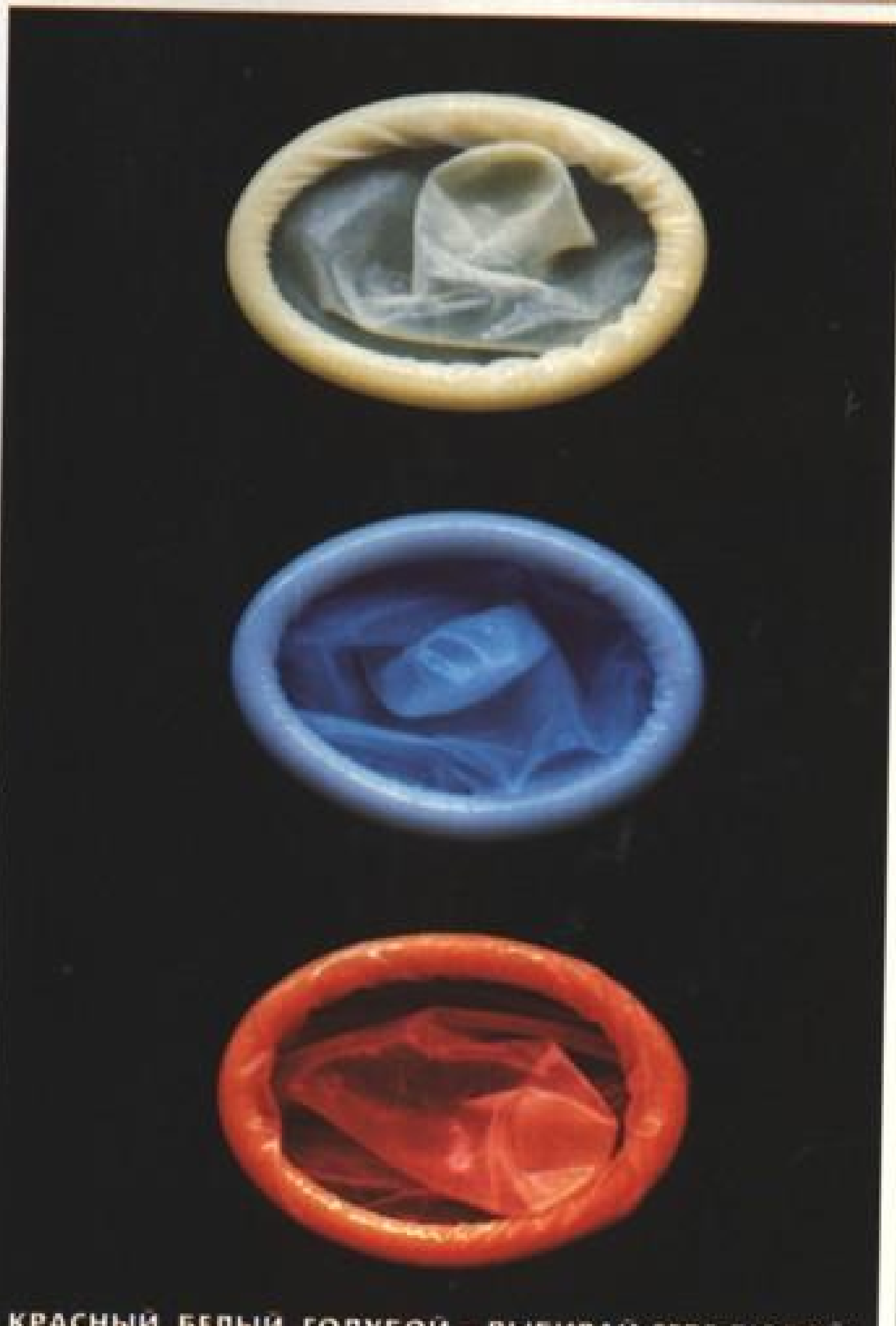
— Новый уровень русского дизайна связан с появлением спроса?

— Не только. Шло накопление профессионального потенциала. Мы потихоньку стали ездить, смотреть, схватывать... Ведь к качеству можно прийти только одним путем — складывать книжки на полку. Когда полка обрушится под их весом, появится новая книга — твоя. Что касается спроса, то лучшие вещи делаются все-таки для друзей, которые платят мало или вообще платить не могут.

— Тебе трудно находить общий язык с теми, кто платит?

ОТКРЫТКИ К ПРЕЗИДЕНТСКИМ ВЫБОРАМ-96 (ВВЕРХУ И СПРАВА).
РЕКЛАМНЫЙ ПЛАКАТ ДЛЯ ФИРМЫ «LINIAGRAFIC» К ВЫСТАВКЕ «ЭТИКЕТКА-95». ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ XV МЕЖДУНАРОДНОЙ БИЕННАЛЕ ПЛАКАТА В ВАРШАВЕ

— В последнее время я стал разговаривать с заказчиками на равных. Раньше я считал, что все заказчики — люди недалекие: ничего не понимая в дизайне, лезут не в свое дело. И основания для этого у меня были. Несколько лет назад, например, мне заказали дизайн этикетки «Русской короны» — была такая водка. Я сделал потрясающий красно-черный эскиз в духе Билибина. А потом была жуткая встреча с заказчиком. Он не захотел платить, я не отдал эскиз, и тогда он сказал фантастическую фразу: «А я все запомню, что ты нарисовал, расскажу своим ребятам, они мне то же самое сделают». Вот уровень заказчика. Я же не учу его финансам, а он меня учит дизайну. Но за последние полгода произошло жестокое переосмысление ситуации: я понял, что заказчик имеет право на свои закидоны. Надо помочь ему понять: он — гениальный бизнесмен, я — гениальный дизайнер, вместе мы составим команду, которая может всех урыть.

— С самооценкой у тебя, помоему, все в порядке...

— Я всегда считал, что могу делать крутые вещи: и в двадцать лет, когда делал полное дерьмо, и сейчас. Есть у меня достойные работы. Они греют меня и моих коллег.

— Конкуренции нет?

— Мы же не бизнесмены. Перемывание костей, конечно, идет чудовищное. Но злобы нет. Сегодня скажут «дерьмо», завтра — «вещь». Когда кто-то сделает хорошую работу, клянусь, первый буду с ней носиться, всем показывать и страшно радоваться.

— А хороший дизайн упаковки, хорошая реклама помогают продать товар?

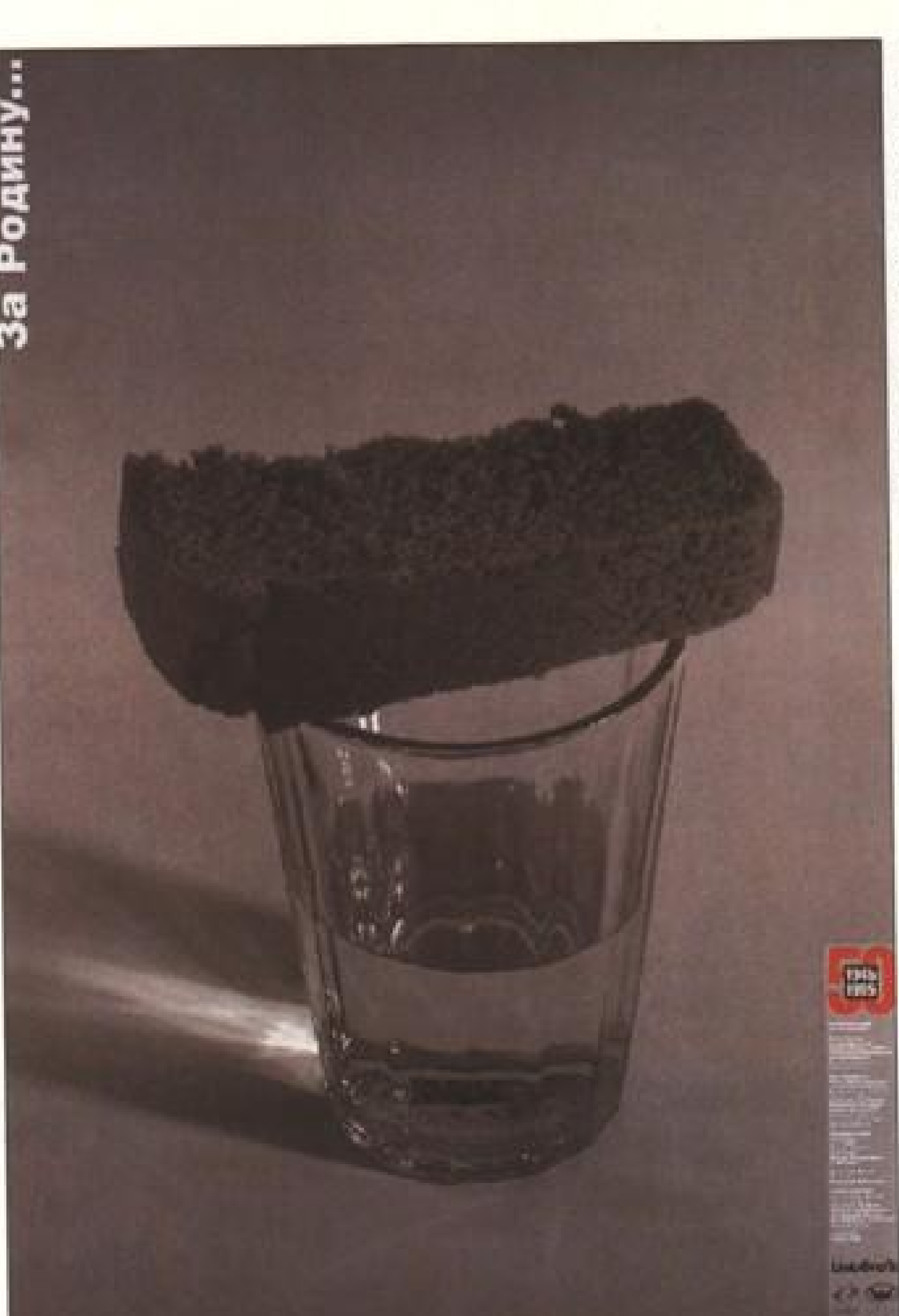
— К сожалению, сам не знаю. К сожалению — потому что это очень интересно: одно дело премии на рекламных конкурсах, другое дело — маркетинг, продажи. Я избалован и стараюсь выбирать работу, которая адекватна моим артистическим наклонностям. Некоторые говорят, что я не работаю, а просто развлекаюсь — в большинстве случаев, наверное, так и есть.

— Бывает, что смотришь на чужую работу и понимаешь, что ты так не можешь?

— Конечно. В графическом дизайне, как во всем, есть гении: немец Лёш, японец Фукуда. Как у них работает голова, чтобы делать такие вещи? Непонятные люди.

— А тебе понятно, почему приз в Варшаве получила твоя «Без этикетки грустно»?

— В нем есть что-то, отвечающее современным тенденциям в рекламе. Сейчас плакат движется именно к простоте, ценится то же, что ценилось в 10—20-е годы. Клип в одном кадре. Сюжета вроде нет, а можно целую книгу написать. Любой зритель, которого заинтересует плакат, может рассказать целую историю — криминальную, эротическую, какую угодно. Например: бутылку раздели на улице.

ПЛАКАТ, ВЫПУЩЕННЫЙ ДЛЯ АКЦИИ «LINIAGRAFIC» К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

— Как ты эту работу придумал?

— Сперва я две недели снимал бутылку, хотел сделать обманку: от бутылки падает тень, а на тень приклеена этикетка с надписью «Этикетка-95». Иллюзорная бутылка, на которой настоящая этикетка. Меня все время что-то угнетало: сто раз снял по-разному бутылку, но не то, хотя вроде неплохо. Началась тоска зеленая. Сидел я перед экраном, грустил. И вдруг это ощущение перешло в плакат: мне грустно, потому что работа у меня не получается, а бутылке грустно без этикетки.

— А вообще, что такое дизайн?

— И наркотик, и способ зарабатывать деньги. Еще в книжках пишут, что «дизайн — язык коммуникации». Язык сложный и красивый. Чем лучше знаешь язык, тем больше удовольствия от общения. И все зависит от того, как долго ты «иностранный язык» дизайна изучаешь. В некоторых странах публика понимает его на уровне годичных курсов. В Голландии, где каждый штемпель делается дизайнером, — на уровне десятилетнего изучения. В России — на уровне младенца, который едва лепечет.

— Можно обучить массы понимать дизайн?

— Надо проводить какую-то миссионерскую работу. Я ходил по биеннале в Варшаве в полном восторге: плакаты высочайшего уровня. Но если повесить один из них в Москве — воспримет ли его прохожий? Как сделать, чтобы человек пришел на почту купить марку, а на ней не чушь пятидесятилетней давности, Кремль какой-нибудь унылый, а кот с золотыми глазами? Чтобы он подумал: «Ух, какая марочка-то классная!» Чтобы он послал открытку подружке не с Долгоруким каким-нибудь, а с котом. Заниматься этим обучением никто не хочет — это чудовищный и неблагодарный труд.

— Ты выставлялся в художественных галереях — для тебя дизайн и изобразительное искусство находятся в одном пространстве?

— Не люблю я московскую художественную тусовку. Очень они ограничены и неподвижны. Задача искусства — плавать по воде, а не сидеть под водой.

— Плавает по воде известно что...

— Правильно. Оно плавает, зато видит весь мир. А камень лежит под водой. Пусть он весь такой чистый, не пахнет, слиток офигительный — но не видит он ничего. Искусство должно находиться в напряженной связи с жизнью, это важнее, чем чисто формальное совершенство. Вообще разницы между искусством и дизайном для меня нет. И то, и другое — визуальная коммуникация. И там, и там есть вещи открытые или, если по-дурацки сказать, коммуникативные. Энергетические вещи.

— Отчего получается или не получается в дизайне коммуникация?

— Для меня очень важно понятие комфортности. Возьми все эти новые журналы — «Птюч» и тому подобное. Все такое красивое, такое красное, зеленое, блестящее, навороченное. Но вызывает удивительное чувство дискомфорта. Только ясность оправдывает провокацию, ясность на уровне структуры, а не на уровне вкуса. Как с женщиной: приводишь, она вроде вся офигительная. Ложишься в постель и понимаешь, что на самом деле она совершенно деструктурная. Чего-то много или мало. Что-то тебя обламывает и понимаешь, что надо уходить из койки.

— Можно это оставить в тексте?

— Конечно. У меня как раз очень структурная жена. Не люблю я дискомфорта, вещей, сделанных только, чтоб меня удивить. Хороший дизайнер строит ясную структуру. А плохой напихивает все, что знает, и не может привести к своей мысли зрителя. Хороший дизайн бывает совершенно необычным, но ты всегда получаешь четко артикулированное сообщение. ■

Ангажированное искусство в голландском исполнении

Закончился «Московский форум» современной музыки

Светлана Савенко

ФЕСТИВАЛИ

Что такое для русских Голландия? Тюльпаны, каналы и еще Петр Великий, овладевавший ремеслом корабельного плотника в Саардаме. Этим ехидным наблюдением поделился нидерландский профессор Онно Шендервуд, вместе с коллегами-музыкантами приехавший в Россию отмечать трехсотлетнюю годовщину императорского ученичества на голландских верфях. Быстро проследовав через Санкт-Петербург, наши гости прибыли в столицу, где в стенах консерватории торжественно открылся шестидневный фестиваль «Московский форум».

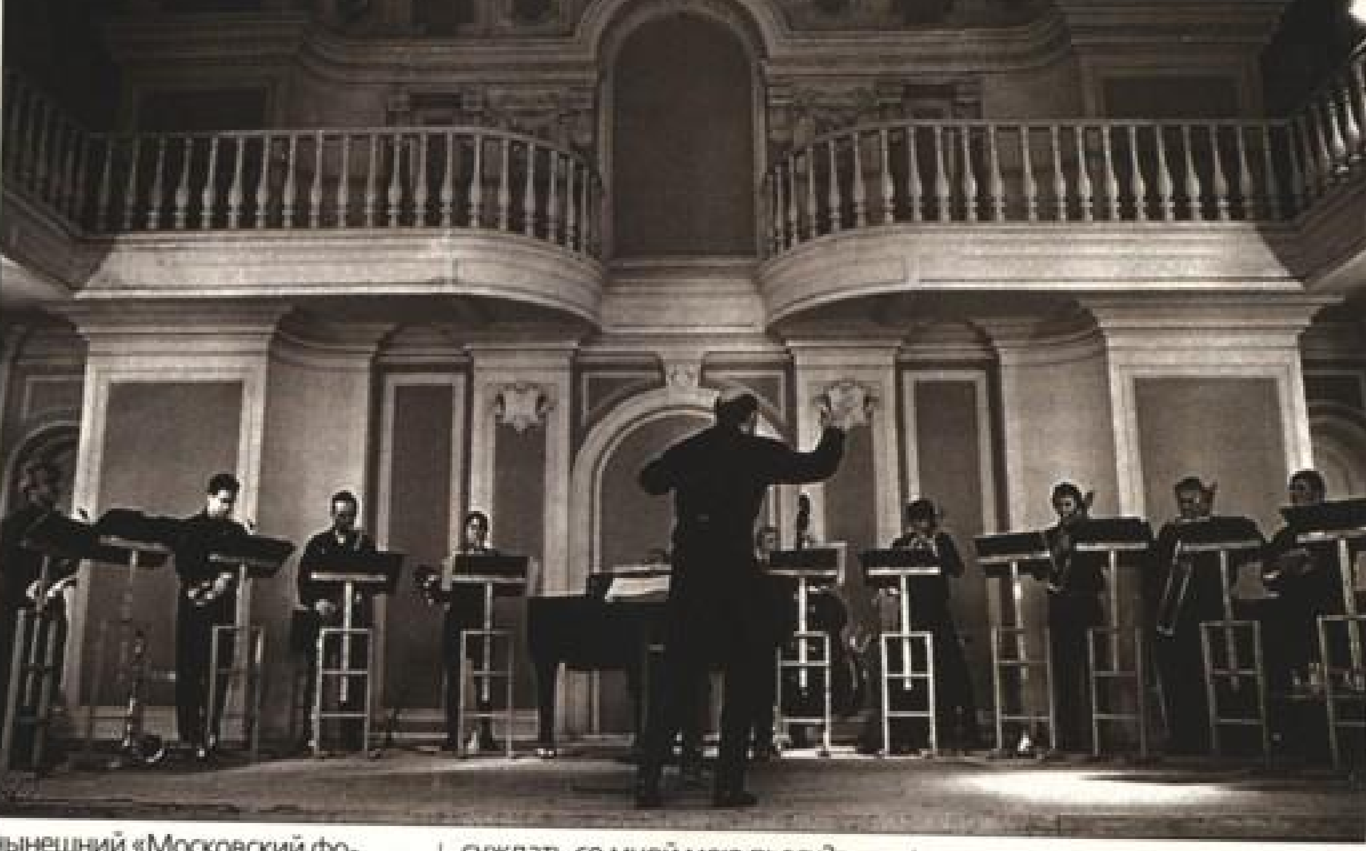
Первый такой фестиваль, тоже русско-голландский, прошел в 1994 году. Затем к нам приезжали музыканты из Германии и из Австрии: концертные программы, мастер-классы, научные конференции, встречи с композиторами... Душа и пламенный мотор этих полуфантастических в наши дни мероприятий — композитор Владимир Тарнопольский. Ему мало просто сочинять музыку, которая с успехом исполняется на родине и за ее рубежами. Ему нужно постоянно обмениваться идеями и музыкальными опусами, вовлекая в водоворот юных студентов и почтенных консерваторских профессоров. Благодаря Тарнопольскому начинает вновь оживать Общество новой музыки, когда-то полноправно существовавшее в России, его же усилиями создан молодежный ансамбль, специализирующийся на классике XX века и самых последних композиторских новинках.

Прорубив окно в Европу, Петр впустил в него сонм проблем, по сию пору распутываемых на российских просторах: Россия обречена переживать те же коллизии, что и западные страны, но переживать по-своему. Доказал это и нынешний «Московский форум», тема которого «Современная музыка: свобода или ангажированность?» Ангажированность, она же социальный заказ, за семьдесят лет навязла у нас в зубах, а к свободе мы не привыкли, нам с ней неуютно. Что делать русским композиторам? Размышлять о круговороте истории, как в «Музыке для десяти» Александра Вустина — трагическом балагане продолжительностью в пять минут, вихревой фантасмагории звучаний, шепота и выкриков? Или на немецком языке издеваться над диктаторами всего мира — как в «Полном безумия мире» Тарнопольского на тексты Курта Швиттерса?

У голландцев все иначе. «Когда Бертольт Брехт после второй мировой вернулся в Европу, он выбрал для жительства Восточную Германию. Первая же пьеса, которую он написал, подверглась партийной цензуре. Однако собравшимся западным журналистам Брехт сказал: «В какой западной стране правительство стало бы тратить силы и время на то, чтобы тридцать часов обсуждать со мной мою пьесу?» Это комментарий Луиса Андриссена к собственному сочинению под названием «Государство», исполненному на фестивале, — на его создание композитора вдохновил классический труд Платона.

Андриссен — главное открытие фестиваля. Его музыка звучала в трех концертах, обсуждалась на симпозиуме, но ее хотелось слушать еще и еще — она завораживала красотой замысла и простотой стиля. Язык Андриссена многим обязан Игорю Стравинскому, чье влияние в Голландии вообще на удивление сильно, однако Андриссен вовсе не эпигон — у него настоящий современный стиль, упругий, жестко-динамичный, нервно-реактивный.

В первый вечер Андриссена играл оркестр «Вольхардинг» («Настойчивость»), созданный композитором в 1972 году и названный в честь одноименного его сочинения. Ничего подобного у нас нет. И «Вольхардинг», и выступивший на следующий день «Эрепрайс» — духовые оркестры, но непривычного для нас рода. Они охотно играют на улицах и площадях — Рахманиновский зал консерватории содрогался от неслыханного напора, — но играют совсем не то, что наши армейские и пожарные команды. Голландцы исполняют джаз и рок-композиции, переложения классики, вроде «Сарказмов» Сергея Прокофьева, и специально написанные для этих оркестров авангардные сочинения — крепко сшитые, ладно скроенные, радующие ухо сочными звуковыми изобретениями. Инструменты сияют, аккорды крепнут, материальная культура торжествует. Ангажированность тоже налицо, ибо при контакте авангардного, академического и развлекательного направлений социальная роль искусства возрастает неимоверно. Во всяком случае, голландцы, очень чувствительные к общественно-политическому обертону, всячески поддерживают подобные опыты.

ВИКТОР ВАСЕНИН

ОРКЕСТР «ВОЛЬХАРДИНГ» ИСПОЛНЯЕТ «ГОСУДАРСТВО» ЛУИСА АНДРИССЕНА

Жюль Жанен
Мертвый осел и гильотинированная женщина
Серия «Литературные памятники». М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 1996

Хотя в 30—50-е годы XIX века имя Жанена иначе как в ряду с именами Гюго, Бальзака, Дюма и Сю не употреблялось, русским читателям, не владеющим французским языком, его книги были не слишком доступны. Реестр русских изданий Жанена длиною всего в четыре названия. Первым номером в этом скромном перечне идет роман «Мертвый осел и гильотинированная женщина» — дебют 25-летнего литератора, выпустившего свою книгу анонимно в 1829 году. Уже через два года роман вышел на русском языке (в первом переводе женщина была обезглавленной). После смерти Жанена роман на русский язык не переводился. И вот спустя 165 лет в прекрасном новом переводе Сильвии Брахман выходит его научное издание.

Во Франции роман пользовался бешеной популярностью и выдержал 17 переизданий. Вокруг него развернулась бурная полемика. И было из-за чего, хотя сама по себе история молодого человека, растерявшего на многотрудном жизненном пути всевозможные иллюзии, рассказанная довольно расхлябанно и многословно, вряд ли могла удивить или заинтересовать читателей. Дело в том, что роман смонтирован из своего рода физиологических очерков — бытовых и нравоописательных зарисовок современного автору Парижа. Синтезировав сразу несколько жанровоповествовательных манер и изрядно перемешав их, Жанен с блеском выполнил стилистическую задачу, которую он перед собой поставил: «Мертвый осел» — это пародия и на «черный готический» роман, и на все крайности «неистовой» словесности. Это также полемика с мнимо простодушной сентиментальностью Стерна. Определив свою книгу как «пародию серьезную, пародию непроизвольную», Жанен воссоздал в ней реальный Париж со всеми его историческими приметами, главная из которых — гильотина. Он увидел «ужасное в обыденном», за что и был прославлен. ■

Татьяна Маргулис

У. Стив Альбрехт, Джеральд У. Венц и Тимоти Л. Уильямс
Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса
Серия «Бизнес без секретов». СПб.: Питер Пресс, 1996

Книга, написанная на примерах «из американской жизни», оказалась нам сегодня очень кстати. В отличие от большинства российских публикаций ее авторы рассматривают проблему мошенничества спокойно и обстоятельно. А начинается она с четкого определения так называемого треугольника мошенничества, состоящего из трех элементов: давления внешних обстоятельств, наличия возможностей для совершения мошенничества и оправдания афериста перед самим собою. Не случайно авторы сравнивают «треугольник мошенничества» с «пожарным треугольником». Ведь для возникновения пожара также необходимы три элемента: кислород, горючее вещество и соответствующая температура.

Приведенные в книге результаты научных исследований безрадостны: «трое из десяти работников ищут возможности что-либо украсть, другие трое ... украдут, как только представится такая возможность, и лишь четверо из десяти останутся честными при любых обстоятельствах». В книге перечислены типы мошенничества (их шесть) и его виды (им нет числа).

«Сокращение честности населения» в США авторы объясняют главным образом тем, что заметно сократилось количество положительных примеров честного поведения. В завершающей части книги приводится подробный (двенадцатиэтапный) план действий по предупреждению мошенничества. Будем надеяться, что эта книга поможет читателям не стать жертвой сомнительных фирм — ведь предупрежденный защищен! ■

Михаил Лукомский

Иннокентий Анненский и русская культура XX века
Сборник научных трудов.
Спб.: Музей Ахматовой, 1996

Эта книга — не первое издание такого рода, осуществленное Музеем Ахматовой. В 1990 году вышел аналогичный сборник, посвященный Михаилу Кузмину, он включил в себя множество материалов биографического характера, а также работ о современниках поэта, зачастую лишь косвенно связанных с самим Кузминым.

В сборник, посвященный Анненскому, напротив, вошли в основном статьи, интерпретирующие творческое наследие поэта. Лишь два материала составляют исключение: первый посвящен достаточно тривиальным обстоятельствам молодости поэта (университет, женитьба, первые литературные опыты); второй — связи между сердечной болезнью, которой страдал Анненский, и его творчеством. Радует полное отсутствие «споров о наследстве» и попыток напрямую привязать классика (точнее, восходящую к нему традицию) к тому или иному современному литературному явлению. Вообще вопрос о влиянии Анненского на грядущую поэзию как бы выведен за скобки — за самоочевидностью. Рядом с именем «последнего из царскосельских лебедей» упоминаются в первую очередь его предшественники и современники — Еврипид и Чехов, испанский философ Унамуно и английский поэт Хаусмен, А. К. Толстой и Вячеслав Иванов, Сологуб и Аполлон Григорьев.

Среди участников сборника не только такие известные литературоведы, как Роман Тименчик, Наталья Ашимбаева, автор, возможно, лучшей из ныне изданных работ об Анненском — Анатолий Барзах, но и поэты Дмитрий Бобышев, Александр Кушнер, Томас Венцлова, Виктор Кривулин, Алексей Пурин. В данном случае они выступили в качестве ученых и изъясняются языком науки.

Авторы вполне осознают подстерегающую их опасность, которую Барзах сформулировал так: «Что бы мы ни придумывали, мы анализируем тексты, и только тексты, знаки, и только знаки: анализируя, пишем новые тексты, наслаивая один на другой, надеясь хотя бы в просветах между листами этой растущей кипы различить случайный свет...» Это стремление чувствуется в большинстве материалов сборника. Любому вдумчивому читателю поэзии известно, что ключом к «случайному свету» становится порою совершенно незначительная на первый взгляд деталь: так, статья Тименчика, одна из самых серьезных в книге, называется «Устрицы у Анненского и Ахматовой» — это не так уж и неожиданно, если вспомнить свойственное поэтике Анненского стирание граней между живым и неживым, большим и малым.

Структура книги и присущий ей столь редкий в наши дни целомудренный дух, свобода от суетности и сентиментальности во многом определены творческим складом и судьбой самого Анненского, не случайно подписавшего свой единственный прижизненный стихотворный сборник псевдонимом Ник. Т-о, уходившего в своих, казалось бы, обнаженно-эмоциональных стихах от любой автобиографической конкретности, отчасти сознательно, отчасти по воле обстоятельств избежавшего прижизненной славы... Более, чем кто-либо другой, он сумел защитить себя от слишком пристального внимания потомка-циклопа и в то же время заслужить сдержанную во внешних проявлениях, но очень прочную и глубокую любовь. ■

Валерий Шубинский

Прошлое в настоящем и будущем

Сентябрьский литературный пейзаж

Николай Александров

ЖУРНАЛЫ

Настоящее суетно, изменчиво и будто заражено пустотой. «Ничего» — обыкновенная реплика на вопрос «Как поживаешь?». Если задать вопрос в прошедшем времени: «Как ты жил?» — подобный ответ потеряет невинный характер. Прошлое более требовательно и более совершенно.

Актуальность ущербна и уныла, если и не как таковая, то в художественном преломлении многих современных писателей, в последних рассказах Людмилы Петрушевской в частности («Непогибшая жизнь», «Октябрь» № 9). Здесь речь идет о растянутом во времени настоящем, когда ничего не совершается и из цепи «несовершенств» складывается жизнь. Здесь курортный роман («С горы») скорее всего заканчивается венерической болезнью (ситуация следующего рассказа «Хэппи-энд»), поздний ребенок оказывается душевнобольным («Как ангел»), а преуспевающая сотрудница газеты — воровкой («Непогибшая жизнь»). В прошлом ничего не остается, его попросту нет, и фотографии из семейного альбома, старые пластинки и патефон, которыми героиня рассказа «Хэппи-энд» думает заинтересовать своих родственников, никакого сочувствия не вызывают. Это «настоящее вообще», подчеркнутое манерой повествования — намеренной неуклюжестью разговорного языка с бесконечными «ну», «то есть» и «так сказать». Беспамятный мир, ограниченный повседневностью.

Гораздо более светлые эмоции вызывает проза Фридриха Горенштейна, опубликованная в том же «Октябре» (№№ 8—9) повесть «Летит себе аэроплан. Свободная фантазия по мотивам жизни и творчества Марка Шагала». Не потому ли, что речь идет о жизни истинно бывшей, состоявшейся?

Историческое прошлое теплее и уютнее.

Петербург 1836 года, лейб-гусары, ментики, кивера, юноша, только вступающий в жизнь, колоритные характеры и сильные страсти — XIX век, внимательно и неторопливо воссоздаваемый по его литературным канонам, предстает в романе Антона Уткина «Хоровод», который начал печатать «Новый мир» (№ 9). Насколько цельной получилась картина, станет видно из следующих номеров. Пока же можно сказать, что чтение романа Уткина не вызывает раздражения, он не выглядит безвкусной подделкой, как это часто бывает со стилизациями.

Стилизация требует такта и чувства меры. Явный дефицит и того, и другого остро ощутим в романе Юрия Буйды «Ермо» («Знамя» № 8). Буйда выдумал гениального писателя и попытался живописать его судьбу. Роман написан в форме научной биографии некоего Джоржа (Георгия) Ермо — гениального русско-американско-итальянского эссеиста, писателя, драматурга и кинорежиссера, лауреата Нобелевской премии. Ермо родился в 1914 году в России, детство и юность провел в США, большую часть зрелой жизни — в Венеции. И жизнь, и творчество Георгия Ермо (его произведения обильно цитируются), вписанные в историю XX века (герой Буйды встречается с Бунюэлем и Бергманом, рассуждает о Бунине и Набокове и пр.), призваны доказать бытийную полноценность иллюзии, продемонстрировать магическую мощь творящего слова. Роман ставит знак равенства между «жизнью» и «творчеством». Георгий Ермо размышляет о зеркалах, двойничестве, платоновском эйдосе, пишет произведения, в коих искусство и действительность находятся в весьма непростых взаимоотношениях (вроде новеллы о художнике, писавшем портреты, которые изменяли внешность портретируемого), но и в жизни находит дом, который строил в детских сновидениях, и силой воображения (памяти) возвращает, вызывает из зазеркалья украденную старинную чашу, серебряный потир — символ божественной мудрости. В целом же роман производит впечатление вольного и причудливого смешения в духе барокко, к сожалению, не слишком удачного.

«Миф поэта и поэт мифа» называется статья Валентины Полухиной в 3-м, только что вышедшем номере журнала «Литературное обозрение», посвященном памяти Иосифа Бродского, где также помещены интервью о Бродском с Дереком Уолкоттом, Чеславом Милошем, Томасом Венцловой, статья Ольги Седаковой «Кончина Бродского» и обширная библиография.

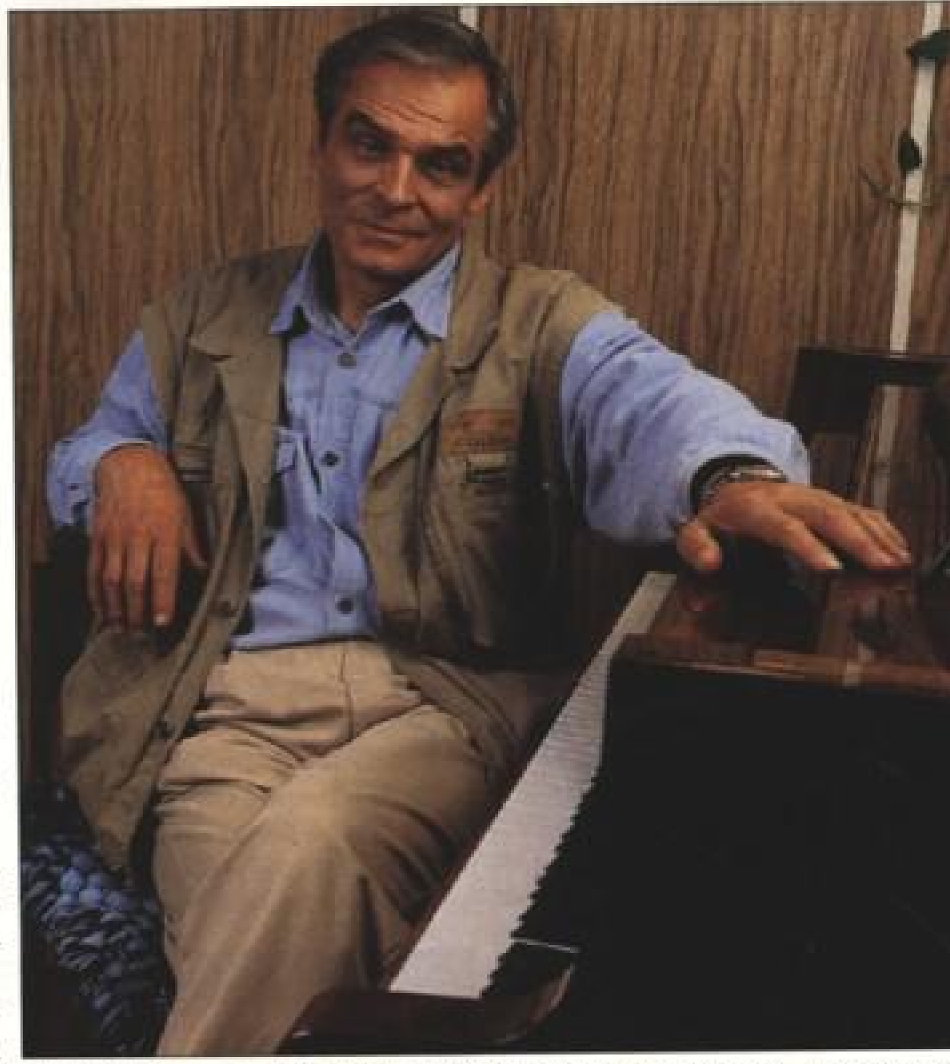
Каждая эпитафия другому — самоэпитафия, но одновременно и способ преодоления смерти, ежедневного собственного умирания. Наверное, так и стоит воспринимать «стихопрозу» Андрея Битова «Жизнь без нас» («Новый мир» № 9) — воспоминания и размышления в стихах и прозе о близких и умерших, своеобразное собрание некрологов, будто пропитанное духом Василия Розанова. У Битова воздействие автора «Уединенного» и «Опавших листьев», оказывающего столь сильное влияние на современную литературу вообще, чувствуется не в интонации, не в манере, а в способе изложения, рассказывания — прямое и простительное следствие «эгоистического» (лирического) характера произведения. Разговор об умерших, чью судьбу из случайной смерть сделала закономерной, — еще и попытка увидеть знаки необходимости в собственной жизни. И тогда 28-е, страшное, пугающее, по признанию автора, число, овеянное смертью других, странно рифмуется с номером квартиры Андрея Битова и в Петербурге, и в Москве — тоже 28.

Рассказывая о том, как переживалась смерть другого, Битов творит себя, строит свое прошлое, череду завершенных дней. Это опыт несовершенной смерти, который со временем дополнит чужая память. ■

Дом лучше строить самому

Герард Васильев: «Когда азарт захватывает, все нипочем»

Алла Туева,
Ярослав Седов

— Герард Вячеславович, у вас и на сцене Театра оперетты, и в жизни такая неотразимая выправка — поклонницы, наверное, проходу не дают...

— В Париже — и то настигли. Я приехал на гастроли с группой артистов, и мы в свободный день отправились на экскурсию в Нотр-Дам. Подходим, а там автобус с русскими туристами. Они нас увидели и, не глядя на собор, — бегом к нам за автографами. Кто-то начал фотографировать, причем от волнения забыл крышку с объектива снять. Я об этом сказал, так коллеги потом всю поездку подшучивали: «Вот как надо заботиться о своей популярности, ничего не упускать!»

— Так это вы от поклонников в лесу скрываетесь? Говорят, все свободное время проводите где-то в глуши.

— Не в глуши — в Тверской области. У меня там изба в деревне, где всего пять домов. Зато соседи какие: скульпторы Думанян и Семынин, художник Борис Диодоров (тот, что оформлял «Винни-Пуха» и «Путешествие Нильса с дикими гусями»), в соседней деревне — дача Людмилы Зыкиной.

— Наверное, за грибами вместе ходите?

— Бывает. Но этим летом я никуда не ходил. Строил рядом с избой щитовой дом, чтобы внуку было куда пригласить друзей. Компания большая, в одной избе уже тесно.

— Вы сами строили или кто-то помогал?

— В одиночку устанавливать столбы для щитов и каркас все-таки сложно, поэтому вначале помогали два мужика. Но они быстро устали — народ-то пьющий, за неделю 24 бутылки водки — как не бывало. Пришлось достраивать самому. Крыша еще не была рубероидом покрыта, когда они уехали. Страшновато было там возиться, она крутая получилась, и высота — метров шесть. Но когда строительный азарт захватывает — все нипочем, думаешь только, чтобы успеть сделать то, что хочешь. Мне очень нравится придумывать планировку, рассчитывать, чертить — вот тут будет окно, справа — дверь, слева — лестница... А потом все это самому делать. Потому что многие детали плана в ходе работы меняются.

— То есть процесс вам нравится больше, чем результат?

— Нет, результат мне тоже очень нравится, когда я его показываю соседям. Они ходят и восторгаются: «Ах, какой дом, какая баня, какой сарай! Неужели сам строил?»

— И печка есть?

— Да, в избе есть настоящая русская печь. Мы в ней топленое молоко делаем в настоящих крынках — их мне оставил крестьянин, у которого я купил дом. Но больше всего мне нравится блюдо «селянка» — режете картошку, кладете на сковородку и постепенно добавляете грибы. Лучше всего подберезовики или подосиновики: они дают сок. И в этом соку все должно париться. Можно добавить лук. Потрясающая еда. Еще я люблю грибной плов. Отдельно отвариваются рис и лисички, потом все перемешивается. Опять же лучше с луком. Но грибы — пища опасная, тяжелая. Лучше не увлекаться и много их не есть.

— У вас есть определенная диета или режим питания?

— Есть специальная тактика — как не объедаться на застольях, что довольно трудно в хлебосольных русских семьях. Я всегда ел очень быстро — по военной привычке. И мне сразу подкладывали еще. Тогда я просто стал есть медленно. И теперь, когда предлагают добавку — у меня еще полная тарелка.

— О какой военной привычке вы говорите?

— Я же окончил суворовское училище. Меня определили туда родственники: мои родители погибли во время войны. В Суворовском тогда учили десять лет. Летом мы «в атаку» ходили — в жару, по песку, с полным снаряжением. Зимой «оборону держали» в окопах. Но самое главное — нас не «натаскивали» на определенную военную специальность, а заботливо и хорошо воспитывали, старались всесторонне развивать, чтобы не заглушить способностей. Офицеры-воспитатели и преподаватели к нам относились, как к своим детям. Ведь многие из них с фронта пришли, некоторые потеряли семьи. У нас были сержанты и старшины-сверхсрочники, окончившие училище и отказавшиеся от карьеры, чтобы остаться там работать.

Кроме военных специальностей и полного общеобразовательного курса, у нас были фехтование, верховая езда и даже бальные танцы. После отбоя нам дежурный офицер всегда что-то читал или рассказывал — не сказки, конечно, но стихи, рассказы, всякие занимательные истории.

А какая самодеятельность была! Бывало, в одном концерте я запевал в хоре, играл в оркестре на домре, читал стихи и танцевал лезгинку — целый творческий вечер. А уже будучи курсантом участвовал в драмкружке.

— То есть сразу было ясно, что вы станете артистом?

— Нет, я серьезно готовился с оружием в руках служить Родине. Так и заявил известному певцу Ивану Струкову, председателю жюри смотров армейской самодеятельности, когда он сказал, что мне нужно учиться петь. Но он ответил: «Вот когда Родина призовет — пойдете с оружием. А сейчас ваш долг — реализовать свои природные способности».

Судьба сама распорядилась так, что на четвертом курсе половину нашего выпуска, в том числе и меня, перевели в Ленинград на центральные автомобильно-тракторные офицерские курсы. Я одновременно учился в Ленинградской консерватории и служил на этих курсах. В итоге, кроме консерваторского диплома, у меня есть диплом техника-механика по эксплуатации автомобилей и тракторов.

— Наверное, с тех пор у вас нет проблем с ремонтом машины?

— Конечно, нет. Я достаточно грамотен, чтобы не пытаться чинить самому, а сразу обратиться к квалифицированному мастеру.

У природы нет плохой погоды

